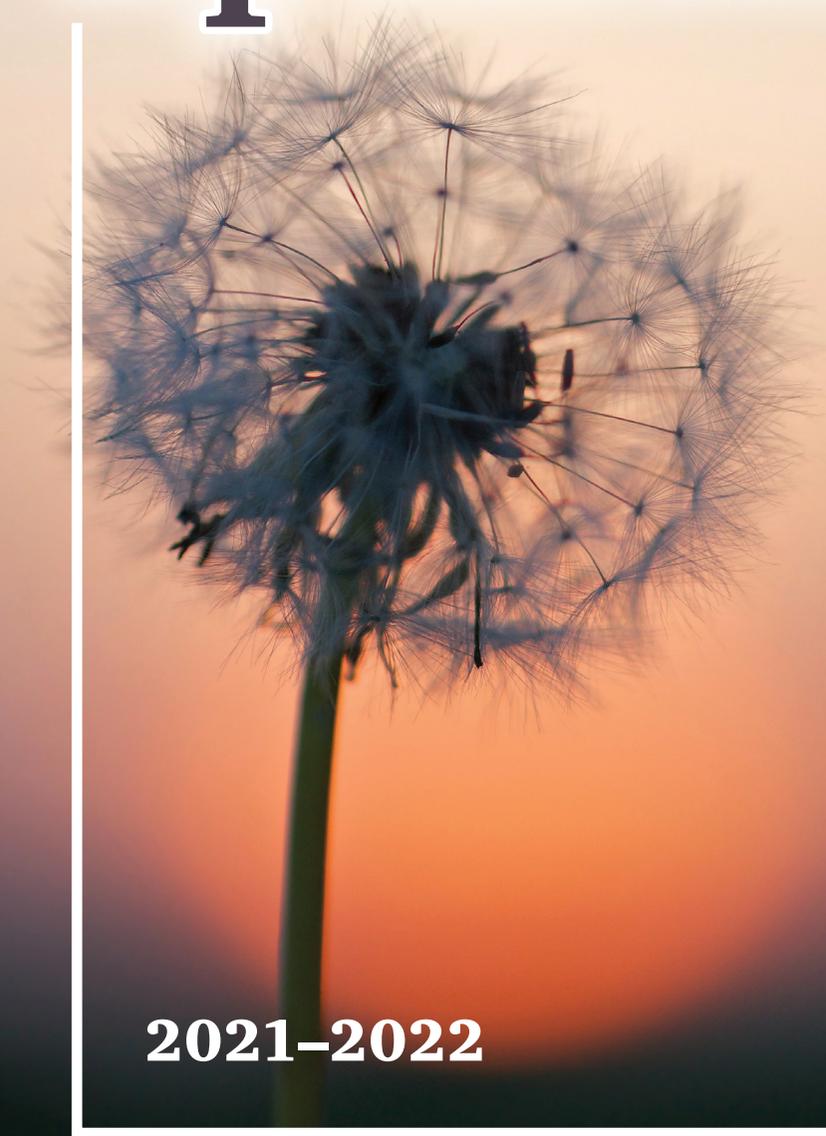

*«Плохие времена, тяжёлые
времена – вот что люди не
устают повторять.
Но давайте жить хорошо,
и времена станут хорошими.
Мы и есть времена. Каковы мы,
таковы и времена.»*

Аврелий Августин

НОВЫЕ ВРЕМЕНА • Альманах духовной лирики

Новые Времена

2021–2022

Новые **Времена**

*Альманах духовной
лирики*

2021–2022

Христианская лирика – это мир восхищения Богом, временем, в котором мы живем, его неповторимостью и скоротечностью! Христианское осмысление жизни выносит нас за рамки временности и открывает перспективу вечности, когда времени уже не будет! Вечный Бог дает нам новую перспективу бытия, в которой мы дорожим быстротечностью нашей жизни, понимая, что она дана нам для служения и прославления Вечного и Неизменного Бога. Замечательные поэты и прозаики, представленные в этом издании, каждый по-своему открывает красоту, ценность и неповторимость нашего времени.

Иван Милеев,
*Президент
Тихоокеанского
Объединения
Церквей ЕХБ*

Любовь Бледных (Володенко)

*Стихи мои отправлены земле
Посланием любви и светом веры...*

Родилась в 1959 году в России,
в прекрасном её уголке – Северной
Осетии. Вся жизнь Любы связана
с Владикавказом – городом, в котором она
закончила школу, получила высшее
экономическое образование, вышла замуж
и родила троих детей. Стихи пишет с 12 лет,
в свет вышли пять её книг, две из которых
опубликованы в Германии. «Запретных тем
для меня нет, – говорит Любовь о своём
творчестве, – хотя чаще пишу о смысле
жизни, вере, любви».

У нас красиво и тепло

У нас красиво и тепло,
Растаял снег, и зреют почки.
А на листок стекают строчки,
Как капли влаги на стекло.
Лист оживает под рукой,
Влетают птицы прямо в окна!
И я почти совсем промокла
Под струйной дождичной рекой.
Запах подснежник, ожил лес,
Трава проснулась и, живая,
Спешит сквозь дёрн, одолевая
Зимы последний жалкий всплеск.
Кавказ приветствует весну –
Стремится жизнь из каждой почки!
Все перечеркнуты отсрочки:
Все, все – не примем ни одну!
Кавказ приветствует весну...

04.04.2021

Примчался дождь из дальних мест
И скоро стих.
Тебе когда-то надоест
Любить других.
Тебе когда-то надоест
Чужая жизнь,
И ты от всех своих невест
Ко мне сбежишь.
Но, представляешь, я пойму
Что всё, что здесь
Лишь без тебя теперь приму.
Мне надоест
Твоя игра с самим собой,

Конец борьбе!
И ты любой, теперь любой
Не нужен мне.

08.06. 2019

Идёт ребёнок

Пока ещё тепло, почти что вечер:
Вот-вот, и город включит фонари...
Идёт ребенок за отцом беспечно –
Расшаркался ногами, как старик.
Большую булку уплетает смело:
Спокоен взгляд, и страха вовсе нет!
А мир встает на ноги неумело,
И ужаса зализывает след...
Переоценит ценности? Не знаю!
Пойдет ли к правде? Может быть, пойдёт.
От страхов, что навязаны, устанет.
От суетных бессмысленных забот
Он, наконец-то, повернется к Небу
С молитвою внутри и на устах!..
И как малыш за папой, с Вечным хлебом
Пойдет за Богом, забывая страх.

13.10.2020

Ни на чьем пути не стою:
Станет грустно – песни пою.
Станет больно – раны лечу,
А когда уже чересчур
(О, спасибо за все Небесам!)–
На бумагу кладу голоса.
Все, с чем так невозможно жить,
Льется вязью стихов из души.
Вот и легче. Снова пою.
Ни на чьем пути не стою.

12.12.2018

Ты рвался на волю, ты рвался на волю,
Как дикая птица, что стонет в неволе.
Ты рвал наши связи, как тяжкие путы.
И нет больше дружбы, смятенья и смуты.
Все стихло. Ушло. Я болей утомилась,
И выжила снова, и дарят мне милость
Живые, чудесные, верные руки
Того, Кто со мною проходит разлуки.
Кто на руки брал меня, если сдавалась...
Ты рвался на волю. А я оставалась.

10. 08. 2018

Н.Заболоцкому

Мои стихи отпущены в эфир:
По фразе, и по слову, и по звуку
Витают голоса вселенских лир,
Неся с собою радость или муку.
Витают, долетая до сердец,
И падают в кочующие души,
Вдруг складываясь в радужный венец
Или бальзам, забравший боль и ужас.
Стихи мои отправлены земле
Посланием любви и светом веры...
Сто лет ещё, или последний мне
День жизни был Создателем отмерен.

23.01.2017

Напиши мне письмо, мама,
Из далёкой дали прямо.
Журавлям не достать места,
Где мы будем потом вместе.
Напиши мне письмо, мама,
Опустели мои страны...
Но как чудно иметь в Небе
Не машину, не дом с хлебом...
Там горят для меня свечи
Долгожданной с тобой встречи.
Отдадим мы разлук муки
Самой верной любви в руки!

02.08.2016

Забытым детством пахнет мандарин,
И ёлка тихим светом серебрится.
И нам, трём юным сёстрам, до зари
Там вдалеке, подолгу так не спится:
Болтаем, строим планы, веселясь,
И будущее скрыто за завесой.
И дней, и лет ещё плетётся вязь,
Для нас всё сделав тайно-неизвестным.
Мы счастливы! Нет шишек и седин,
Предательств и потерь альбом хранится...
Забытым детством пахнет мандарин,
И ёлка тихим светом серебрится.

18.02.2016

Не высохли слёзы. Вы плачете, мамы,
Вы плачете, мамы, о детях своих!
И в звёздах, зажжённых над школой Беслана,
С надеждою ищите, ищите их.
Вы ищите их в облаках над горами,
В тумане над Тереком, птицах вдали...
И годы, что столько всего постирали,
Стереть этой памяти в вас не смогли.
Какой высотой страданий отмечен
Весь путь, что прошли вы, скучая по ним!
Я знаю: алмазов дороже и крепче
Любовь материнская к детям своим.

09.10.2015

На самой высокой ноте
Печали придёт весна –
В надежде, в любви, в работе,
С ночами, почти без сна.
Придёт, разрывая в клочья
Всю тяжесть былых невзгод,
Весна – словно в гости дочка,
Которую мама ждёт.
Прислушаюсь: зреют почки,
Трава – мурава ползёт.
И так моё сердце хочет,
Чтоб лопнул на речке лёд!
Чтоб льдины сошлись в боренье,
Чтоб их унесла вода.
И птичье живое пенье
Заполнило города.

11.10.2015

Почему мы до сих пор не поняли?
Почему мы до сих пор не приняли?
Нет людей с похожими ладонями,
Лицами и душами, и мыслями.
Все мы отличимы, все мы разные –
Даже цветом кожи не похожи мы,
Генами, традициями, разумом,
И чертами жизни всевозможными.
Разные. Но в той заглавной общности,
Что могла причислить к человечеству,
Хочется одной простой похожести –
Искренней и чистой человечности.

На вспаханном поле

Жизнь жёстче и злее,
Чем мы бы хотели,
И я не имею
Гармонии с нею.
В потерях и боли,
В предательствах, бедах
Должна я быть солью,
Должна я быть светом.
И трудно, так трудно
Искать в себе силы,
Чтоб каждое утро
Любовь приносили
В измученный, серый,
Чужой мегаполис.
И нужно жить, первой
О всех беспокоясь.
Сама, как пылинка,
Что канет в ладони...
Я – Божья песчинка,
Его я подспорье.
Прости мне плохое,
Прими и позволь мне
Быть рядом с Тобою
На вспаханном поле.

29.01.2015

Не уходи

Не уходи, осталось полчаса –
Тысячелетье третье будет нашим!
Пусть замолчат чужие голоса,
В душе твоей возникшие однажды.
Не уходи! Накрыли дети стол –
Они тебя сегодня очень ждали,

Не день, не два, не двадцать и не сто
Сердца их расставаниям отдали.
Дурное все забудется, поверь,
И в детских снах отныне бед не будет,
Ведь Новый Год сейчас откроет дверь
Туда, где могут радоваться люди.
Подарены подарки. Звать нельзя.
Какая боль ложится мне на плечи!
«Не уходи!» – кричат мои глаза,
А губы шепчут: «Бог с тобой, до встречи»

02.01.2000

Не перестанет литься солнце

Как просто верить и любить,
Когда иначе жить не можешь,
И жизнь твою Создатель сложит
Лишь только так, как может быть.
Как просто верить и любить,
Когда нет ненависти места,
Когда в душе твоей воскресло
Все то, что злобой не убить.
Ведь стоит жить, творя добро.
Ведь стоит жить, даря надежду.
Храня надежней, чем одежду
Людского братства серебро.
И утро снова улыбнется.
Ты не отчаивайся, верь!
Сквозь боль утрат и тьму потерь
Не перестанет литься солнце.

09.08.2000

И опять Ты даёшь мне друга

«Есть в мире сердце, где живу я!»

А.С.Пушкин

И опять ты даешь мне друга!
В непроглядной, казалось, тьме,
В беспросветности злого круга,
Ты приносишь подарок мне.
Разве белых ворон любили
И давали им вольно жить?
Ты прости, я сложила крылья,
От предательств устав тужить.
Примирилась с размером клетки,
Только корма не стала брать,
И хотелось мне больше смерти,
Чем желанья не умирать.
По утрам я который месяц
Просыпаюсь с мольбой в душе:
– О, Великий мой сердцеведец,
Я хочу в небеса уже!
Только Ты, Ты меня так любишь,
Что не стала могилой клеть:
Настежь дверь – и цветы, и люди,
И желанье лететь, лететь...

Ната

Мы вспоминали счастливые даты:
День нашей свадьбы и день Рождества,
Только приезжая девочка Ната
Вдруг опустила печально глаза.
И рассказала по дням и минутам,
Помня подробности каждого дня:
– Бабушкин дом загорелся под утро
Двадцать четвертого февраля.
Первого марта в квартире над нами
Стену пробил, не взорвавшись, снаряд,
Третьего – было разрушено здание
Школы, потом детский сад.
Ну, а с апреля мы жили в подвале...
И замолчала, не став продолжать.
Не захотела, а может, устала
Страшные даты свои вспоминать.
Дети мои прижимались друг к другу,
И тишина натянулась струной.
Плача, потом проводили подругу
К маме и сразу вернулись домой.
Молча обняли меня и уснули,
Скорбь разделив с этой детской душой.
Что им приснится: цветы или пули,
Мертвые лица иль праздник большой?!

28.07.1995

Спасибо, что ты ушёл

Пришли времена раздумий
И, кажется, хорошо,
Что ты... ты тогда не умер,
Что ты от меня ушёл.
Спасибо за горе горче
Любых самых горьких бед,

Спасибо за дни и ночи,
В которых твой таял след.
Спасибо за лёгкий пепел
Судьбы, что родной была,
Но мир был красив и светел,
Пока я с тобой жила.
Тому, кого очень любим,
Желаем всех благ душой...
Спасибо, что ты не умер,
Спасибо, что ты ушёл.

30.03.2013

Об Ахматовой

*«Изумительный поэт... надо, чтобы долго жила,
много ещё скажет и сделает».*

Б. Пастернак, 1926 г.

«Надо, чтобы долго жила...» –
Пастернак об Ахматовой.
Словно птица: вся, от крыла
Ввысь со стартовой.
Птица! И не дать, не взять –
По-над бездною.
Пусть живёт. Ей есть, что сказать,
Быть полезною.
И паря совсем нелегко,
Не стремительно,
К нам роняла перья стихов
Изумительных!

26.03. 2013

Пока с земли взлетает к небу птица

Терпение без края, без конца –
Безбрежные поля, глубины, бездны!
Терпение касается лица,
И вот весна как будто бесполезна.
Морщинки налетели на него
И безнадёжно тянут время тенью.
И кажется: вот-вот, в конце всего,
Умрёт мечта, как старое растение.
Но там, где нарождается заря,
Назавтра я увижу снова солнце!
И это ожидание не зря,
И луч мечты в окно ко мне прорвётся.
Он будет будоражить мой покой.
Я буду знать, что без него не выжить.
Терпение: мечта за той рекой,
За той горой, что солнце красит рыжим!
За этим мигом, днём, за годом вновь
Вплоть до того, пока мечте не сбыться,
Пока во мне течёт по венам кровь,
Пока с земли взлетает к небу птица.

09.03.2013

И восходила в зенит красота

Сына растила, лелеяла мать,
Зная расплату:
Время пришло Его телу страдать
Там, на распятые.
Ноги сгибались, и не было сил
Верить в такое!
Но выживала: Он Бога просил,
Жить лишь любовью.
Выбрал Он Сам этот путь до креста –
Всё добровольно!
И восходила в зенит красота
Свято и больно.

18.11.2008

Я в этом мире не случайно,
Я для чего-нибудь пришла:
Смогла кому-нибудь свечами
Путь осветить моя душа.
Глотком воды была кому-то,
Кусочком хлеба, может быть,
И чьей-то жаждой встретить утро,
И чьей-то радостью любить.
Проходит жизнь, летит, как птица,
Не останавливаясь, мчит.
Бог дал мне ею насладиться
И болью смог меня учить.
Всего давалось полной мерой,
За всё Его благодарю!
Люблю, надеюсь, зрею, верю,
Вбираю счастье и дарю.

22.05.2010

Париж

Плывёт предутренняя тишь,
Звонок и тихий голос:
– Прости, а ты уже не спишь?
– Расчёсываю волосы.
Ты не обидишься, скажи...
Заговорил так скоро:
– Я подарю тебе Париж,
Великолепный город.
Побудь на празднике души,
Ты заслужила это!
За перевал склонилась жизнь,
Проходит бабье лето.
И так тепло от слов твоих
И дружбы, и вниманья.
И странно, что в пределах их
Сбываются желанья.

01.10.1998. Германия.

Альбинони

Альбинони. Адажио
С удивительной жаждою
Бесконечности светлого
В мире, мучимом ветрами.
Альбинони – мерцание
Чистоты. Отрицание
Процветания пошлости.
На пределе возможности –
Альбинони – до нежности,
До любви неизбежности.

04.04.2008.

Она поднимется

Ее вы выманили просто,
Позвал знакомый, а потом...
Накинув легкое пальто,
Иду во двор считать я звезды.
В который раз не в силах спать:
– Одна, две, три...и семь, и восемь.
Чуть слышно сбрасывает в осень
Орех листву свою опять.
Вас было много, и толпой
Хотелось вволю поглумиться,
Ей нечем было защититься
От вашей жадности слепой.
Все было точно учтено:
Сиротство, бедность, незащитность,
Вы издеваться не страшились
Над бесприютной чистотой.
К ней не пристанет ваша грязь!
Она поднимется, я верю,
Любим, конечно, будет ею
Малыш, зачатый в страшный час.
Её ли мне теперь жалеть,
Иль вас – потерянных и подлых,
Безнравственных в своей свободе,
Чтоб человеческое иметь?
Опять не спится до зари,
Я думаю который месяц:
Кто вас, таких, носил под сердцем,
Ходить учил и говорить?
И есть ли в вас хоть капля слуха,
Чтоб слышать истины слова...
И сможет ли поднять она
Вас, вот таких – убогих духом?

19.08.1995

Ольга Велиган

*Как пахнет этот долгожданный хлеб
Цветеньем аромата неземного...
На этой нищей, выжженной земле
Мы к Иисусу прикоснулись снова.*

Ольга Велиган – автор поэтических сборников «Мить, як вічність», «Голгофа», «Причастя», «Прозріння» и книги «Небеса», куда вошли стихи разных лет на русском и украинском языках. Это размышления о смысле жизни, о величии и милости нашего Господа, о вечности в Небесах, которую дарует Спаситель всем, кто возлюбил Его. В 1992 году Ольга Велиган приняла крещение. До 2000 года вместе с дочерью Ириной вела телепрограмму «Вначале было Слово», была старшим редактором Тернопольского государственного телевидения. Она – литературный редактор журнала «Божий виноградник» Тихоокеанского Объединения евангельских христиан-баптистов. Ольга – мать троих детей. У нее шестеро внуков. Живет в Сакраменто, Калифорния, член Grace Avenue Bible Church.

Слово Господне – точка отсчёта

Бог превращает в реальность мечту,
Он нам дарует крылья для взлёта.
Все почитаю за суету:
Слово Господне – точка отсчёта.

Рядом всё громче звучат голоса:
Где же обещанный парус и лодка?
«Ты только веруй», – Иисус нам сказал:
Слово Господне – точка отсчёта.

За горизонтом – иная страна:
Что там, на тех неизвестных широтах?
Мы к Иисусу идём по волнам:
Слово Господне – точка отсчёта.

За счастье наше Иисус заплатил
Крестной ценою Крови и пота.
От доброго к лучшему мы на пути:
Слово Господне – точка отсчёта.

О, как тускнеет презренный металл
И самоправедности позолота.
Он нас на дланях Своих начертал:
Слово Господне – точка отсчёта.

Хлеб поднимает Он к Небу не зря,
Сердце Его благодарно и кротко.
И умножается хлеб во сто крат:
Слово Господне – точка отсчёта.

Среди безмолвья, морей и тревог
Тщетна, безрадостна наша работа.
Сети закинем по слову Его:
Слово Господне – точка отсчёта.

Рыба блестит, как талант серебра,
Сети полны и медовые соты.
Чудо и явь... Как тонка эта грань!
Слово Господне – точка отсчёта.

Я пред дверью Твоею вечерней порою –
Здесь сошлись все желанья мои и пути.
Да, я буду стучать, пока Ты не откроешь...
Да, Господь, да, мне некуда больше идти.

Да, я буду стучать от вечерней зари
И от ранней зари до вечерней опять.
И я буду взывать к Тебе, громко взывать,
И я знаю: Ты мне эту дверь отворишь.

Да, грехи, как проказа уродуют душу,
И не лучшая я из Твоих дочерей,
Но и в зное июльском, и в зимнюю стужу
На коленях стою у Твоих я дверей.

Да, я буду стучать, когда заперты двери,
Когда все уже спят и погасло окно,
Я о хлебе прошу – о надежде и вере,
Я прошу о любви – об Основе основ.

И тогда невозможное станет возможным,
Когда Ты, мой Господь, Ты, мой Царь, отворишь –
И ничто в этом мире уже не тревожит,
Когда Ты, мой Господь, Ты, мой Царь, говоришь.

Когда Ты посылаешь мне благословенья
И снисходишь с высот до моей нищеты,
И в величии Царском Ты даришь мгновенья
Упоения силой Твоей красоты.

Тогда голос Твой я в тихом ветре услышу,
И к Твоим я одеждам на миг прикоснусь,

И подашь Ты мне хлеб, и посмотришь мне в душу,
И наполнишь меня Своим Светом, Иисус.

Отсутствие мира – отсутствие жизни...
Всемирная горечь в эпоху депрессий.
Идёт по планете безжалостный кризис –
И меркнут прогнозы научных прогрессов.

И рушатся банки, летят «пирамиды»,
Как карточный домик обманутых наций...
Смеётся им в лица воздвигнутый идол
В эпоху разврата, в эпоху стагнаций.

А мир заменили лукавством и ложью,
В очках лицемерья – мирские кумиры.
А кто на уста уголёк им положит
И выжжет порок суррогатного мира?

Отсутствие мира – отсутствие жизни...
Где мир твой, планета, летящая в вечность?
Где адрес далёкой Небесной Отчизны?
Где Царства Господнего мир безупречный?

Ты – мир наш, Христос, Ты – приди и вселися...
Пребудь с нами, Боже, на улицах наших.
И мир Твой царит там, где тучи нависли,
И льётся озоном прозрачным, бодрящим.

«Я мир Мой даю вам...» Себя Он отдал нам,
Чтоб мы не смущались и не утраивались –
Он мир приобрёл нам ценою страданий,
Чтоб мы в этом мире свободно дышали.

Блещет сиянье Господнего мира –
В нём Свет непреступный и вечный, незримый –
Всею неизречённою радостью пира
Небесного града – Иерусалима.

Чернеет ночь далекого Египта –
Пасхальный Агнец... Кровь на косяках...
И в доме рабства дверь вослед им всхлипнет –
Земля Обетованная близка.

Весенний день, весенний день Нисана
Не расплескал своей голубизны,
И эхом всё ещё летит: «Осанна!»,
А тот же хор уже кричит: «Распни!»

Ещё три дня, три дня до Воскресенья,
У ног Его ревушая толпа.
И плачет луч, прозрачен день весенний
И свод ещё небесный не упал.

И медленно короткие мгновенья
Отсчитывает вечный метроном.
Порывисто, как ветра дуновеньем,
Распахнуто Небесное окно.

И покачнулась горестно планета...
О, Агнец Божий, заклан Ты за нас!
И вспыхнул мир святым сияньем света –
Кровь Агнца без порока и пятна.

О, мой Господь, Ты за меня распялся,
Я многоценна во святых Очах,
И в душу, распростёртую на пяльцах,
Вонзилось Слово острием меча.

И нет возврата в проклятый Египет –
Пасхальный Агнец... Кровь на косяках...
Ради меня над всей Вселенной скипетр
Возвысила Всесильная Рука.

Как снег, Ты убелил души виссоны,
Ты Имя Бога начертал на ней.

Молитвами в ночах моих бессонных,
Иисус, Ты озаряешь всё во мне.

В весенний день, в весенний день, в весенний
Мы получили Истину с Небес:
Христос Воскрес – в Нем наше Воскресенье,
Христос Воскрес! Воистину Воскрес!

Сквозь линзы слёз я вижу во дворах своих
Страданий убегающую тень –
Молитвы наши не были напрасными,
Бог совершил! Пришёл победы день.

Возвысит Бог до наивысшей степени, –
Кто любит Слово – тот вооружён.
Пришёл наш день во всём великолепии –
Бог совершил – и не замедлил Он.

Я не устану уповать на Господа,
Не поколеблюсь в благости Его:
Обетований золотые россыпи
Осветит нам живительный огонь.

*«Но Давид укрепился надеждою
на Господа, Бога своего...»
(1 Царств 30:7).*

Каждый день – золотые дожди,
Бесконечные нити с небес!
Ты сказал мне когда-то: «Дождись!»
О, как я благодарна Тебе!

Шла во тьме. Было так тяжело...
Замирал и дрожал каждый нерв.

«Я веду тебя. Дальше – светло»,–
Говорил Ты вновь ласково мне.

«Ты преследуй – догонишь, вернёшь
Всё, что отняло полчище то».
Благодатью открыто окно...
Поворот – и последний виток.

Виадук – через бездну канат...
Этот мостик уносит меня.
Ты мне силы давал, чтоб догнать,
Ты мне смелость давал, чтоб отнять.

К небесам поднимаю лицо:
Золотые дожди – по щекам.
По сапфирам иду за Отцом.
Как дорога с Тобою легка!

Как хрупок мир, как мал и незащищен,
Летит планета сквозь туман веков,
Соединяют золотые нити
«Вчера» и «завтра», рабство и покой.

...И долог путь, и камни всё острее,
Струится время в ручейке песка.
Безмолвствует пустыня, спят евреи –
Над ними Всемогущая Рука.

Что снится им, измученным страстями?
Какие мысли посещают их?
Смешной телец их богом завтра станет,
Безумный танец закружит, как вихрь.

За Чермным морем, за волной – Египет,
С ним расставаться хочется не всем,
Как сладок грех! До дна ещё не выпит,
Но их ведёт из рабства Моисей.

А мы – в Египте или на дороге,
Над пропастью, где не спасёт никто?
Лишь высочайшей милостью Бога
Выводит из Египта нас Христос!

О благодати светлое величье!
Огромным камнем висится вина.
Иисус воскрес, чтобы могли постичь мы,
Какая пропасть разделяет нас –

Святого Бога и рабов презренных
Страстей греховных, ложных самомнений.
Прости, Господь, суетность словопрений,
Позволь смиренно преклонить колени.

Перед Твоими нежными руками,
Перед Твоим сияющим челом
Ты снял с сердец тяжёлый тленья камень,
И в душах наших тёмных – рассвело.

Ты вывел нас, Христос, из дома рабства
Преображеньем на святой горе,
Грех победил Своей Всесильной властью,
Ты в наших душах, Господи, Воскрес!

Молитва матери

На душе светло, и чистота
Осиянна золотом в ненастье,
То небес святая красота
Дарит вдохновение и счастье.

И в слезах мой неотступный взгляд
На Христа с любовью обращённый,
И стою я столько лет подряд
Перед Ним душою преклонённой.

Да, никто из нас Тебя не знал,
На пути – то вороньё, то тучи...

Отче наш, избрал Ты в мире нас,
Хотя мы ничуть других не лучше.

Господи, услыши и прости,
За детей своих стою в проломе,
На пересечениях пути
Я молю Тебя о нашем доме.

Господи, внемли и соверши,
(Очи застилает пеленою...)
Боже мой, призри на зов души,
Стань вокруг нас огненной стеною.

Не умедли, Боже, Боже мой,
Хоть лишь Имени Святого ради,
Ты – наш путь прекрасный и прямой,
Ты – спасенье наше и награда.

Миг настанет – путь наш навсегда
Отзвонит натянутой струною,
Пред Отцом предстанем – и тогда
Я скажу: «Здесь все мои, со мною!»

Когда ничего ещё не было,
Кроме вечности нашей нетленной –
Ни земли, ни колосьев, ни хлеба,
Ни начальных пылинок Вселенной,

Мудрость Бога во тьме воссияла,
Мудрость Бога – Его художница,
Всех времен и путей начало –
По эскизам её все сложится.

Высь Небес, ручейка журчание,
Филигранность резьбы лепестков,
Шелест волн, синева океана –
Мудрость кистью проводит легко.

Красота, так щедра и привычна,
Изначальна и неповторима,
Предстаёт в простоте, как обычно,
И струится светом незримым.

Мудрость ищет любви и знания,
Ею царствуют короли,
Высочайшее в мире призвание
Сеять радость на круге земли.

Когда ничего ещё не было,
Ей стала работа в радость –
И засияло звёздами небо:
Благословенье – за труд награда.

Белый голубь во всякое время
Масличную ветвь принесёт.
Не забудь же венец творения:
Этот мир подарил нам Господь.

Мерцали звезды, свет струился лунный,
И пастухи пасли свои стада...
И пробил час – и задрожали струны,
И на востоке вспыхнула звезда.

Стоял Иосиф, преклонив колени,
Сны Вифлеем досматривал ещё –
Раздался крик Младенца во Вселенной –
И новой эры начался отсчет.

Мария тихо напевает Сыну,
Младенец улыбается в ответ
И обнимает маленькую скинию –
Творца Вселенной тот Незримый Свет.

Всё было так? Или чуть-чуть иначе?
Мы не узнаем это никогда.

Проходит год. И вновь Младенец плачет,
И на востоке вновь горит звезда.

И год за годом сквозь тысячелетья,
Сквозь сердце потрясённое моё
Картина движется в луче тончайшем Света:
Господь наш миру Сына отдаёт.

Бог так нас возлюбил! Бог так жалеет!
Такой ценой оплачена вина!
Святые капли Крови и елея
От всех лукавых избавляют нас.

И в двадцать первом сумасшедшем веке,
Что жизнь на сребреники разменял,
Слезой омою ноги Человеку,
Который в мир пришёл ради меня.

Слезой ноги Господу омою.
Мой Царь, мой Бог, о милости молю,
Как страшно быть забытой и слепой,
В Тебе прозреньё: я Тебя люблю.

И луч звезды вновь осветит картину:
Над старой скинью тот незримый Свет,
Мария нежно напевает Сыну,
Младенец улыбается в ответ.

Как пахнет этот долгожданный хлеб
Цветеньем аромата неземного...
На этой нищей, выжженной земле
Мы к Иисусу прикоснулись снова.

Как сладок этот маленький глоток
Вина, искрящегося вечности лучами!
Полярности «великое ничто»
И Слово То, Которое вначале...

Мы были золотом или золой?
Любителями зрелища и хлеба...
Голгофский крест качнулся над землей
И сделал нас наследниками Неба.

Упало в землю лучшее зерно:
Росток пробился – нежен и прозрачен.
Наш вечный Хлеб и вечности Вино.
Кто может быть счастливей и богаче?

А как Он на кресте том умирал!
И Кровь, как ток, гудела в хрупких жилах.
Все двадцать сотен лет...Или вчера?
Да, это было. Было. Было. Было.

А мы хотели, чтоб без жертв, без слёз
Он нам явил любовь Свою и милость.
Но на Голгофе был Иисус Христос,
А нам об этом даже и не снилось.

Как это было далеко... Давно.
Зачем нам столько в кровь адреналина?..
Искрится вечной Вечности вино
И пахнет хлеб. И Агнец ждёт невинный.

Какой бесценный, несказанный дар!
А нас кружила новой страсти вьюга...
За каждый шаг наш – по Нему удар.
Мы получили дар не по заслугам.

И перед вечной Вечности лицом,
Имеет ли иное что значенье?
Сияет обручальное кольцо
После Голгофы... После Воскресенья.

Духовным взором в прошлое взглянуть...
О чём грустим? О чём лицо в печали?
Приходит миг – мы постигаем Суть
И Слово То, Которое вначале.

Зима

Белым-бела, в вуали снежной,
В прозрачной голубой фате
С высот спускаюсь я безбрежных
В своей нарядной простоте.

Когда же луч коснётся нежно,
Сверкнёт снежинка, как алмаз –
И станут царскими одежды:
Я – королева, я – Зима.

Рассыплю бирюзу изящно...
Пейзаж – не описать пером!
Всё покрываю настоящим,
Высокой пробы, серебром.

Весна

Во мне сияет луч нетленный,
И сил, и солнца я полна.
Я – пробужденье, обновленье,
Я – возрожденье, я – Весна.

Подснежник маленький несмелый
Протянет к солнцу лепестки:
Цветочек первый – юный, белый –
Растёт морозам вопреки.

В ладошки влажные заплещут
Деревья, травы и кусты –
И сердце радостно трепещет
От воскресенья красоты.

Лето

Я смуглое, в росинках, Лето,
Трудолюбиво, как пчела.

В мою парчу земля одета
И не жалею я тепла.

И красок мир разнообразен
Под небом звонким, как орган,
И надеваю я на праздник
Дождей желанных жемчуга.

Ласкает нежно каждый колос
Моя хозяйская рука,
Зерном засеянное поле
И трав цветистые шелка.

Осень

В платье, золотом испещрённом,
Я иду по земле царицей,
В малахитах моя корона,
И улыбка счастьем искрится.

Янтарём на ветвях высоких
Блещут ягоды винограда,
Зарумянились солнцем смоквы,
Наливные яблоки – рядом.

Осень я – пора золотая.
Я богата, щедра и светла:
Всё, что соком земли питала,
До остатка всем вам отдала.

Бог начертал границы, сроки,
Законы дал Свои Господь.
И нам наглядные уроки
Природа мудрая даёт.

Зима спускается к нам свыше:
Возьми урок свой, человек,
Ты в раскаянии услышишь:
«Я убелю тебя, как снег».

Приумножай в труде прилежном
Таланты – Божии дары,
Ведь даже маленький подснежник
О верности нам говорит.

Весна – она неотвратима:
Всё возрождается, цветёт,
С небес струится Свет незримый
И Воскресение грядёт.

Сегодня есть уже ответы,
Которых не было вчера:
Приблизилось Господне Лето –
Благоприятная пора.

Богата осень, плодотворна –
И радуются небеса,
Сей мудрости Господней зёрна,
Спешి возделывать свой сад.

Спеши ты в Божий виноградник
(Всё остальное – суета)
И знай, что ждёт тебя награда –
Венец нетленный от Христа.

Да будет милость Твоя, Господи, над нами,
Мы уповаем только на Тебя,
Она над нами реет, словно знамя
Победы, что даёшь Ты, нас любя.

Да, сил у нас у всех не так уж много,
А ведь вокруг Гоморра и Содом...
Но говорит нам: «Уповай на Бога»
Превозносящий милость над судом.

Да, милость дивную Свою святую
Господь наш милосердный нам явил
И подарил, как розу золотую.
Благословен Господь наш – Бог любви.

О, как непросто среди шипов и терний
Нам оставаться с пульсом – шестьдесят.
Но если есть единственные двери,
Обязаны мы миловать, прощать.

Хвала Творцу – не скатертью дорога:
Наш узок путь и наш подъём крутой.
Нам помогает только милость Бога
Подняться над собой и суетой.

Грусть за вчерашней суетной дорогой
Уйдёт и не оставит и следа.
Спасает нас не наказанья строгость,
А Божья милость, Божья благодать.

Всепобеждающая Кровь Мессии –
Причастье наше в хлебе и вине.
Неся свой крест, теряем дни и силы,
Зато какой сияющий венец!

Прошу за тех, кто слышит голос Божий,
Их посылающий на поле жатвы,
За тех, кто на пророков древних схожий,
Не ждущих воздаяния и платы.

За тех, благодаря кому узнали,
Зачем мы в этом мире существуем,
Зачем начала наши и финалы,
Зачем гоняет сердце кровь живую.

Вся жизнь театр, и люди в нём – актёры,
Слепые лицемеры, лицедеи,
Пока не подняли к Небесной выси взоры
И белые одежды не надели.

Весь мир – театр, театр военных действий,
А поле битвы – сердце и душа.
Победы клич: «На Господа надейся!»
Часы небес не отстают и не спешат.

...Летят по небу огненные кони,
С плеча пророка падает милоть...
От тех истоков истинных, исконных
Их путь лежит. И время их пришло.

Их путь исчислен днями иль годами,
Но, больше жизни всей Христа любя,
Они идут сквозь воды Иордана,
Они умеют не беречь себя.

Они – Ионы или Елисеи?..
Небесный график всех земных работ:
Кто поливал, кто призывал, кто сеял,
А бережет и возвращает Бог.

Прошу за тех, кто слышит голос Божий,
Их посылающий на поле битвы,

Чьё слово дать слепым прозренье может.
За них – моления наши и молитвы.

*«Вот, Я начертал тебя на дланях Моих;
стены твои всегда предо Мною»*

(Исаия 49:16)

Какое счастье! На Своих ладонях
Ты начертал моё земное имя!
Какое счастье, что и стены дома
Перед глазами вечными Твоими!

Остановилось время и мгновенье –
Ступает тихо в воды Иордана,
В любви и святости навеки неизменный
Творец Вселенной, Автор мироздания.

Всегда. Всегда: зимой, в дожди косые
И когда мир под нежными лучами,
В победы час и в краткий миг бессилья
Ты с нами, Господи! Всегда Ты с нами.

И чем живём мы дольше, тем короче
Все наши дни, и месяцы, и годы,
Тем благодарственной молитвы нашей строчки,
Тем ближе Ты в тиши и непогоду.

И этот год, как предыдущий, краткий,
Объят Твоею милостью, любовью.
Благодарю Тебя, что всё в порядке,
Что мои стены вечно пред Тобою.

Благодарю, Господь, за ту дорогу,
Которой вёл меня Ты в год ушедший,
Что Ты давал мне где чуть-чуть, где много
И не давал жить в суете беспечной.

Восходит солнце и заходит солнце,
Проходит год и наступает новый,
И время тройкой быстро несётся...
А Ты со мною, Боже! Ты – со мною!

Остановилось время и мгновенье –
Ступает тихо в воды Иордана,
В любви и святости навеки неизменный
Творец Вселенной, Автор мирозданья.

Какое счастье! Снова солнце встало
И день пришел, Тобою сотворенный,
Я вновь коснусь несмелыми устами
Твоих ладоней, за меня пронзённых.

Ручонка детская в руке отца –
Доверчиво дитя шагает рядом.
Сияют взоры милого лица:
Ребёнок здесь, на расстоянье взгляда.

Ещё с отцом, ещё он на скале,
Ещё не с ним грядущие невзгоды.
И вот он вырос. Но не повзрослел
И сам не знает он, куда уходит.

Он что-то утверждал и отрицал
С настойчивостью малого ребёнка:
«Дай мне моё», – не глядя на отца,
Играл он словом, как монетой звонкой.

Он уходил. Он ускользал из рук,
В отца бросая жёсткими словами.
Померкло всё. Всё рушилось вокруг.
Он уходил... Такое было с вами?

Отец стоял, растерянно смотря
Вслед уходящему, вслед дорогому сыну...

Так неужели всё, что было – зря?
Всё, что отдал: молитвы, слово, силы?

Всё было зря? Осталась пустота
И боль, как пуля разрывная в сердце...
Шептали пересохшие уста:
«Сынок, вернись! Любви моей доверься»...

Любовь отца летела сквозь года,
Сквозь все невзгоды и сквозь расстоянья,
Чтобы себя за все грехи отдать,
Прощая и пороки, и изъяны.

В смиреньи возвратился сын домой,
В лохмотьях нищенских и жалких, к сожаленью.
Обратный путь нелёгкий, но прямой:
От Слова Божьего нетленного – прозренье.

Отцово сердце не устанет ждать,
Когда душа дитя его отгадет:
Любовь отца всепобеждающая всегда
И никогда, и ни за что не перестанет.

Надежда Гаркуша

*Защити меня, Господь,
От поступков неразумных.
От речей пустых и шумных –
Защити меня, Господь!*

Надежда Гаркуша родом из Украины. У нее есть муж, две дочери и уже семеро внуков. Живет в США с 1996 года. А стихи пишет смолоду. Печаталась в городских газетах «Абхазия», «Вести Сочи». В Америке стихи и рассказы выходили в различных изданиях: «Флейта», «Стихи.Ру», «Христианская Газета», «Наши Дни», «Диаспора», «Мария», «Божий Виноградник», «Погляд» и других. На протяжении 17 лет Надежда участвует в жизни города, являясь руководителем Литературного объединения творчески одаренных сакраментчан («Лотос»), организывает и проводит ежемесячные музыкально-поэтические встречи. Кроме того, занимается благотворительностью и организацией христианских спектаклей.

С нами Бог

С нами Бог, Эммануил, Мессия!
Он Рожден, чтоб обитать средь нас.
Чтоб смирилась перед Ним стихия –
Это Мир и Свет, и Неба Глас!

С Нами Бог, чтоб от ловца и сети,
И от язвы губительной спасать.
Над Планетой свет Великий светит,
Чтобы суд и милость совершать!

С нами Бог, и если ты в пустыне –
Из скалы родник произведет!
И как прежде было, так и ныне
Сквозь страданья к счастью приведет!

Наступает враг, и ты в смущеньи
Посмотри с надеждой в небеса!
Ты увидишь Божье ополченье –
С нами Бог, а значит – чудеса!

«О, Дитя, не бойся», – слышен голос. –
Утром, днем и ночью Я с тобой»...
С Нами Бог, приемлю эту новость...
Бог со мной на пажити земной.

Не один ты, слышишь? Бог с тобою!
Улыбнись и счастье получай!
Попрошайся с бурей и бедою
И благословения встречай!

Ну, а если встретишь огорченье
Ты его Спасителю отдай,
Совершай к вершинам восхождение
На скалу Спасения взирай!

Защити

Защити меня, Господь,
От поступков неразумных.
От речей пустых и шумных –
Защити меня, Господь!

Защити меня, Господь,
От обмана и от лести –
И от зла и подлой мести
Сохрани меня, Господь!

Защити меня, Господь,
От лукавого совета –
И от злобного навета
Защити меня, Господь!

Защити меня, Господь,
От суда и равнодушья,
От духовного удушья
Защити меня, Господь!

Ты простил меня, Господь,
Дай себя простить мне тоже.
И других простить дай, Боже,
И без зла встречать Восход.

Ты – защита и скала,
Ты Святая Непорочность...
Ты исправь путей неточность,
Чтоб душа моя жила!

Отпусти еще на срок.
Достигая совершенства,
Дай войти в Твое блаженство!
Сохрани, спаси, мой Бог!

Друзьям

Беда вцепилась зубьями капкана,
Бросая душу в уголья костра,
И кровоточит нестерпимо рана,
И, кажется, не выжить до утра...

Не пережить нагрянувшее горе,
Душа пролита в огненный песок...
И в одиночку не осилить гору,
Безводную пустыню, солнцепек.

Допущено горнило испытаний,
Душа огнем очиститься должна...
В такие дни закалки и страданий
Друзей поддержка и любовь нужна.

Надежный друг беду собой закроет,
Стакан воды разделит пополам,
И если рядом друг его застонет,
Он, сострадавая, плакать будет сам.

Увидев утопающего друга,
Придет к нему по тонкой корке льда.
И в качестве спасательного круга
Предложит помощь – руку только дай.

И если нужно, станет друг стеною
Между тобой и пламенным огнем.
С неуловимой глазу быстротою
Он остановит на лету копьё.

И горечь слез становится бальзамом,
Когда беду друг делит пополам,
И келья сердца вдруг сияет храмом,
А небо будто ближе к куполам...

Дай мне возможность, Боже, добротой
Моим друзьям воздать хотя б чуть-чуть,

Чтобы сердечной друга теплотою,
Сочувствием дышала моя грудь.

Иметь друзей по вере – это счастье...
Господь, благослови моих друзей!
За их молитвы, слезы и участие
Щедроты милостей Твоих излей...

Осень

Осень ветра тихим дуновеньем
К тополю неслышно прикоснулась,
И от песни трепетно-осенней
Грусть осенним шелестом проснулась.

Подошла, как будто извиняясь,
В золото листочки превращались,
В желтизну покорно облакаясь.
Листья перемен не замечали.

И пока о чем-то рассуждали
Тополь с осенью в уединеньи,
Друг за другом листья улетали,
Птичек вызывая удивленье.

Дни летят, как с тополя листочки...
Будет миг – сорвется лист последний,
И поставится на жизни точка,
Чтоб продолжиться в краю нетленном.

Улетают листья, улетают...
Очень схожи люди и листочки:
Дни и годы тают в дымке, тают...
Жизни пишутся живые строчки.

Дарит вновь природы увяданье
Разноцветным лиственным салютом
Дней осенних нежное дыханье,
Украшая золотым этюдом.

Хороша осенняя погода...
Я в раздумии смотрю на листья.
Улетают незаметно годы
К необъятным небесам лучистым.

И под звуки осени, кларнета,
Вновь смотрю на листьев хороводы...
Вспоминаю ласковое лето,
Детские и молодые годы.

Пробегусь

Пробегусь по млечному пути
И легонько звезд коснусь ладонью,
Я любовь свою хочу найти
В синеве сияющей, бездонной.

Океан поглажу я рукой
И к волнам прислушаюсь спокойным.
Не кричите, чайки, надо мной
Не рыдайте плачем скорбным, томным!

К молчаливым скалам подойду,
Их мечты, мне кажется, я знаю.
С ними я ответа подожду,
На песке у скал следы считая...

Легкий ветер росчерком своим
Вдруг загладил желтый лист песчаный,
И глазам представился моим
Разговор последний наш, прощальный.

Со своей несбыточной мечтой
Я одна, тоскующая птица,
Что кричит и бьется над волной,
Не желая с горечью смириться...

Затихла природа

Затихла природа, и в небе глубоком
Гирляндюю яркою звезды зажглись,
И мысли мои словно в звездном потоке
Невольно к пределам небес унеслись.

Взирая на небо ночное, немею,
Восторгом наполнено сердце мое.
Как жаль мне, что слов я таких не имею,
Чтоб, Боже, прославить величье Твое!

Хочу я прислушаться к «Лунной сонате»,
В тех звуках, быть может, слова я найду.
Луна мне поет об Иисусе Распятом
Под шепот Планеты: «Иисуса я жду!»

Смотрю я на звезды, люблюсь, и тихо
Душой напеваю с луною вдвоем.
Пред Божьим Святым и Невидимым Ликом
Рождается в сердце хваленья псалом.

Беспечной птичьей стайкой вдруг мысли налетели,
Без спросу, извиненья, холодною метелью...
Тревогой закружились, осколками впиваясь,
То в прошлом растворяясь, то с будущим сливаясь.

И тяжело на сердце: что с грузом делать этим?
Лучину в сердце надо, совсем немного света,
Чтобы комок сомнений из грустных размышлений
Растаял будто льдинки, исчезнув легкой тенью.

Вчера еще кристаллом на травах изумрудных
В лучах переливаясь, сверкали росы чудно,
Сегодня же морозом сковались птичьи песни
И от такой потери мне стало больно, тесно.

О, Боже, бурю в сердце Ты силен успокоить
Урок смиренья снова мне надобно усвоить.
И не искать виновных, любя и все прощая,
Понять, вконец, что этим меня Ты очищаешь.

И стало вдруг спокойно. Христос сказал: «Умолкни!»
И штиль на бурном сердце, и гладь сияет шелком.
«Нет!» Галилейским волнам, «Утихни! Я твой Кормчий!»
Я счастлива безмерно заботой нежной Отчей.

Свои протяни ему руки

В болоте тонул человек,
В трясиину попал бедолага.
На зов поспешил дровосек
И крикнул: «Дружок, вон коряга!»

Но руки поднять он не мог,
Хоть рядом коряга лежала.
От крика ослаб, изнемог.
А вот и толпа прибежала.

«Сейчас я тебе помогу!»
Смельчак молодой объявился:
«Дай руку, мой друг!» «Не могу!»—
И глубже еще погрузился.

«Дай руку, дай руку, дружок!
Я вытащу, верь, из болота,
Хоть я и не так уж высок,
Спасти тебя очень охота!»

Вдруг кто-то в толпе закричал:
«Свои протяни ему руки,
И тем остановишь все муки,
Коль друга спасти пожелал!»

Где я росла

Где я росла, там птицы пели,
И гуси плавали в реке.
Зимой морозною метели
Окутывали белым ели,
Гуляли в старом вишняке.

Там на лугах ковром душистым,
Стелились травы и цветы.
Пьянящим воздух был и чистым,
А небо голубым, пушистым
И полным счастья и мечты.

На пастбищах паслись коровки,
Будили утром петухи...
И шли телеги по грунтовке,
И хлебом пахло из духовки,
И стадо гнали пастухи.

Там запах сена и соломы
С полей осенних ветер нес.
Цвели фиалки и пионы,
Кричали в тополях вороны,
Испуганные стадом коз.

Там у бревенчатых заборов
В платочках белых вечерком
Велись секреты-разговоры,
И слышен был и смех, и споры,
И пелось звонким голоском.

Пшеничным зернышком стучали
Забот не знаячи года.
Подсолнухи им вслед кивали,
И тополя свой пух роняли,
И уносила все вода.

Там стали бабушками ивы
У старой речки за мостом.
Я там росла... Мне снится жнива,
Кует кукушка, мне тоскливо
На старой груше за селом...

Летят мои годы

Летят мои годы, как пух с тополей,
Как крылья умчавшихся вдаль лебедей...
И грустно, и радостно... Жизнь как река
От берега к берегу – так коротка!

И память зовет меня вновь на луга,
Где травы колышутся, пахнут стога,
Где трель соловьиная, крик журавлей,
И золото хлеба пшеничных полей.

Тропинка уходит с родного крыльца...
Я думала: детству не будет конца...
Зачем ты, кукушка, считаешь года?
Моя ты судьбинушка, жизнь, борозда!

Иду я дорогой своей в небеса.
Мои поднимаю туда я глаза.
Несут меня годы в бескрайнюю даль,
Они пусть развеют и грусть, и печаль.

Листочек

Тихо слетая, кружился листочек,
Будто играя, упал на плечо...
Это не лист, это новый годочек
Бог этой осенью дарит еще.

Осень, не нужно мне сердце тревожить,
Я о весне не могу позабыть.

Осенью снова дела подытожу,
Буду я снова прощать и любить.

Листья и годы, вы чем-то похожи,
Вы прилетаете в жизнь невзначай.
Только конец совершенно не схожий:
Шепот листочка я слышу: «Прощай!»

Ну, а года – это только начало,
Здесь – подготовка, а жизнь впереди!
Сколько бы осеней я не встречала –
Их приглашаю я словом «Входи!»

Осени – все! – я отдам Иисусу
И попрошу меня благословить...
И об одном постоянно молюсь я:
«Волю Твою помоги мне творить!»

Надежду позови

Хоть меня давно зовут Надеждой,
Мне б сейчас надежды хоть чуть-чуть.
Под людской красивой одеждой
Скрылся Божий справедливый суд.

Враз мечты мои, как льдинки, обломались,
И подул не летний ветерок,
Струны сердца больно разорвались,
В душу хлынул горечи поток.

И хожу под звездами уныло
И как помощь Милости прошу.
Скучной стала жизнь и опостылой,
Я с тобою, друг мой, погрущу.

Буду я молчать и буду слушать
Твой рассказ о Божией любви.
Друг, согрей с молитвой сердца стужу
И ко мне надежду позови.

Взойди же, солнце

Взойди же, солнце, в чистых небесах,
Когда сгустились тучи надо мною,
Когда в моих заплаканных глазах
Дрожит слеза отчаянья с тоскою.

Ищу я свет средь мрака, среди гроз
И наугад бреду с бедой под руку,
Удушливый, нерадостный прогноз
Вселил печаль и безразличья скуку.

Ах, мне бы жить, бороться и кипеть,
Но вдруг диагноз, как вулкан затихший
Ворвался в жизнь. И нужно лишь терпеть
И подчиниться сердцу Власти Высшей.

Посмею к Милости Святой взывать?
Склоню главу, открою сердца рану...
И все же дней кончины ожидать
Спокойно, молча я, увы, не стану!

Как много нужно мне еще успеть,
Я к переходу вовсе не готова,
Мне очень нужен, Боже, Твой совет,
Не повели «Отдать» концам швартовым!

«Всего неделю в бухте подожди,
Затем плыви под всеми парусами.
Пусть льют ещё ненастные дожди,
Твой отдых там, за дальними мысами!»

Я вновь пою, доколе в сердце стук,
И радуюсь осенним дням прекрасным,
Но если мне уйти прикажут вдруг,
Уйду и буду в вечном небе ясным!

Сердце раненою птицей

Сердце раненою птицей,
Догорающей свечой
К небу синему стремится,
Где покой и дом родной.

Взгляд, пропитанный тоскою,
И в миноре песнь души...
Миг, последнею строкою
Тишину не всполоши!

Жизнь, как пар, как сон короткий,
Был я в нем или не был...
Дни как звук, как песни нотки
Человеческой судьбы.

Но однажды, пробудившись,
Пред собой увижу дверь...
Скажет тихо Отворивший:
«В дом родной войди теперь!»

И легко, без сожаленья
Вмиг оставлю мир земной,
Сердцем, полным восхищенья
Прошепчу: «Иду домой!»

Я войду, возьму с собою
Лишь одну Любовь Христа.
Позади – Земля с грозой,
А за дверью – небеса!

Сказ о трёх деревьях

Давным-давно под солнцем золотистым
И под высоким небом синим, чистым
Росли три маленьких, красивых деревца
В горах высоких, близ у озера.

Одно мечтало: «Вот бы превратиться,
Когда вершина в небо устремится,
Где звезды, как алмазы в семицветьи, –
Шкатулкой стать сокровищ всех на свете!

Покрытой драгоценными камнями
Сверкающей алмазами-огнями,
Хранить хочу богатство всего мира
И быть мечтою лучших ювелиров!»

Второе – в озеро внимательно смотрело,
Желанье – «Кораблем бы стать!» горело,
«Хочу ходить по водам-океанам,
Возить царей, вельмож по дальним странам!»

А третье посмотрело вниз, в долину:
«Я не оставлю эту вот вершину!»
Живут там люди – женщины, мужчины,
Они грустны, на это есть причины...

Не знают люди о Творце, о Боге,
Живут в печали, в горестях, в тревоге.
Хочу я указать всем путь на небо
Со всех веков и стран, и где б кто не был!»

Прошли года, порой шумели ветры
И падал дождь, и солнце грело щедро.
Большими стали, важными деревья
И ветер силу их не раз проверил.

И вот стоят пред ними дровосеки –
Три дерева во власти человека.
«Ты нужной и хорошей будешь штукой!»
«Наверно, драгоценную шкатулкой?» -

Спросило дерево, с корнем своим прощаясь.
«О, нет!» – ответил кто-то, улыбаясь.
«Кормушка для скота, Младенцу ясли –
Спасителю, Кто кладов всех прекрасней!»

Второй сказал, любуясь: «Это сила!»
И вмиг то дерево рука скосила.
«Теперь мне плыть к великим водам,
На удивленье миру, всем народам!»

«О, нет, ты будешь лодкою рыбацкой,
И не покрасят тебя даже краской!
Зато войдут в тебя Святые ноги!
Ты счастье принесешь и радость многим!»

А третье любовалось неба далью,
Но что случилось, то не ожидало –
Никто не восхищался высотой...
«Мне все пойдет! Ведь дело-то простое!»

Разбилось сердце, дрогнуло, упало,
Свои две части в страхе увидало!
«Вот и закончилась моя дорога,
А я хотело указать на Бога!»

Летело время, и мечты забылись,
Но вот в хлеву вокруг засуетились,
В сокровище кормушка превратилась,
Когда Звезда на небе появилась.

Когда Дитя Мария пеленала
Соломку в ясли тихо подстилала,
И ангелы на землю прилетали,
И пастухи к пещере спешили.

Второе дерево, что позже лодкой стало,
На берегу песчаном отдыхало.
Но вот с друзьями путник появился,
Отплыть решили. Путник утомился...

Уснул, но ветер с бурей разразился,
И в шторме челн рыбацкий накрылся.
«Погибнем!» – люди в лодке закричали.
«Утихни!» – и волнения перестали...

И дерево второе осознало,
Что Самого Спасителя качало,
Что Царь Царей волнам повелевает,
И штормы вдруг на сердце утихают.

Недолго третье дерево валялось...
Ему судьба нелегкая досталась.
Его две части посредине сбили
И злобно на Кого-то положили.

Несли по пыльной улице за город,
Ждала где смерть разбойника и вора.
Потом в ладони гвозди забивали,
И кто-то плакал, и земля стонала...

И стало дерево крестом Иисуса,
И было дереву в Тот День так грустно,
Но только вдруг настало Воскресенье—
Оно внесло большие измененья!

С тех пор донине каждый смотрит в небо,
Богач, бедняк и всякий, где б кто не был,
И всякий, кто на дерево взирает –
О небе чудном сразу размышляет.

Пойду и я, взгляну на крест Голгофский,
Хотя он старый и совсем неброский—
Он дарит всем прощенье и спасенье,
Небесное и вечное нетленья!

*Посвящается -75летию перелёта
В.Чкалова из России в Америку*

В голубых облаках, по небесной террасе
Чрез «макушку земли», достигая высот,
Плыл воздушный корабль неизведанной трассой
Небывалый свершив – триумфальный! – полет.

Из Щёлково, по Гринвичу в час ноль четыре,
С одного континента в другой континент
Мост Россия воздушный по небу чертила,
И об этом гласит не один документ.

Героический путь... Мир следил с напряженьем...
Беспримерный полет! Беспосадочный рейс!
«В девятнадцать и тридцать»... Московское время...
Экипаж «двадцать пять» пробуждал интерес.

Вдруг – молчанье... На сутки магнитная буря
Уничтожила связь между небом, землей...
И с волненьем искали небес квадратуру,
С неожиданной споря такой западной.

Мост воздушный Россией проложен в Ванкувер!
Из возможных – единственный краткий, прямой!
Вновь газеты в июне статьи публикуют
О бесстрашных пилотах, отваге мужской.

И весь мир повторял с восхищением: Чкалов,
Байдуков, Беляков – экипаж корабля...
Девять тысяч «кэмэ» за небесною далью!
Не забыла тот подвиг планета Земля.

Достижение науки – почет, поздравленья...
Хоть прошло и немало – уж семьдесят пять.
Мост надежды проложен был – на удивленье!
А Москве и Ванкуверу – сеять и жать!

Сохрани, Боже, Землю от зла и стихии,
На столах будет вволю пусть хлеб и вода.
Чтобы небо Америки, небо России
Было чистым, безоблачным, мирным всегда!

Я лечу... Полет мой непрерывный
Длится от земли к родным краям.

Я влеком мелодией призывной
К славным и бездонным небесам.

Я готов к последнему полету,
В Царство несравненной красоты,
И сверхзвуковому самолету
Не осилить этой высоты.

Мимо звезд, сквозь голубые дали,
Где не видно скорби облаков,
Где последним для души финалом
Будет дух, не знающий оков.

Золотом где улицы сияют,
Город тот построен для святых.
Там Любовь и Правда обитают
Далеко от гула бурь земных.

Мой билет Любовью был заплачен
От земли сей на последний рейс.
А отлёта время обозначено
Господом – в обители небес.

Все готово: в багаже со мною
Есть прощение моих грехов.
С верой и надеждою святою,
С именем, как пропуском, – «Христов!»

Я лечу домой, Святый мой Боже!
Как я рад, что милостью Твоей
Позван в край, что жизни всей дороже,
Где склонюсь у ног Царя царей!

Я хочу бежать от шума,
От вражды людской и мести,
И от ненависти штурма,
От ехидства сладкой лести.

От улыбок несердечных,
Безразличья, невниманья,
И колючих взглядов встречных
Тех, что молча сердце ранят.

Но от боли не укрыться.
Жизнь шлифует очень метко.
Ее опыт пригодится
Мне, возможно... И нередко.

Чью-то вдруг слезу увижу,
Иль больной судьбы терзанья
Мое сердце пусть пронизут,
Становясь моим страданьем.

Я хочу!

Я хочу, чтоб вы не сожалели
Никогда о сказанных словах.
Никого чтоб взглядом или делом
Ранить не посмели второпях.

Подождите, может быть не надо
Обрывать звенящую струну!
Пусть слова, как солнце, как отрада
Вдруг поднимут радости волну.

Иногда слова монетой медной
Завистью и лестью могут быть.
Важно: золотым, победным
Эталоном в сердце их хранить

Пусть девизом нашей жизни будет:
«Сохранить достоинство души».
Чтобы и к чужим, и к близким людям
Со словами добрыми спешить...

Говорю так, потому что знаю
Цену опрометчивым словам.

Потому что плату получаю
За ошибки, что не смыть слезам.

Я жалею, что в порыве гнева
Обижала близких и родных.
Ранят ныне горькие посевы
Мое сердце, как когда-то их.

Просьба о прощеньи к тем, кто рядом...
Кого нет – пусть Бог за них простит...
Избавляйтесь от словесных ядов!
Пусть нас всех Господь благословит!

Я одарю бесценною любовью
Тебя, родная мама, от души!
Люблю. Желаю крепкого здоровья
И о тебе я помолюсь в тиши.

Пусть Бог хранит тебя, родная мама!
Ты мне нужна, как солнце, как вода.
Жизнь – колесо... Я занята делами:
Семья, забота и летят года...

Но в сердце ты моем всегда, родная!
Моя поддержка! Ты полна любви.
Поймешь, подскажешь. Чувствую и знаю,
Прошу тебя: подольше поживи!

Ты научила Господу молиться,
Дорогу показала в небеса.
Пусть над тобою свет любви струится,
И в жизнь приходят Божьи чудеса!

Любовь Данчева

*При жизни этой в скудости
Иль временном богатстве –
Пошли мне, Боже, мудрости
В мечтах о вечном Царстве.*

Любовь Данчева – дочь христианского поэта и композитора Виктора Мифодьевича Панфилова. Он уже в вечности, но был и остаётся для дочери примером живой веры и большого труда во имя Божье. Стихи Вера пишет с детства и считает, что поэзия – это дар от Бога. «У меня не было возможности учиться в высшем учебном заведении, – говорит автор, – но моим Учителем был Господь, и я писала стихи всегда с молитвой. Я также люблю декламировать стихи, что и делала в церквях: в юности – в Ростове-на-Дону, после замужества – в церкви "Голгофа" в городе Чадыр-Лунга, а после переезда в США – в Первой Славянской Евангельской Баптистской церкви города Сакраменто. Люблю стихи Водневского, Веры Кушнир и других поэтов. Стихи в основном пишу по вдохновению, на разные случаи жизни и в христианские праздники. Возношу славу только Богу, без Него я не написала бы и строчки».

Молитва – двигатель духовной жизни

Я с молитвой по жизни шагаю.
В ней источник всех жизненных сил.
Верю, слышит Господь, помогая,
Ведь Он прежде меня возлюбил.

Первым долгом Ему прославленью
Возношу я всем сердцем своим
За любовь Иисуса, спасенье,
И за то, что я счастлива с Ним!

А потом проверяю сердечко
Я во свете Евангельских Слов.
Если совесть горит, словно печка,
И не та к моим ближним любовь,

Каюсь я, и свои согрешенья
Исповедую перед Христом,
Получая в тот миг утешенье.
Радость входит в сердечный мой дом.

Благодарность несётся к престолу,
Ведь достоин всей славы Христос.
Он снимает рукой мои боли
И покой мне даёт вместо слёз.

Только с чистой душой ходатайство
Я могу вознести за родных.
Пусть ведёт их в небесное Царство
Дух Святой на дорогах земных.

Чтобы было поменьше падений,
Чтобы было побольше побед.
Чтоб не спрятали тучи сомнений
Цели вечной сияющий свет!

*«Небеса проповедуют славу Божию
и о делах Рук Его вещает твердь».*

Пс. 18:2

Посмотри на небо голубое,
Череду плывущих облаков,
И на солнце яркое такое:
Слава Божья царствует кругом!
На зарю, что в розовые краски
Небо освещает по утрам:
Засияют от восторга глазки,
Удивляясь Божьим чудесам.
На закат, порой багрово-красный
Или нежно-жёлтый, золотой –
Ты заметишь в тех оттенках разных
Как всё дивно создал Бог святой.
Даже в сером и дождливом небе
Воля есть Небесного Отца.
И куда б ни глянул, где б ты ни был, –
Всюду есть сюрпризы от Творца.
Вся земля вещает о великих
Бесконечных Божиих делах.
Красок изумительных палитра
Оживает у Него в руках!

Годы

*«Блажен муж, который не ходит на совет
нечестивых и не стоит на пути грешных,
и не сидит в собрании развратителей».*

Пс. 1:1

В вечность наши годы улетают,
И назад их больше не вернуть.

Предо мной задача непростая:
Как пройти достойно жизни путь?

Как прожить, чтоб совесть не судила?
Своим ближним, Богу угодить.
Им отдать свою любовь и силу,
Мелочные споры обходить?

К свету и добру идти навстречу,
В бурях жизни мудрой, стойкой быть.
К миру направляя свои речи,
Истины святыя не забыть.

Главное в пути – не падать духом,
Ясно видеть смысл добра и цель.
Голос Божий слышать чутким ухом:
Он звучит, как нежная свирель.

Если появляются вопросы,
В Библии искать на них ответ.
Божье Слово – это лучший способ
Разузнать – что правда, а что – нет.

Годы на глазах, как свечи тают,
Но полёт их быстрый не страшит.
Книгу жизни каждый день читая,
Сердце вновь исправиться спешит.

Шумит фривей, как океан
Без остановки.
Там едет траков караван
В командировки.

У каждого есть свой маршрут
Доставки груза.
Для опытных не труден путь,
И не обуза.

В машинах всё есть для жилья,
Тепло, не тесно.
Неделю, две или три дня
Тракисты в рейсе.

Бывают трудности в пути,
И непогоды.
Но стоит опыт обрести –
Уйдут невзгоды.

Медали им бы подцепить,
Но ради Бога,
Во благо людям любят жить,
Трудиться много.

Ведь тем, кто верою живёт,
Господь поможет.
До цели нужной доведёт
В работе сложной.

Спасибо скажут им за труд
Их дети, жены,
Когда вернуться и войдут
В родные «зоны».

Мы едем в гости, далеко.
Широкая дорога.
Смотрю я в правое окно
И вижу траков много.

Колонна движется вперёд,
Парад машин построен.
Тракисты – преданный народ
На дело мозг настроен.

Сидят в кабинах за рулём
Различной расы люди.

Мечтают только об одном:
Что трафиков не будет.

На лицах женщин и мужчин
Забота отразилась,
Прибавив борозды морщин.
И мудрость появилась.

Все, молодой и пожилой,
Готовы ехать ночью,
Вернуться чтоб скорей домой,
Сынов увидеть, дочек.

Судьба такая у ребят,
Таков в их жизни выбор.
И если даже мало спят,
Не счесть у них улыбок.

За них за всех сейчас молюсь,
Их труд благословляя.
Отваге, мужеству дивлюсь,
Хотя я их не знаю.

Пошли им веру на пути,
Господь Путеводитель!
Дай груз удачно довести.
Храни Бог Вседержитель!

*К столетию Андрея Яковлевича
Прокопчука*

Богатство ваше – это годы,
А их немало – ровно сто.
Несли вы свет Христа в народы,
Не мог препятствовать никто.
Вы богатели духом в Боге,
Искали только одного:

На длинной жизненной дороге
Прославить только лишь Его.
И в этом счастье есть и сила,
Что, несмотря на зло вокруг,
Вы улыбались людям мило
И были всем как лучший друг.
Источник дара – Слово Божье.
Оно давало стимул жить,
Бороться с ленью, страхом, ложью,
Духовной жизнью дорожить.
И пусть придут благословенья
Все те, что суждено принять,
Чтоб под наплывом вдохновенья
Своих по вере ободрять.
Пусть вознесётся слава Богу
За жизнь, что вам даёт Христос,
И что на светлую дорогу
Вы вышли из долины слёз!

При жизни этой в скудости
Иль временном богатстве
Пошли мне, Боже, мудрости
В мечтах о вечном Царстве.

О, дай мне больше святости
Среди земного счастья.
Сердечной, светлой радости
В благих делах участия.

И чистой, крепкой верности,
В борьбе с грехом – победы,
Подальше быть от скверности,
Пройдя преграды, беды.

Не дай в пути мне праздности,
Пустых, ненужных споров,
Избавь от несуразностей
И лишних разговоров.

В стране свободы, гласности
Не жить в согласье с ложью.
И в мире зла, опасности
Вещать о Правде Божьей.

Не дай духовной бедности
В достатке иль в богатстве.
Евангельские ценности
Умножить в нашем братстве.

И с песней благодарности
Дойти до вечной цели,
Где столько света, ясности,
Блаженства в новом теле!

Пасха

Святое Воскресенье
Спасителя Христа
Даёт нам всем спасенье.
А в сердце есть мечта:
Увидеть Иисуса
Когда с земли уйдем,
Но если только впустим
Его в сердечный дом.
И если с верой примем
Душой благую весть,
И жизнью пилигрима,
Дадим Иисусу честь,
Послушно исполняя
Его любви Закон –
Достигнем точно рая,

Где с нами будет Он.
И пусть в спасённых душах
Воскресный гимн звучит.
О жизни новой, лучшей
Пусть сердце не молчит!

Осанна!

Осанна! Царь Вселенной,
Унизивший Себя,
Любовью неизменной
Так возлюбил меня!

Он приготовил место
Для тех, кто верой жил.
Узнав о смерти крестной,
Спасеньем дорожил.

И воскресеньем чудным
Меня Он оправдал.
И подвигом тем трудным
Мне вечность даром дал.

Небесный город счастья,
Святой Иерусалим!
Я вспоминаю часто,
Что вечно буду с Ним.

Осанна! Аллилуйя!
Христу я песнь пою.
Душой своей ликуя,
За жизнь благодарю!

О, благодать Христа святая!

1.

О, благодать Христа святая!
Пришла от Бога в Рождество.
Зажглась в душе любовь живая
И песен чудных торжество.

Привев:

Душа наполнена хваленьем,
Он жизнь даёт душе моей.
Приняв Иисуса искупленье,
Пою я гимн Царю царей!

2.

С надеждой светлой я шагаю,
Мне жить с Иисусом хорошо.
От всех грехов я убегаю
И славлю Господа душой.

3.

Как дорог сердцу праздник жизни!
Люблю я время Рождества.
Господь ведет к святой Отчизне,
Я верю Божиим Словам!

Песни на Рождество

1.

Загорелись ярким светом
Разноцветные огни,
И Рождественским приветом
Всех встречают в эти дни.

Припев:

Богу честь, благодаренье!
Иисус в сей мир пришёл.
Ради нашего спасенья
Он оставил царский трон.

2.

Воздают Иисусу дети
В Рождество хвалу сердец.
Благодать явилась в свете,
Миру дал её Творец.

3.

Иисуса принимайте.
В двери сердца Он стучит.
Зов Христа не отвергайте.
Будет Он добру учить.

Рождество

Под мотивы Рождественских песен
Я пишу мой Рождественский стих.
Этот праздник так мил и чудесен.
Он души моей дивно достиг.
Я поверила в чудо святое,
В сердце приняв Младенца Христа.
И растёт то дитя дорогое.
Я ж всегда умяляться должна.
Слово Божие: «Будьте как дети»
Мне приходит на память всегда.
Ничего нет ценнее на свете,
Чем любить и прощать, как дитя.
Помоги в этот праздник прекрасный
Осмотреть своё сердце опять.
Чтобы жизнь мне прожить не напрасно.
Чистым сердцем пред Богом сиять!

Благовещение

Благая весть, что прозвучала
Марии много лет назад –
Спасенья Божьего начало
И путь, ведущий в мир отрад.

Христос пришёл, всё совершилось!
Его любовь так велика!
...Хоть много в мире изменилось,
Она всё та же – на века.

Она пришла и в наше время,
Она звучит из года в год,
Снимает с душ сомнений бремя,
Она ведет людей вперед.

И будет так, пока Спаситель
Вторично в мир наш не придёт.
Как Царь царей, как Победитель!
Невеста-церковь Его ждёт!

Славлю Тебя, ведь я дивно устроена,
Душу имею, и ум, и глаза.
Словом Твоим, как росой, напоена,
Вижу повсюду Твои чудеса!
Мысли мои, словно воды глубокие
Льются и льются, чтоб лучшей хвалой
Славить Тебя за идеи высокие
И наполняться любовью святой.
Славлю тебя, ведь я дивно устроена:
Руки имею, чтоб труд совершать.
Уши на добрые волны настроены
К песням, что могут меня утешать.
Ноги идут, чтоб в великом собрании
Верой я приняла всю благодать.
В эти часы безмятежные, ранние

Искренне славу в молитве воздать!
Славлю Тебя, ведь я дивно устроена:
Бьётся, пульсирует сердце моё.
В сладком общенье оно успокоено,
Радостью Ты наполняешь его.
Славлю за милости неисчислимые,
Ты обновляешь их прямо с утра.
Пусть Твоё имя вовеки хвалимое
Голосом чистым поётся всегда!
Дивны дела Твои неизмеримые.
Это вполне я, вполне сознаю.
Действуешь силой Своею незримою,
Чтобы достигла я жизни в раю.

Призывное

Приди к Христу, с самим собой не споря,
Не сожалея в сердце ни о чём.
Пусть светлые, Евангельские зори
Осветят жизнь спасительным лучом.
Приди к Христу, пока ещё есть время
Откликнуться на зов Его любви.
И сбросить навсегда сомнений бремя,
Очиститься в Его святой крови.
Внутри тебя болит, страдает
Измученная, вечная душа.
Без Слов живых как в клетке увядает.
Как будешь дальше жить?
Тебе решать!
Пусть Дух Святой тебя направит
К Голгофе, где страдал Иисус Христос.
Взгляни туда, и пусть душа прославит
Того, Кто счастье вечное принёс.
Склонись пред Ним в молитве покаянья
И расскажи Ему, что душу тяготит.
И ты получишь мир и оправданье.
Он все грехи забудет и простит!

Церковь

Церковь – то не зданье из камней,
Что к себе все взоры привлекает.
То собранье Божиих детей,
В чьих сердцах Дух Святой обитает.
Дух влечёт в общение не зря.
Здесь в хорошем и просторном зале
Возрастает в Истине семья,
Как и при апостолах вначале.
На духовном поприще, в труде
Строятся святые отношенья,
Чтоб потом нести по всей земле
Свет Евангеля в любви, в смиреньи.
Церковь та – как компас, как маяк
Для народов всех и поколений.
И над миром реет, словно флаг
Лучшее из Божьих повелений –
Жизнь в надежде, вере и любви,
Полная тепла и благодати.
Все, омытые в Его крови,
Счастьем вечным во Христе богаты.
В мире зла, неверья, башня есть,
Праведники могут в ней укрыться
И воздать Творцу хвалу и честь,
И Его любовью – укрепиться.
Приходите поскорей туда.
Вечный зов пока не прекратился.
Слово Божье льётся, как вода.
Кто ещё к Христу не обратился?
Время есть, чтоб церковь посетить,
Там найти душе своей отраду.
Бог готов услышать и простить.
Вечность подарить сердцам в награду!

Галина Джежула

*И в чистом потоке Любви
Воскресает Надежда,
И в этой Надежде
Себя обретает
Душа...*

Родилась 1 апреля 1975 года в Крыму. Мама троих детей. С 2008 года живёт в Калифорнии, в районе залива Сан-Франциско. Модельер и портной. Шьёт свадебные и вечерние платья, создаёт коллекции, живёт в собственном магазине. Пишет стихи с раннего детства. «С 2010 года всё моё творчество стало Христоцентричным. Как и вся моя жизнь – оно посвящено Господу, – говорит Галина. – Чем глубже я переживаю Бога, тем, – верю! – искреннее и точнее моя поэзия. Поэтому я ревную именно об этой Близости. Ревную о потоке Света и Любви».

Садовник

Идёт Садовник по траве
И ветки с дерева срезает...
Все, как на Небе, на Земле, –
И нас садовый нож ровняет...

Срезает похоти кусты,
Короны, что надели сами,
Слова, которые пусты,
Мечты, не ставшие делами,

Срезает прошлогодний цвет,
Засохший и не ставший плодом,
Срезает пустоту побед,
Вчера ещё манивших мёдом...

Срезает поражений шрам
И ненависть врагов заклятых,
Срезает детское «я сам..»,
Срезает поиск виноватых...

Срезает горькую смолу,
Срезает плющ, обвивший душу,
Срезает немощность твою
И боль, прошедшую наружу.

Срезает маски, позы, фарс
И отрезает шум оваций...
Срезает линзы с сердца, с глаз
И блеск фальшивых декораций...

Срезает на твоей судьбе
Все то, что гнило и мешало,
Чтоб все, что от Него в тебе –
Росло, цвело и плод давало...

Надежда

Я стала сильнее, я почти научилась летать...
И вдруг поняла, что Надежда для сердца – как парус...
Я столько прошла,
Но так часто в пути ошибалась,
Что хочется чисто и думать, и жить, и дышать...

Так хочется чисто,
Как пойманной рыбе – воды,
Как воздуха лёгким,
Как очень голодному – хлеба!
Как хочется птице –
Открытого ясного неба,
Как лодке в большом океане –
знакомой звезды

Так чисто, как только роса луговая чиста,
Так чисто, чтоб даже теней на лице не осталось...
Я вдруг поняла, что Надежда для сердца – как парус
Для Чистого сердца,
Которое знает Христа!

Иду...

Моя судьба – как полка книг,
Где места сказкам нет.
Пишу собою Чистовик
Падений и побед.

Душа вздыхает, прочитав
Моих событий нить:
«Господь, поправь меня! Поправь!
Учи меня ходить...»

Иду, иду...
Огонь...
Вода...

Стекло...
Песок
И лёд...
То под ногами города,
То степь колосья мнёт...

То рыбы мокрой чешуя,
То клена жёлтый лист,
То родниковая струя,
То ветра резкий свист...

То отражение луны,
То солнца яркий свет...
Стихи,
Мечты,
Дороги,
Сны...

Провал!..
Ещё!..
Просвет!..

Я просто путник и поэт,
Идущий в Облака,
Меня зовёт Иисуса Свет,
Ведёт Его Рука!

Сон

Я проспала все на свете:
Слухи о конце времён,
Лести плен, желаний ветер,
Жизнь, похожую на сон...

Я проспала встречу с прошлым,
И теперь оно – зола...
...Может кто-нибудь хороший
Приходил... но я – спала...

И во сне моем глубоком
Я упала в облака...
И меня качало Богом,
Как качает плот река...

И в огромном океане,
На огромной глубине
Кровоточащие камни
Говорили обо мне...

Поднимаясь из пучины
Завершало Слово круг...
Эхо в горные вершины
Уносило каждый звук...

И тогда мне снилось солнце,
Снилось то, как надо жить,
Как душа моя проснётся
И научится ходить...

...Стая Ангелов спустилась,
И теперь тесна кровать...
Я проснулась, как родилась.
Я Люблю!..
Пора вставать!..

Ты сможешь!

Есть память у воды,
У хлеба...
Есть память у земли, корней...
Но, дорогая, память Неба
Сильнее памяти камней!

Ты спотыкаешься на месте,
Теряя свет в ночи глухой.
А враг наш не имеет чести,
Он ловит каждый промах твой...

Он говорит: «Она не сможет...»
«Она не встанет...»,
«Не пройдёт...»
«Она мешок костей и кожи...»
«Она еще раз упадёт...»

«Её проигранные битвы,
Как невзлетевшие стрижи...»
...Но Небо помнит все молитвы
И все движения души!

И Небо знает, как дается
Тебе твой каждый Веры шаг!
И то, что закрывает солнце –
Перед тобой коварный враг.

И список обвинений ложных –
Лишь тень над нашей головой...
Ты встанешь!
Ты пройдёшь!
Ты сможешь!
Ты выдержишь!
Иисус с тобой!

Преодолеть земное притяжение

Для ангелов наш воздух как вода:
Он плотный, он течет и растворяет...
И к нам они ныряют без труда...
Они плывут...
...Мы думаем – летают...

Для ангелов аквариум – земля.
Иисус идет по нити натяженья...
Отец зовет: «Остановись, Дитя!»
Но мы в бездумном вирусном движении.

Мы ждем Иисуса – день, что Он придет.
Ведь жизнь – для духа это просто школа.
А он нас ждет у мраморных ворот
Искрящегося радугой престола.

Для ангелов наш воздух как вода.
Для нас с тобой – земля как поражение.
Но с Господом мы сможем навсегда
Преодолеть земное притяженье.
Все ценное я спрятала в Тебе!

Все ценное я спрятала в Тебе,
Пока мне сердце рвут враги на части.
Я спрятала в Тебе большое счастье,
Которого не видно на земле...

То важное, что не могу понять,
То яркое, что прятать не умею...
Я просто частью сделала Твоею,
Чтобы уже никто не смог отнять.

Весь в мир в Тебе.
Я сделалась пустою...
Меня уже давно не манит плоть,
Все то, что надо принести с собою
Несу не я, Несёт в Себе Господь!

Иду молясь, к порогу от порога,
Крича в глубинах сердца,
Плача вслух...
Дай мне Себя, Иисус!
Дай больше Бога!
Дай все, что жаждет мой растущий дух!

«Свое»

Накрыло ангела крыло
Мои шаги в пустыне страсти...
Я, как безумный ищет счастья,
Искала на земле своё...

А мимо караваном слёз
Шли дни неровной чередою.
И каждый больно плыл землёю,
И каждый чашу мира нёс...

Противник Бога, враг людей.
Манил, прельщая миражами,
Тащил долами и холмами,
Меж ищущих своё людей...

Мне опротивел мир слепой,
Сбивающий мечты на взлёте,
Устала от злобы и плоти,
От липкой зависти людской...

Возненавидела душа
Всё то, что я любила прежде.
И родилась во мне Надежда,
Небесным царствием дыша.

И сердце новое призвало
Искать того, что хочет Бог!
И я вошла в Его Поток,
В долине Славы побывала!

Творящий все из ничего
Сменил судьбу мою и Имя!
...Так я прошла свою пустыню
Где каждый,
Ищет Своего...

Влияние

На нас влияют мысли и слова
Всех тех, кого мы допускаем рядом...
И пусть не прикасаются тела –
Мы можем стать друг другу
Хлебом...
Ядом...

Мы можем быть источником воды
Живой... Или болотом неживого...
Мы – это тоже двери, я и ты...
Не только плоть –
Мы Дух,
Мы Соль,
Мы Слово...

...Любить

...Любить детей,
Любить цветы в саду,
Холодный ветер,
Что пронзает душу...
Любить все то,
Что я в тебе найду,
Что спрятано,
Но вылезет наружу...

Любить дышать,
Когда не будет сил...
Любить идти,
Когда не будет мочи...
Того, кто распял,
Предал, не простил...
Любить всегда!
За все!
Всем сердцем!
Очень!..

Я забираю все, что потеряла...

Я забираю все, что потеряла:
Улыбки, взгляды, повести, стихи...
Все то, что я забыла, расплескала,
Что выманили лестью «женихи»...

Что растащили маленькие птицы:
Голодные апрельские чижи,
Февральские замёрзшие синицы
На дне моей зимующей души...

Я забираю боль свою и жажду,
Мой вечный поиск, мой немой вопрос...
И счастье, приходившее однажды,
И много-много-много-много слез...

Моих детей, когда-то не рождённых,
И этих, что пытались отобрать...
И многоточья строк, во мне сожжённых,
И детское желание летать...

Мою к любой опасности небрежность,
Которую заметили враги...
И всю мою духовную одежду,
И все мои душевные долги...

...Я забираю поезд, уходящий
В далекие холодные края,
Чтоб снова быть живой и настоящей,
Чтоб понимать и видеть: «это – я»...

Забудь...

Хочу растаять в памяти твоей,
Как тает сон, когда встаёшь на ноги...
Как тает грань
Между людьми и Богом,
Когда уже не думаешь о ней...

Как тают мысли, падая в поток
Живой воды, текущей с небосвода,
Как тает лёд, когда поёт природа,
Грядущей жизни ощущая ток...

Как тает соль, пленённая водой,
Собой меняя вкус ее и свойство,
Как постепенно тает беспокойство
У каждого, кто знает путь Домой...

Как забывает про конверт рука,
Но остаётся в памяти посланье...
Как ложки мы касаемся губами,
Но только мёд коснётся языка...

Как люди видят языки огня,
Кормя его березовой корою,
И ты забудь, не замечай меня,
Смотря в Того,
Кто просто движет мною...

Мне не хватает берега,
Как лодке,
Которой нужен
Остров на воде...
И я тогда пишу тебе:
«Ты где?»
Мне не хватает берега как лодке...

Мне не хватает воздуха,
Как рыбе,
Которая упала на песок,
И я тогда кричу:
«Помилуй Бог!»
Мне не хватает воздуха как рыбе...

Мне не хватает сердца,
Как весне...
Реке, в ее процессе ледохода...
И я тогда молю
Очистить воду...
Мне не хватает сердца, как весне...

Я вижу судьбы тысячи людей
Хотевших, но не ставших маяками....
Мне не хватает Бога между нами...
Мне не хватает
Нежности твоей...

Каждое слово – любовь

Неверие – льда вековая стена,
Оружие Веры – ладонь...
Из тысячи песен
Родись же одна,
Где каждое слово Огонь!

Родись, как рождался обещанный сын,
У той, что неплодна на вид...
И рухнет стена, как упал исполин,
Когда замахнулся Давид!

Враг прячет в угрюмом подвале весну
И врет, что «Спасения Нет»...
Из тысячи песен
Я жажду одну –
Где каждое слово – Ответ!..

Как жаждал в пещере своей Илия
Присутствия Бога Отца,
Я жажду, чтоб строила Песня моя,
И в ней исцелялись сердца!..

Мир мёртвою хваткою держит мечту
Меж двух титанических плит...
Из тысячи песен
Скажи во мне ту,
Где каждое слово – Магнит!..

Скажи, как скале приказал Моисей,
И хлынула жизни вода...
Чтоб в рабство свое не пленяли людей
Ни ложь, ни соблазн никогда...

Идущего к Богу омыла собой
Пролитая Господом Кровь...
Из тысячи песен

Живу для одной,
Где каждое слово – Любовь!..

Живу, как отдельный фрагмент бытия,
Где все элементы – Твои!
И нет меня Больше,
Есть Больше чем я
В Твоей Бесконечной Любви!

Живите так...

Живите так, чтоб жизни вашей повесть
Несла Надежду всем, кто прочитал...
Любите, ни о чем не беспокоясь...
Держите, чтобы близкий не упал...

Снимите маски... Не дышите прошлым...
Не ждите, чтобы человек помог...
Не надо быть искусственно «хорошим»,
А будьте тем, каким вас видит Бог!..

Почувствуйте, как праведна дорога,
Ведущая к сияющей мечте!
И каждый Божий день ищите Бога
В Себе, В Другом, в Великом, в Простоте.

Бесконечность...

Я рисую бесконечность:
Небо,
Небо,
Небо,
Вечность...
Лист березовый летящий...
Мотылёк в ночи звенящий...
Колос спелый,
Лес багряный...
Рыжий лис от счастья пьяный...
Детство, радугу, рассветы,
Зиму, осень, лето, лето...
Голос дочкин...
Света грани...
Нитки, кружево и ткани...
Карту мира...
Запах хлеба...
Небо,
Небо,
Небо,
Небо...

Цветы

Цветы расцветают
На каждой упавшей слезинке,
На трещинке каждой,
На каждом осколке мечты...
На каждом ранении сердца,
На маленьких льдинках,
Которые впились
В твой след,
Когда падала ты....

Цветы расцветают
На всем,
Что погибло когда-то...
Цветы заменяют
Погибшие в сердце кусты,
Деревья густые,
Камыш и душистую мяту...
...Цветы расцветают,
На мёртвом... Живые цветы...

Из этих небесных цветов
Создаются одежды,
Прохладою неба,
Грозою
И Светом дыша...
И в чистом потоке Любви
Воскресает Надежда,
И в этой Надежде
Себя обретает
Душа...

Хочется...

Хочется стать сильнее,
Хочется слабой быть...
Хочется все запомнить,
Хочется все забыть...

Хочется быть с другими,
Хочется быть одной...
Хочется быть «как надо»,
Хочется быть собой...

Хочется соли в хлебе,
Соли в своей судьбе...
Хочется Неба
В небе,
Неба в самой себе...

...А слышишь ли ты?

Скажи мне,
Ты Его слышишь?

И чем Его слышишь? Ушами?..
Там? В сердце?..
В разбитом сердце,
Где соль выгребать горстями?..

Где эхо от клятв любовных
Вторит, как в пещере, гулко,
Где тысячи рек подводных
Хотят совершить прогулку...

В разрушенном сердце? Слышишь
Ответ, приглушённый шрамом?..
В уставшем тяжелом теле,
Которое стало храмом?..

В оковах того, что люди
Привычно зовут судьбою...
Ты слышишь Того, Кто Любит?
Зовущего За Собою?

Прекрасного как восходы,
Закаты и водопады...
Дарующего Свободу
И Свадебные Наряды...

Живущего повсеместно,
Создавшего все на свете
В ещё несвободном сердце?
В огромной пустой планете?

Да,
Он говорит с тобою,
Как мать говорит с ребёнком,
Как брат отвечает брату,
Как скрипка рыдает тонко!

Как капли росы стекают
По жилкам кленовых листьев,
Как шепчет трава, вздыхая,
Как в пламени плачут искры!

Как птицы щебечут летом,
Как мощно поют прибои,
Как друг говорит советы,
Как трубы призывают к бою!

Как любящий повторяет
Живущие в нем признанья,
Как свет в Океан ныряет,
Как движется Помазанье!

И хочется жить и строить,
Искать и идти по следу...

И что-то собою стоить,
И взять, наконец, Победу...

Растаять в Нем! Им согреться!
И чтобы Он Жил тобою!
...И это меняет сердце
На Новое,
На Святое!

Скажи мне,
А ты Его слышишь?

Проснись, душа

Тебя по лесу тёмному
Души твоей веду,
Веду нагой,
Веду босой по соли...
В какой мне части сердца
Отсекать твою беду?
Как оторвать
Мечты твои от боли?

Там в подсознание бездна,
Из которой смотрит страх –
Слепой, глухой,
Бесчувственный и властный...
Иду с тобой, несу тебя
На глиняных ногах,
Как нежный стебель,
Слабый и прекрасный...

И шепчет Дух:
«Проснись, Цветок!
Очнись, Цветок! Живи!
Я сотворил тебя, душа, из Хлеба!
Я положу тебя в Исток

Моей Святой Любви,
Которая собой открыла Небо!

Я заберу осколки зла
И ледяной кристалл,
Попавший в тело
Вражеской стрелою...
Мне сердце старое отдай –
Я новое создал
И научил его ходить водою...

И ждут тебя прекрасные
Далекие края
И аромат
Садов цветущих Рая!
Единственная, Нежная,
Любимая моя!
Искушенная,
Чистая, Святая!»

Виктор Иотко

*Верующие люди, когда прочтут
описанные в этом очерке
свидетельства, увидят действие
провидения и работу благодати
Божьей.*

Меня зовут Виктор Иотко. Родился я в Восточной Украине, в Днепропетровске (нынче – Днепр). Женат. Четверо детей, восемь внуков. В Соединенные Штаты Америки с женой Ларисой и двумя дочерьми Аленой и Юлей переселился на постоянное место жительства в 2017 году. И совсем недавно, в 2021 году, к нам присоединились сыновья Святослав и Михаил с семьями.

Завершение работы над очерком, который предлагаю вашему вниманию, – моя давняя мечта, осуществившаяся спустя годы уже здесь, в США. Очерк биографичен, основные имена и названия не вымышлены. Совпадения с реальными датами и событиями не случайны.

Я не собирался в очерке чем-то хвастаться, похожих судеб у современников моих родителей хватает сполна. Однако, на мой взгляд, в нем есть своя оригинальная нить, и то, о чем я рассказал здесь, позволяет проследовать непростыми жизненными тропами моих папы и мамы. И, надеюсь, их истории будут для вас тоже достаточно интересными.

Мне, как неисправимому телевизионщику, также очень хочется когда-нибудь снять правдивое добротное кино с реконструкцией событий, о которых идет речь в очерке. А что?.. Мой друг, пастор из Канады Роланд Саенс, в таких случаях говорит: «С Богом нет ничего невозможного!»

СИЛЬНЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

*Михаилу Леонтьевичу и Елене Павловне Иотко
с уважением к их нелёгкой судьбе, посвящается...*

Предисловие

Мы со старшим братом Вячеславом давно хотели написать хотя бы краткую историю жизни наших родителей – Михаила Леонтьевича и Елены Павловны Иотко. Работали над этим и уже готовы были описания наши объединить, но неожиданно брата не стало. Воистину «...судьба человека – от Господа» (Прит. 29:26). Поэтому осуществить задуманное выпало мне, Виктору Иотко. Тем не менее, этот очерк считаю нашим общим трудом, а также своим долгом и моей памятью о брате. Здесь много его фраз, его воспоминаний – он ведь был значительно старше меня и дольше знал родителей.

*Папа Михаил
Леонтьевич
и мама Елена
Павловна
вместе в
1980-е годы.*

Отец, Михаил Леонтьевич, был для нас достойным примером. Причем не только как глава семьи, отец, но и как гражданин и христианин. Ему удавалось вызывать в людях неподдельный интерес к духовным ценностям, вере. Мама же, Елена Павловна, своей любовью, заботой, верностью согревала каждого из нас. А беззавет-

ной надеждой на Господа, непрерывными жаркими молитвами к Нему создавала и хранила наш семейный очаг.

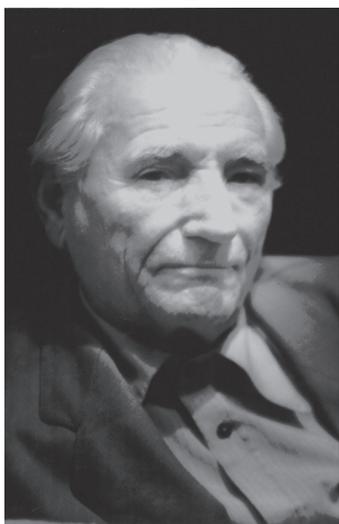
Было хмурое и холодное утро. Недоброе. Мы с братом сидели на диване опустошенные, подавленные. На нас обрушилось горе – не стало мамы. Ушла в вечность и она. Нельзя сказать, что неожиданно. Конечно, понятно, что через это проходит каждый смертный в свое время. Но когда кто-то из твоих самых близких, а тем более дорогих родителей, подходит вплотную к конечному, прощальному рубежу, к неотвратимому порогу вечности, ты испытываешь растерянность и безысходную печаль.

А еще нам было горько от того, что маме и отцу досталась такая непростая судьба.

Папа

Папа, Михаил Леонтьевич, как-то рассказывал, что иногда спрашивал себя: «Счастлив ли я? Или мое счастье в другом?»

Действительно, был ли он счастлив, когда отец отстегал его за то, что он, будучи пацаном, полез вместе с друзьями на соседскую яблоню попробовать еще не зрелых, но уже пахнувших свежестью, плодов? Или когда их семья за свою веру претерпевала гонения? Или когда один из самых авторитетных жителей села, священник местного прихода, треснул на глазах у детей папиного отца «чудотворным» крестом по лбу и обозвал штундой и отступником «от нашей веры православной»? Или когда девятилетним, уже осиротев, постигал ремесло пастуха и в надежде получить что-нибудь поесть заглядывал в глаза односельчан после возвращения с пастбища?

*Папа Михаил
Леонтьевич Иотко*

Или когда стоял у маленького гробика своего первого сына, очень рано ушедшего на Небо? Или во времена репрессий? Это потом, спустя шестьдесят

лет, открыто скажут, что 37-й был роковым годом в истории страны, которой сейчас уже нет. А тогда ему – в неполные тридцать, энергичному, с молодой красивой женой, среди друзей и под заполнившие всю страну марши и песни, которые, как все думали, должны были помогать строить и жить, – 37-й роковым, возможно, и не казался.

Отец не был легкомысленным оптимистом. Он всегда принимал взвешенные решения, объективно относился к добру и злу, старался быть правдивым и искренним. Всегда был благодарным Богу. И людям тоже.

Думается, что стечение жизненных обстоятельств было к нему не всегда благосклонно. Но это была его судьба.

Наши родители на заре своей семейной жизни терпели бесчестье и от своих. В 30-е годы папа работал электриком в военкомате по совместительству. А в этом учреждении, как и в других, приравненных к военным предприятиям, своим сотрудникам к зарплате дополнительно выдавали талоны на продукты. Ради желанных двух кусков хозяйственного мыла и килограмма пшена Михаил Леонтьевич и пошел работать туда. Эти дефицитные товары были тогда существенным подспорьем для семьи.

Талоны отоваривали в специальных магазинах, куда путь «простым смертным» был закрыт. И вот кто-то из прихожан общины увидел, как мама, Елена Павловна, заходила в такой магазин отovarить талоны. И распространился о родителях в церкви страшный домысел: сексоты (секретные сотрудники, стукачи). Вывод логичный: «Если они, простые люди, могут пользоваться привилегированным магазином, значит не такие они уже и простые...» Так считал автор злословия: «Власти не поощряют рядовых просто так».

Возможно, такой поступок сочинителя сплетни допустимо было понять и оправдать. Но это сейчас. А тогда было нещадное время. В те годы опасались и подозревали даже самых близких в таком тяжком грехе. В общине много было стукачей. Некоторых знали

*Михаил Иотко-Первый.
Фото 1934 года*

даже в лицо. НКВД (впоследствии КГБ) функционировал исправно, не разгибая спины.

Трудно переносить отчуждение своих. Попробуй отмойся потом от мерзкой клеветы. Родители противостояли этим обвинениям постами и молитвами.

Много позже, когда другие события опровергли ложные обвинения, одна сестра, уже находясь на смертном одре, покаялась перед мамой: «Сколько же я вам зла причинила тогда, в те годы! Простите меня». Конечно, простили. Но тогда такую черную клевету надо было еще пережить.

Отец как-то вспоминал о членском собрании церкви в 1937 году. Обсуждался вопрос, вплоть до отлучения от церкви за то, что он создал в общине обособленную «молодежную церковь».

Молодежь, действительно, по тем временам вела себя дерзко по отношению к властям. Смело и часто собиралась на общения для изучения Слова Божьего. Специальных библейских курсов и колледжей тогда не было. Использовали для этого любой праздничный повод, молодежные служения, репетиции хора, выезды на природу, посещение соседних церквей. Под предлогом дней рождения для исследования Священного Писания устраивали собрания с чаепитием. Такие встречи называли, как и у первых христиан, «вечерями любви».

Бог благословлял молодежь, и она была активной монолитной группой. В этом и обвиняли отца излишне ревностные братья. И снова усердная молитва.

Тогда Господь помог через обращение одного из служителей церкви, Губенко П.А., к братьям: «Друзья, мы должны быть благодарны Богу за то, что брат Миша так усердно занимается с молодежью. Вы ведь не уде-

ляете времени для них». Отлучить не отлучили, но поставили на вид. Истинно: «Бог ли не защитит избранных Своих...» (Лк. 18:7).

В апреле 1938 года власти закрыли днепропетровскую церковь и арестовали более двадцати братьев-проповедников. Больше половины тут же расстреляли. И только пост и молитва, особенно мамы, оградили отца в тот раз от бессудной расправы. Но топор незаконного наказания занесен был уже и над ним.

Во время оккупации, в 1942 году, церковь возобновила свои собрания. Приложили усилия некоторые братья, особенно Шаповалов Д.Д. и Татарченко И.Я. Оккупационные власти разрешили деятельность евангельских христиан-баптистов. В 1943 году в нашем городе даже состоялся съезд, на котором было основано Всеукраинское объединение евангельских христиан-баптистов. Руководить Объединением был избран брат Шаповалов Д.Д. В это же время служитель из Западной Украины – брат Ныщик С.П. – рукоположил в благовестники нашего отца, Михаила Леонтьевича Иотко.

После освобождения Днепропетровска, начиная с конца декабря 1943 года, один за другим были арестованы по общему делу и обвинены в сотрудничестве с оккупантами служители церкви Шаповалов Д.Д., Бордовский А.И., Иотко М.Л., Авдеенко М.К. и, немного позже, Губенко П.А. Отцу еще вменяли в вину активное служение, частые поездки с благовестием по области. Все эти братья были осуждены на длительные сроки заключения с последующим поражением в правах.

В 90-х годах, незадолго до смерти, я спросил отца: «Было ли в твоей жизни, когда ты, может, невзначай, или в порыве человеческого отчаяния, или слабости пожалел о своей судьбе, о трудном пути, о выбранной дороге?» И он ответил, не раздумывая: «Никогда!»

Трудно вот так сразу этому верить. Ему самому, как он рассказывал, иногда казалось, что другой человек вряд ли смог бы оказаться там, где был он, пережить то, что пришлось пережить ему, и при этом стать таким, каким стал он. То, что давало силы, было сильнее его, на порядок мудрее и выносливее.

Когда в 1943 году немецкие войска уходили из Днепропетровска, один из офицеров хозяйственной службы, который во время оккупации иногда посещал городскую баптистскую церковь, предложил отцу помочь выехать в Швейцарию с дальнейшей эмиграцией в Америку, Канаду или Австралию. Офицер так и сказал: «Миша! Уезжай. Тебе нормальной жизни здесь не будет!» Отец отказался. Потом «народные пустобрёхи», конечно, попытались навесить ему ярлык сотрудничества с гестапо. И доносы писали. И всех вокруг убеждали. Но папа и эту напраслину пережил!

Дата 13 апреля 1944 года стала для отца началом тяжких испытаний его веры, упования и терпения. В этот день был дан отсчет другой жизни. Жизни, полной риска. Жизни без права на ошибку.

Весь тот день был не по-весеннему дождливый и пасмурный. Не все складывалось так, как хотелось бы. Сынишка Славик покашливал. И не мудрено, ведь в такую сырую погоду пришлось его вести в прохудившихся ботиночках. Купить бы новые, но их сложно найти. В первые месяцы после освобождения обувь в город завозили откуда-то из Полтавы, но очень мало. А кожевенный цех городской обувной фабрики был наполовину разрушен прямым попаданием бомбы, и до его восстановления у городских властей руки еще не дошли. Были проблемы более насущные – восстановить хлебозавод и электроподстанцию.

Водонапорная башня не успевает перекачивать необходимое городу количество воды. Поэтому даже тех, кто до войны имел воду в доме, от центрального водоснабжения отключили, и все набирали ее ведрами в уличных колонках общего пользования. Ведрами много не наносишь, а стирка в семье, практически, каждый день. Отец работает механиком на городской электростанции, и его рабочая одежда часто испачкана солидолом и грязью. Чтобы отстирать, нужно сначала замочить в щёлоче, затем выварить, а потом уже стирать. Вот и сегодня на работе регламентная профилактика оборудования – значит, стирки ожидается много. Значит, нужно наносить воды.

Есть сложности и с едой. За ней, как правило, всегда ходили в ближние села. У селян иногда можно купленное в магазине удачно обменять на продукты. Это стало обыкновением еще со времен оккупации, когда селу было легче прокормиться, чем городу. Выменять картошку, кукурузу, пшено, масло для многих горожан – чуть ли не единственная возможность добыть еду.

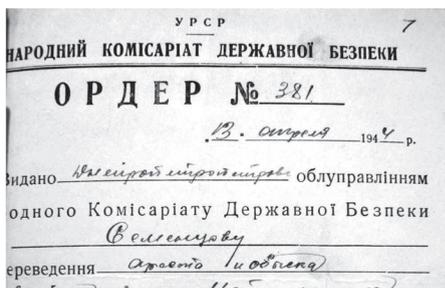
В общем, этот день – 13 апреля 1944 года – был рядовым, обычным. Пока... Пока в дверь не постучали непрошенные гости. Они всегда приходили за своими жертвами неожиданно, без предупреждения.

«Здесь проживает такой-то?» Назвали фамилию, имя и отчество отца. Добавили дату рождения для верности. «Собирайтесь! Вы арестованы». В душе все оборвалось. Пришло то, чего вроде бы и следовало ждать, но втайне надеялись, что не случится. Обойдется. Что Бог отведет беду.

В то время о самой процедуре ареста в газетах не писали и фильмов об этом не снимали. Государственный карающий механизм широко не популяризировал методы своей работы, а чаще покрывал таинственностью. Хотя и не скрывал некоторые открытые действия, усматривая в них элемент устрашения.

Пришедшие предъявили ордер. Старший скупно объяснил, что подозреваемый в антисоветской агитации гражданин такой-то, согласно постановлению, будет арестован. Что также подлежат конфискации его вещи, книги, личные записи, фотографии. Словом, все, что поможет изобличить идеологического врага, дать суду доказательства назвать его преступником и огласить приговор.

Гораздо позже, уже в 80-х, когда общество, под давлением создавшейся политической ситуации, признало преступления того вре-

Ордер на арест и обыск, 1944 г.

мени «перегибами», рассматривались тысячи судебных дел. Они были связаны воедино государственной программой реабилитации невинно осужденных в годы политических репрессий. И тогда, в такой же весенний день, в дом, где отец жил с нами, с семьей (это было уже на моих глазах), пришел совсем не суровый молодой человек. Он представился майором Службы безопасности Украины и очень корректно попросил разрешения задать вопросы, касающиеся реабилитации такого же, как отец, бывшего осужденного.

«Мы вынуждены вас побеспокоить по приговору, вынесенному вашему единоверцу. Что вы можете в связи с этим вспомнить?» – спросил он.

После непродолжительной беседы майор поблагодарил отца, сказав при этом: «Спасибо вам большое. Интересная история. Подпишите протокол нашей беседы. Это необходимо. Учитывая рассказанное, лично я думаю, что ваш брат по вере будет реабилитирован за отсутствием состава преступления. Так же, как и вы».

«Пожалуйста! – ответил отец и добавил: – Я имею очень печальный опыт общения с людьми вашей профессии. Скажу только, что для меня спустя много долгих лет в вашем лице, молодой человек, Комитет государственной безопасности Советского Союза пытается приобрести человеческий облик!»

А тогда, в апреле 1944-го, закончив все процедуры обыска, презрительно бросили: «Ну что, Иотка, бери мешок с вещами и пошли!»

Жена, Елена Павловна, обратилась с просьбой: «Мы – люди, верующие в Бога. Можно нам на прощание помолиться всей семьей?» Старший раздумывал, словно задержали убийцу-рецидивиста, и взвешивал, не опасно ли это. Потом махнул рукой и процедил сквозь зубы: «Молитесь». Для того времени получить разрешение помолиться в такой ситуации казалось совсем невероятным.

С чем тогда можно было обращаться к Богу? О чем просить? В момент разлуки с семьей, в час абсолютно неизвестного будущего? Какие слова можно было произнести в волнении и тревоге? Еще и эти двое «архангелов» рядом ухмыляются. Один даже (на всякий случай) кобуру расстегнул.

Четырехлетний малыш Славик вместе с родителями встал на колени и как мог присоединился к горячей молитве. Со слезами

возносились слова к Тому, Кто в силах защитить и поддержать. Отец молитвенно вручал остающуюся без кормильца семью на попечение Всевышнему. Кто еще мог тогда позаботиться о ней?

Уходил отец с потухшим взглядом. Мысли нахлынули разные: «Удастся ли вернуться в свой дом? Встречусь ли опять с семьей? Как сын будет расти без отца?»

Камера следственного изолятора НКВД была зрелищем удручающим. Отцу там пришлось провести более полугода. Много людей. Некоторые на полу. Свободного сантиметра нет. Только около отхожего места просторнее.

Отец скупно делился пережитым тогда. Но даже этого мне хватило, чтобы представить ту страшную картину. Навсегда остались в моей памяти его воспоминания о тех днях...

...Периодически приходят мысли, что даже то, о чем думаешь, может стать известным следствию. Гулкие шаги охранника в коридоре болезненно отзываются в голове, и каждый шаг чеканит: «Ты – враг, ты – враг, ты – враг!» Это как же надо было запугать и унижить человека, чтобы он начинал так думать?

Кажется, следователь заглядывает внутрь памяти, выискивая хоть какую-то зацепку, чтобы вписать ее красной строкой в дело, затем подчеркнуть, представив обвинению «нужные» доказательства. Им, офицерам внутренних дел, нужно было оправдать свое пребывание здесь, вдали от войны, от необходимости терпеть все тяготы и лишения фронтовой жизни. И они трудились, не покладая рук и не жалея пишущих машинок. Придумывали во время допросов новые изощренные приемы, умело манипулировали подследственными, которые и так были обессилены и истощены.

Во двор выводят каждый день, но на короткое время. Туда же выходят окна, в том числе и пищеблока. Одна из сестер церкви работала в следственном изоляторе на кухне и, наблюдая за прогулками осужденных, передавала иногда маме «немой привет» от мужа. Она же и посоветовала ей поискать возможность снаружи, с улицы, заглянуть сюда, во внутренний двор. Мама рассказывала,

что однажды ей удалось, затаив дыхание, через щель в железных воротах увидеть супруга на прогулке, стриженного и очень поху-девшего.

Допросы преимущественно начинаются поздно ночью. Протокол ведется обязательно.

«Начало: час десять ночи, такого-то числа, такого-то года. Следователь: старший лейтенант такой-то.

– Подследственный, что вы можете сказать о встрече с проповедником таким-то в октябре 1942 года?

– Да, приезжал к нам в церковь брат, был приглашен на проповедь.

– Известно, что он проводил после этого встречу с руководством церкви на предмет сбора денег для репрессированных служителей. Было это в тот день?

– ...

– Вы были избраны главным редактором баптистского молодежного журнала "Божий Виноградник". Где вы брали материалы для этого издания?

– ...

– Посещали ли когда-то по религиозным или служебным вопросам немецкие учреждения?

– ...

– В период немецкой оккупации Днепрпетровска вы пользовались радиоприемником?

– ...

– Когда и при каких обстоятельствах вы были арестованы органами гестапо?

– ...

– Указание о направлениях деятельности общины в генерал-комиссариате вы получали?

– ...

– Что вы знаете о "Союзе помощи верующим"? Кто им руководит из-за границы?

– ...

– 30 августа 1942 года в Днепрпетровске проходил съезд евангельских христиан и баптистов. Как вы попали в оргкомитет и по

какому принципу отбирали и приглашали делегатов для участия в нем?

— ...»

И так далее, и так далее. Кажется, бесконечно. Допрос заканчивается в четыре-пять утра, заверяется подписями, подшивается в дело. И так почти через ночь...

В 1995 году в Днепропетровск приедет съемочная группа телевидения из Канады и организатор съемок, пастор Роланд Саенс, хороший друг нашей семьи, спросит у папы: «Как вам удалось выжить в то время? О чем вы молились тогда?»

Он ответит: «Это один только Бог знает! Расскажу случай. Во время следствия меня посадили на карцерный режим – это двести грамм хлеба в сутки и один литр воды. Благодаря такому сверхскудному питанию физически я ослабел настолько, что иногда готов был подписать что угодно, лишь бы избавиться от таких мучений. Тогда за этим следовало бы смягчение режима

Интервью Канадскому телевидению – журналист, Роланд Саенс, 05.06.1995

и уже ожидание суда. Таким жестким распорядком из меня выжимали, выдавливали признание в том, в чем обвиняли. Однако по тем обвинениям, которые мне предъявлялись, следовал бы расстрел или, в лучшем случае, 25 лет заключения. Однако здесь огромный вопросительный знак: действительно ли 25 лет – это лучше?

Когда в очередной раз около девяти часов вечера меня вызвали на допрос, я встал и вдруг потерял сознание. Больше ничего не помнил. Когда пришел в себя, увидел рядом надзирателя и врача.

Сокамерники потом рассказали, что, когда надзиратель пришел забрать меня на допрос, я упал и ударился о железный косяк две-

рей, рассек голову и залился кровью. Когда очнулся, врач держала руку на моем пульсе, чтобы, наверное, засвидетельствовать наступление смерти. Она спросила: "Что с вами?" Вот так, издевательски: "Что с вами?" Будто она не видела, что со мной... Через некоторое время они ушли, не оказав никакой помощи, оставив в моих руках тряпку для прикладывания к ране на голове.

До утра я лежал на полу и, как мог, справлялся со своей болью и кровотечением. Как Бог восстановил к жизни – только одному Ему известно. Простите мои слезы, но, когда я вспоминаю это, у меня другой реакции не бывает. Какое-то необъяснимое состояние. Его никакими словами передать невозможно, никакими красками описать не получается. И вы спрашиваете, какая молитва могла быть тогда...

О чем можно было просить Господа? Представьте, мне было тогда чуть больше тридцати пяти лет. Я не был стариком, как сейчас. Голодом, холодом, унижениями меня хотели подчинить чужой воле. Либо освободиться от лишних забот через мою смерть... Бог ли защитит вопиющего к Нему? Обстоятельства рождают и нужду, и силу молитвы. Когда огонь печет, рану раздирает – тогда о чем молитва?.. Молитва соответствующая.

Однажды меня вызвали на очную ставку. Одного брата из Кировограда, который был тоже под следствием, вынудили дать показания против меня. Такое случалось в те времена. Меня ввели в комнату, оставили у двери. Брат по вере сидел около стола следователя. Предъявили записанные с его слов показания. Следователь, обращаясь ко мне, спросил: "Такой-то показал, что вы в тот день говорили то-то и то-то. Это верно?" Показания эти никак не соответствовали моим, точнее говоря, были противоположными. Я ответил, что такого не было, что это не соответствует действительности. Тогда следователь обратился к брату с вопросом. Тот, как-то сконфуженно опустив голову, ответил что-то неопределенное. "А!.. Так ты не имеешь мужества сказать то, что говорил пять минут назад?" И сразу последовал сильный мастерский удар наотмашь. Мы, оба подследственных, получили урок правильного поведения на допросе, тем более, на очной ставке.

О чем можно было молиться тогда после этого? О чем просить?

Допросы продолжались и продолжались. За это время поменялось три следователя. После заключительных выводов предыдущего следователя записывалась запись руководителя следственного отдела примерно такая: «Направить на повторное следствие. Ответственным за следствие назначить майора такого-то». Как правило, новый следователь был выше по званию предыдущего и старше по возрасту. Естественно, более опытный. Все начиналось заново. Те же материалы, те же вопросы, те же протоколы.

Но что-то во всем этом процессе допросов у следователей не складывалось. То ли доказательная база была неустойчивой, то ли фактов не хватало. Это отец понял потом, спустя много лет, вспоминая все пережитое. И анализируя, сопоставляя, догадываясь, сделал такие выводы.

Как-то во время очередного допроса следователь спросил:

– Вы призывали в своих проповедях к свержению существующего советского строя?

– Никогда не призывал.

– А в частных беседах или на религиозных сходах пытались устроить заговор?

– Нет, такого никогда не было.

– Свидетели показали, что вы говорили: «Земля и все дела на ней сгорят!» Было такое?

– Возможно. Это записано в Библии во Втором Послании апостола Петра.

– А что под этим подразумевается?

– Только то, что написано, буквально. Здесь нет никакого двойного смысла.

– А что могли подумать ваши прихожане тогда, слушая вас?

– Не знаю. Каждый имеет свои мысли.

– Скажите, а вместе с землей и советская власть тоже сгорит?

– Там конкретно об этом не написано, но мы, как люди верующие, верим Библии. Однако прямо вот так об этом я никогда не говорил.

– Ну а люди, которые вас слушали, могли так думать?

– Я не знаю. Может, и могли. Неизвестно, что в сердце человека.

– Ясно! Так и запишем, что вы не отрицаете, что в результате вашего обращения к слушателям, люди, возможно, могли слова, вами сказанные, принять как призыв к заговору с целью свержения советской власти...

Подобные доводы и стали основанием к приговору суда: «...осужден 28 октября 1944 года военным трибуналом войск НКВД Днепропетровской области по статье 54-10, часть вторая, УК УССР к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на пять лет».

То есть, с 13 апреля по 28 октября, более полугода, на каждом допросе: «А вы говорили...? А куда ездил? А с кем была встреча? А кто был главный?» И раз в сутки – двести грамм хлеба. И суп с селедкой. И по ночам – гулкие шаги коридорного дежурного: «Ты – враг, ты – враг, ты – враг...»

Минуло пару лет. Остался позади следственный изолятор с ожиданием участи. Осталась в памяти камера, соседство с различными преступниками. Как-то однажды, получив передачу с незавидным провиантом, услышал: «Мужик! Давай сюда половину, остальное можешь на окно положить, не бойсь, никто не возьмет!» Такие правила: отдай половину, за остальное не бойся. А если не отдать? Тогда бойся!

После вынесения приговора, на пересылке, ожидая транспортировки осужденных к месту отбывания наказаний, иметь возможность работать – значит обеспечить элементарные условия для своего существования, чуть облегчить тюремную жизнь. Хотя о каком облегчении можно в этом случае говорить? Тем не менее, это значит притупить чувство обреченности и оставленности, получить возможность иметь свидание с женой, а иногда и с сыном.

Начальник тюрьмы на свой страх и риск отдал распоряжение оставить отца на пересыльном пункте отбывать срок наказания в рабочем корпусе в качестве мастера по электрическим и телефонным сетям. И каждый раз во время очередной инспекторской проверки перекладывал его дело – папку с бумагами – из одной стопки в другую, оставляя отца на месте.

Это, вероятно, стало одним из ответов на молитвы, которые действительно победили обстоятельства. Именно о таких молитвах шла речь в интервью для канадского телевидения. Тогда, в начале срока заключения, в следственном изоляторе отец был на грани жизни и смерти. Да и надежду выжить он имел скорее только теоретически. Может быть, сохраненная жизнь – это и было наградой за преданность убеждениям?!

Однако пересыльная тюрьма, хоть и казалась лучше застенков советского ГУЛАГа, тщательно теперь уже описанных в известных произведениях, все-таки оставалась местом заключения, темницей, со своей особенной, непростой, угнетенной жизнью.

Однажды, когда отец уже работал на территории тюрьмы, его отправили для устранения обрыва проводки в спальном корпусе караульного батальона. Надо было пройти два квартала по улице (тогда в Днепропетровске она называлась улицей им. Чичерина). Перед выходом конвоир примкнул штык к винтовке, передернул затвор и прорычал: «Шаг вправо, шаг влево – стреляю! Вперед, марш!» На улице прохожие обращали внимание, смотрели как на преступника. На тротуаре, напротив, проходил один из знакомых. Остановился. Пристально, с подозрением посмотрел вслед. Обидно...

Но было и другое. Случилось как-то... Дежурный из вольнонаемных, заметив в очереди у окна для свиданий знакомое лицо, позвонил на коммутатор: «Передайте электрику: прилетели самолеты!»

– Чего, чего передать?

– Так и скажи: «Прилетели самолеты!»

На хоздворе, в тесной мастерской, увешанной проводами, электроприборами, колбами для светильников, репродукторами зазвонил телефон.

– Электромастерская слушает!

– Только что позвонил центральный и передал, что прилетели самолеты! Ты понял?

Телефонист на коммутаторе опустил трубку на рычаг, недоуменно пожав плечами.

Сумка с инструментами оттягивает плечо, очень тяжелая. Предчувствие не обманывает. На воротах сегодня смена Васи Левыкина.

Два года назад, когда сержант Левыкин, молодой мужчина, вер-

нулся с фронта с наградами, городской военный комиссариат выделил ему, холостяку, крохотную комнатку в полуподвале под красным уголком механического цеха одного из заводов Днепропетровска и одновременно предложил работу в службе надзора пересыльной тюрьмы в городе. Выбирать было особо не из чего, и Левыкин согласился.

Эта, теперь уже его, комната когда-то, еще до войны, была переоборудована под жилье. В окно, едва поднимающееся над тротуаром, можно было разглядеть только какую обувь сейчас носят люди. И это восстановленное жилье необходимо было оснастить электричеством, розетками. Лампа с разорванным абажуром сиротливо свисала над столом. Сказали, что среди заключенных есть электрик, штунда какой-то, но в электричестве разбирается. Левыкин выпросил у командира взвода разрешение на выход в город и забрал заключенного к себе на квартиру. Через несколько часов лампа осветила холостяцкую комнату, а на плитке дружески запыхтел алюминиевый чайник. Вот тогда Левыкин и рассказал ээку свою армейскую историю о том, как аэродромные дежурные по команде передавали хорошие новости. Тогда в эфире раздавалось не иначе как: «Прилетели самолеты!»

Для Левыкина в тот день он стал «дядей Мишей» на долгие годы, и даже после тюрьмы. Тогда же кодовая фраза «Прилетели самолеты!» сообщала в электромастерскую радостную весть о том, что маме разрешили с папой свидание.

Однажды, в конце сороковых, отцу сказали: «В пятом бараке пересылки твои собратья по вере со вчерашнего вечера ждут выезда в лагерь». Нашел возможность их увидеть и убедился: действительно, один из городской церкви, а второй – тоже из своих, но плохо его знал. За нарушение правил (за пение псалмов) им усилили режим.

Чем им можно помочь, как облегчить участь, когда даже поговорить невозможно? Но к окнам камеры был доступ с внутреннего двора, и верхнее стекло разбито. Внутри темно. «Там мои братья, и им нелегко!» То, что осталось от вареной курицы из вчерашней передачи, стало бы им хорошим подкреплением после тюремного меню – супа из селедки с луком. Курицу можно попытаться незаметно подкинуть им через окно...

И вот, неизменная сумка с инструментами на плече, рулон проволоки, резиновые перчатки (постоянный комплект электромонтера) и кусок курицы, завернутый в бумагу. Проходя мимо, незаметно бросил в окно и пошел, не оглядываясь.

Лет пятнадцать спустя эти братья расскажут: «В камере на мгновение стало темнее, и на пол шлепнулся сверток. Холодная курица показалась слаще горячего борща или молока с медом. Бог дал порадоваться хотя бы так. Чтобы не вызвать подозрений у охраны, откуда объедки в камере, косточки съели тоже».

Трудно, да и особого нет желания затрагивать тяжелые и грустные воспоминания. Хочется больше делиться Божьими благословениями, которые были даже там, вдали от нормальной жизни.

Однако там... «Днем ты виноват в том, что сейчас не ночь. Дождь осенью или слякоть зимой – прямое следствие того, что ты живой и попал за решетку. Твой Бог слаб, поэтому ты сидишь в тюрьме, а не на воле. Твое здоровье, а иногда и жизнь, зависит от похмелья надзирателя...» Вот такие иногда посещали там мысли.

Славик (мой старший брат) рос без отца. Мама работала на хлебозаводе в три смены, и подросток Слава был предоставлен себе и улице. Десятилетнее отсутствие отца, всеобщая послевоенная разруха, голод, безотцовщина отрицательно сказались на взрослении сына. Случалось всякое, но Бог Славика хранил. Молитвы родителей опять оказались сильнее обстоятельств.

После освобождения из тюрьмы в апреле 1954 года отца еще много лет периодически вызывали в милицию для каких-то сверков,

Брат Славик, в дни армейского отпуска. Наша семья, фото 1962 г.

отметок и пр. И каждый раз он уходил как в последний путь. Сказывались прошлые воспоминания. Он обнимал маму, сыновей (я тогда уже родился и был полноправным членом семьи), оставлял часы, деньги на первое время и, прижимая к груди старенькую потрепанную Библию, опять усердно молился. А потом со скупой мужской слезой на глазах, уходил. До сих пор у нас хранятся папины наручные часы тех времен. И когда отец после очередных предупреждений и подписей в тот же день возвращался, в семье был праздник.

*Михаил Иотко после
выхода из тюрьмы, 1954 г.*

Успех и всеобщее признание, престижные авто и комфортное жилье, еда на заказ и отдых на островах... Неужели наши отцы не были достойны этого? Неужели Бог отвернулся от них и повернулся в сторону обладателей успеха? Что-то подобное мне думалось, когда я, «перспективный церковный служитель», по поручению руководства становился слушателем очередной конференции по евангелизму и душепопечению.

Позже много раз моего папу упрекали за то, что он ел хлеб за одним столом с «неверными». Это было тогда, когда в среде евангельских христиан-баптистов происходили расколы, и они болезненно их переживали. В то время появились зарегистрированные, нелегальные, отделенные, позже – независимые церкви. Отцу «почастливилось» быть и там, и там, и там. Непростое было время. Об этом «историческом надломе» жизни евангельской церкви в бывшем Советском Союзе написано во многих авторитетных источниках. Кто желает может в них углубиться.

Сегодня же и те и другие упрекают друг друга в нетвердой жизненной позиции, в сомнениях и колебаниях. Впрочем, и тогда тоже

было так. Те, кто занимали непримиримую позицию по отношению к законодательству страны в части евангельских церквей и их места в обществе, потом еще не раз возвращались к упрекам в адрес отца. Не подавали ему руки при встрече, говорили «Здравствуйте!» вместо традиционного баптистского «Приветствую!» и пр. Но это было потом. И отношение к такому их поведению уже после представлялось ему пустыми, бесполезными эмоциями.

Однажды, когда в нашем доме отец закрывал оконные ставни, один из «правильных» гостей сказал с привкусом «доброжелательности»: «Вы бы еще решетки поставили!» В то время как раз напротив наших окон был вход в продуктовую лавку. И как только у нас в доме собиралось больше трех-четыре человек, сразу на ступеньках магазинчика почему-то появлялись либо двое в «костюмчиках», либо участковый со своим другом. Они могли долго там стоять, пить пиво и периодически бросать взгляды на наши окна. Из-за такой плотной опеки отец и поставил ставни на окнах.

Да, не все так однозначно и очевидно. А предложившему «решетки поставить» отец тогда рассказал одну показательную историю. Это было во второй год его заключения. Так случилось, что в праздник Рождества он находился в одной камере с двумя верующими не его, не баптистской конфессии. Они сели втроем на пол, под стенкой, плечом к плечу и тихо, чтобы не обращать на себя особого внимания, не произнося слов, напевали рождественский гимн «Тихая ночь». Потом молились, понимая друг друга по глазам и поддерживая молитву жестами. И в тот момент, сказал отец, прославляя Бога, они были настолько близки душой друг другу, что, казалось, не ощущали такой близости никогда раньше, да и позже, даже с братьями из своей церкви.

Это свидетельствовало о том, что объединяться христианам во-

М.Л. Иотко среди друзей. 90-е годы.

круг Христа, вместе прославлять Его имя и нести Благоую Весть своей жизнью возможно даже в самых жестких условиях тюремного заключения. И не опускаться до мелочных и надуманных обвинений и упреков, необоснованных распрей и разделений. Ведь Иисус в Евангелии от Иоанна призывает уверовавших: «...да будут едино, как Мы едино» (Ин.17:22).

Все тот же вопрос, который он задавал себе: «Счастлив ли я? Или мое счастье в другом?» Действительно, счастлив ли он был в детстве? Или потом, когда женился? Или уже после тюремного заключения? В церкви? В семье? Когда выстраивал взаимоотношения на работе, с соседями и родственниками?

Или даже тогда, когда он, в сопровождении двух конвоиров, ушел в неизвестность, чтобы вернуться домой только через десять долгих, трудных, напряженных лет? Счастлив ли он был тогда? Возможно, да! У каждого свое представление о счастье.

Когда пришло иное время, отец, наконец-то, получил и прочел выписку из протокола заседания судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Украинской ССР от 8 июля 1989 года. Она была о том, что «приговор военного трибунала войск НКВД Днепропетровской области от 28 октября 1944 года в отношении Иотко Михаила Леонтьевича отменен, а уголовное дело производством прекращено на основании п.2 ст.6 УПК УССР за отсутствием состава преступления». И что он по данному делу реабилитирован.

Но до этого надо было дожить. Дожить с честью, не потупив взор перед Богом, перед собой, перед единоверцами, перед детьми и подрастающими тогда уже внуками.

После освобождения из заключения отец сразу продолжил свое служение в церкви. Десятилетнее отсутствие, конечно, бросило свою тень на отношения с людьми. Некоторые сторонились. Но в основном все складывалось благословенно. Братья и сестры с благодарностью вспоминали его проповеди, душепопечительные беседы, посещения при болезни, помощь в утверждении в вере. Все это он сохранил до последних активных лет служения в церкви.

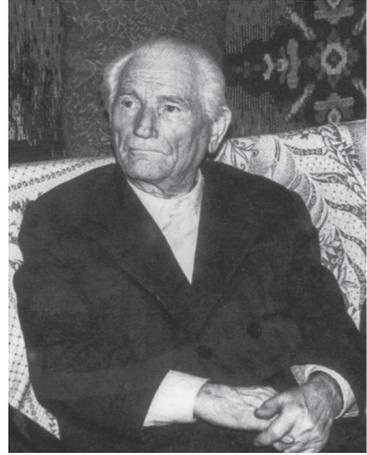
Так, один брат из днепропетровской баптистской церкви рассказывал мне о том, что помнит, как Михаил Леонтьевич проводил с группой молодых верующих, в которой был и он, подготовку к крещению. С его слов, эти беседы оказались самым важным периодом в его духовной христианской жизни.

Старший епископ церкви христиан веры евангельской в Днепропетровской области Мокиенко М.М. однажды поведал мне, как он, будучи молодым христианином, с нетерпением ждал и спешил на четверговые вечерние собрания, зная о том, что Михаил Леонтьевич обязательно будет проповедовать в этот вечер, и что его проповедь будет опять интересной и поучительной.

Пару лет назад в нашей церкви, уже здесь, в США, проводил Молитвенный вечер пастор одной из одесских церквей Иванов Е.З. В заключительном интервью с ним я сказал, что я сын Михаила Леонтьевича, и спросил, помнит ли он его. На это Евгений Захарович бурно отреагировал и отметил, что во мне, в моих оборотах речи и жестах узнал моего отца. Меня это приятно удивило и вдохновило на завершение работы над этим очерком. Он вспомнил, что Михаил Леонтьевич проводил с ними, тогда еще молодыми служителями, беседы и учил, в том числе, и как молиться.

Совсем недавно здесь, в Калифорнии, проводили в вечность одного из христиан-долгожителей Пономаря К.Д. В некрологе, который был оглашен на предпохоронном собрании, было отмечено, что рукополагал Константина Давидовича на диаконское служение в 1966 году мой отец. Такие предметные уроки оставляли теплые воспоминания о нем у многих людей.

В августе 1996 года на 88-м году жизни папа ушел в вечность. Михаил Леонтьевич прожил свои годы достойно. Служение Господу не прекращал ни на день. Мы с братом всегда ощущали его отцовскую

*М. Л. Иотко во время
изучения Библии, 1991 г.*

заботу и были благодарны за это. Наши дети, его внуки, до сих пор помнят и чувствуют дедушкины молитвы благословения. Моя дочь Алена, будучи ребенком, случалось, кашлянув пару раз, бежала, брала руку дедушки Миши, клала себе на головку и просила его молиться, чтобы горлышко не болело или чтобы она не простудилась. Дедушка с умиленной улыбкой, сдерживая слезы, в который раз уже призывал Божьи благословения на своих любимых внуков.

Мы с братом дали своим сыновьям имена в честь деда. В год столетия Михаила Леонтьевича родился его правнук, которого наши дети Слава и Света тоже назвали Мишей. Недавно этот Миша, мой внук, тринадцатилетний юноша, сказал, что, когда женится и если у них родится сын, то он назовет его тоже Мишей. Так появилась и продолжается династия Михайлов Иотко, и среди всех них папа был и остается Первым!

Мама

Мама, Елена Павловна, сильно сдала после смерти отца. Она как-то сразу постарела, начала быстро терять зрение. Это ее очень огорчало, так как мешало заниматься исключительно важным делом – исследовать Слово Божье. Сложности быта, связанные с ухудшением зрения, ее волновали меньше.

В ее характере начала больше проявляться сентиментальность. В неслышном движении времени усиливались волнения и тревоги. Это удручало всех близких и вносило некоторый дискомфорт в нашу жизнь.

Судьба не была к ней благосклонна. Несладкая доля и постоянное ожидание какой-нибудь напасти выработали у нее рефлекс боязни перед сверхопасностью, сопровождавшей ее всегда. Поэтому она не ожидала в дальнейшем поблажек от жизни. Ей казалось, что детей и внуков всегда поджидает что-то нежеланное и непредвиденное. И если они где-то поздно задерживались, она не спала и обзванивала всех знакомых и друзей в поисках своих близких.

Особо много переживаний маме доставляли мои (ее младшего сына) частые поездки. Дело в том, что по роду своей деятельности, как режиссер христианских телепрограмм, я вынужден был вести

*Мама Елена Павловна
с внучкой Алёной. 2001 г*

достаточно активный образ жизни. Мои командировки по Украине, в ближнее и даже дальнее зарубежье бесконечно ее беспокоили. Мы с братом ей многократно выговаривали: мол, мы уже совсем взрослые, внуки уже взрослые, правнуки уже школу заканчивают, а ты волнуешься о нас, как о малых детях. На что она неизменно отвечала:

– У меня не получается не беспокоиться. Вот по радио передали (телевизор она принципиально не смотрела, – авт.), под Одессой столкнулись несколько автомобилей, есть жертвы. А вы ведь тоже в дороге.

– Так ты молитвенно вверь нас в руки Господа и будь уверена: Он сохранит.

– Я это делаю по несколько раз в день. Перечисляю всех поименно, но ведь сердце меня не спрашивает, само болит о вас. И все. И победить это невозможно.

Такая, как мы считали, наивная неугомонность вызывала порой снисходительные иронические улыбки, но иногда прорывалось и раздражение:

– Мама! Откинь свою блажь! Твоя забота тяготит. Мы уже давным-давно не дети. До каких же пор ты будешь переживать за нас?

– Пока не умру! – отвечала она, не задумываясь. И, как ни странно, мы ей верили.

И вот теперь ее нет. Мы сидим с братом молча, и у каждого в памяти чередой проносятся воспоминания, эпизоды из жизни, связанные с мамой. Оборвалось что-то в душе – основное, огромное: «И уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое» (Пс.142:4). Забрала мама с собой свою заботу и любовь к нам – детям, внукам и правнукам.

Помню, как брат нарушил молчание:

– Теперь некому волноваться о тебе, беспокоить по телефону твоих друзей поздно вечером в поисках тебя.

Мне тяжело было ему отвечать. Сразу нахлынули воспоминания, слезы подступили к глазам. С трудом сдерживаясь, чтобы не всхлипывать, отвернул от брата лицо и дрожащим, хриплым голосом, почти шепотом, ответил:

– Знаешь, в этом плане, может, будет и легче. Но ее молитвы... Я всю жизнь ощущал вокруг себя бастион, щит, зонтик и ничего не боялся... А теперь этой ограды не стало.

Внутри возникла какая-то щемящая боль и сожаление о том, что уже никогда больше не будет того родного и первозданного, вынесенного из детства голоса, той мало ценимой ранее нежной и искренней заботы.

Жизнь мамы сложилась так, что ей, ровеснице Октябрьского большевистского переворота, пришлось испытать и перенести с избытком то, через что прошли все поколения христиан в стране, отвергшей Бога, гнавшей Его последователей и мечтавшей без Него соорудить на земле рай. Подобное желание диагностировал еще царь Давид: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога"...» (Пс.13:1).

«Безумец» ... То есть, у людей, отвергших своего Создателя, не совсем адекватно работает орган, выполняющий мыслительные процессы. И, как следствие этого, не только бесчисленным соотечественникам, но и целым народам выпало на долю пережить лютые десятилетия в этой всеобщей безжалостной, безумной и кровавой лотерее.

Рай не состоялся. Бывает. Ведь атеизм – это всеобъемлющий распад. Экономический, культурный, семейный, нравственный... И нужно было среди такого дикого хаоса и тупого отчаяния сохранить себя в чистоте, не утратить веру в своего Создателя. Как в этой грязи сберечь свою незапят-

Мама Елена в молодые годы, середина 30-х гг.

нанность? Как перенести не только физические, но и нравственные страдания? Где набраться терпения, чтобы не роптать на свою долю? Кто поддержит и укрепит в тесноте жизни? Только Бог. Ведь Он сказал: «Я, Я Господь, и нет Спасителя кроме Меня» (Ис.43:11).

Возможно, если бы судьба мамы сложилась менее драматично, она не так часто обращалась бы к Господу. Но она не могла прожить и дня без многократного общения с Отцом Небесным. Это была значительная, необходимая, чрезвычайно важная часть ее жизни. Начиная еще с раннего детства.

В 20-е годы за религиозные убеждения арестовали ее отца под каким-то «благовидным», традиционным для того времени, предлогом. Вся многочисленная семья ревностно молилась, и Бог вывел отца из узилища. Это избавление утвердило ее, еще девочку, в силе молитвы.

В начале 30-х – раскулачивание. Как полагали власть имущие, две коровы и лошадь – слишком большая роскошь для многодетной семьи. И опять родители и десять детей с постом и молитвой зывали к Защитнику. Животину, конечно, отобрали, но в Сибирь не выслали. Взамен дали 15 соток земли: «Крутитесь, выживайте!»

То, о чем здесь написано, – лишь малая часть изведенного сполна мамой. Разве можно рассказать обо всем пережитом ею в коротком очерке? О голодоморе, о трудностях оккупации, о несладкой участи семьи «врага народа» в родимом отечестве. О заказных газетных пасквилях-фельетонах, где изображался ее муж, наш отец, как злостный организатор изуверских сект (газеты храним до сих пор как ужасную память). О непрерывном контроле КГБ, о постоянной угрозе повторного заключения. Да чтобы обо всем этом рассказать, книги не хватит! И, тем не менее, изложу подробнее несколько эпизодов из маминой жизни, которые связаны с ее родителями, с тем, в каких условиях она росла.

Родители мамы жили в Очерётино. Сейчас это поселок городского типа Ясиноватского района Донецкой области. А в то время была просто не очень значительная железнодорожная станция

в двадцати километрах от Авдеевки. По ту сторону путей, где жили дедушка с бабушкой, родители мамы, тянулась всего одна улица, которая по традиции называлась «Железнодорожная». Жилые дома располагались с одной стороны улицы, а другая была засажена огородами. Огороды упирались в негустую лесополосу, за которой убегали к горизонту три железнодорожные колеи. И ночью, довольно часто, не давали засыпать проходящие поезда, врываясь в вязкую густую зимнюю тишину. Лязганьем, грохотом и дрожанием пола в хате они внушали неимоверный ужас Второго Пришествия, которое нежное детское сердце трепетно ждало. Ведь так много приходилось слушать проповедей в собрании, куда родители водили своих десять детей – мал мала меньше, а среди них и мою будущую маму.

Дом, где проходили собрания, находился по другую сторону путей, и идти до него надо было минут сорок. Служения проходили пять раз в неделю, и в весенне-осенний период вечерние собрания начинались затемно, а заканчивались к полуночи. Обычно пели общим пением, читали стихи, молились и слушали проповеди. Темы проповедей переплетались, но почти всегда были в одном русле – предупреждалось о постоянной готовности и ожидании чего-то важного. И это что-то должно было наступить скоро, но неизвестно когда. Его необходимо было ожидать постоянно, но оно должно было произойти впечатляюще неожиданно. Вот поэтому-то звук от проходящих поездов, особенно ночью, когда первый сон только-только наступал, напоминал детям скорое, как говорилось в собрании, наступление внезапного Второго Пришествия.

В дни причастия, или, как говорили в семье, Хлебопреломления, в собрании соблюдался пост. Как рассказывала мама, пост для них, немногочисленных консервативных баптистов – «штундов», на станции был особенным. Молились чаще обычного. Никто ничего не ел и не пил. Домашней скотине есть не давали, собак дворовых не кормили, кур и уток из сарая не выпускали. В такие дни скромные домашние хозяйства верующих «нехрыстей» наполнялись мычанием, блеянием и лаем, который начинался ближе к обеду и прекращался затемно. Днем не ели и садились за стол только около девяти вечера. Это был сразу и завтрак, и обед, и ужин того дня.

Исключение делали только для грудных детей. Насыщало младенцев материнское молоко, и только оно.

Мамин папа, мой дедушка, был довольно строгим. Его звали Павло́. Не Па́вел, а именно Павло́ – на украинский лад. Кстати, бо́льшая часть жителей станции Очеретино общалась на украинском. Бабушка Мария была родом из Курской губернии, и поэтому в доме маминых родителей преимущественно разговаривали на русском языке.

Наверно, поэтому молиться Богу мама научила меня на русском, первую Библию (помнится, это была маленькая «Евангелийка») мне подарили на русском. Да и Христос в моем, тогда еще детском, понимании очень хорошо знал русский язык.

Мой старший брат Славик, с которым делю авторство этого очерка, рассказывал мне, что в годы отцовского заключения ему приходилось бывать у дедушки с бабушкой неделями. Мама, спасая Славика от влияния улицы, насильно увозила его туда, к своим родителям. И вот там-то уже Славику приходилось делать все: и копать, и красить, и носить, и грузить...

Дедушка Павло был непреклонен в своем желании воспитывать и «читать морали». И он учил. Учил уму-разуму. Наставлял и убеждал черным кожаным ремнем, когда словесные аргументы становились бессильными. У моего брата, тогда двенадцатилетнего подростка, сформировался комплекс логичной несправедливости к себе как к личности. Позднее он вспоминал об этих событиях с агрессивной, но благодарностью.

Вообще-то, дедушка Павло обладал поразительной способностью объяснять доходчиво и образно. Мама рассказывала, что как-то в четверг, накануне праздника Пасхи, папа собрал всех своих детей и поведал им о страданиях Иисуса Христа и Его смерти. Как же тогда все, и мама тоже, были впечатлены этим рассказом! Удивительно, как мог неученый, простой путевой обходчик так красочно передать картину страданий. Где брал слова, где находил эпитеты? Мама всю жизнь была под впечатлением услышанной тогда, такой яркой, живой истории Великого События! Часто вспоминала о ней.

За хлебом ходили обычно на станцию. Купленный там, он почти всегда был свежим, иногда даже теплым. Правда, свежесть зависела от того, когда небольшая местная шахта отпускала на перегон небольшой, шумно пыхтящий паровозик. Когда он отправлялся в путь, то создавал вокруг себя огромные клубы пара, шипел, свистел, а когда приближался к перрону, еще иногда и гудел, как будто пытался доказать свою важность и незаменимость. Таким образом, три-четыре раза в неделю этот паровозик ташил из авдеевской пекарни теплушку с хлебом. После остановки паровозика на станции, в начале перрона, у теплушки открывалась дверь, выкатывался блестящий железный прилавок, отделяющий покупателей от продавца, и начиналась продажа хлеба. Его продавали всем, кто приходил сюда и становился в не особо длинную, но строгую, для порядка ворчащую очередь.

А через какой-то час, когда поток покупателей иссякал, подъезжала хлебовозка (вначале колесная будка на лошадиной тяге, а позже уже на машине-полуторке ГАЗ-АА), и оставшийся, уже подстывший хлеб везли в продовольственную лавку на площадь перед сельсоветом, в паре километров от вокзала. И вот уже туда стекалась основная масса людей, которым до станции было далековато добираться пешком. Казалось, что единственное чувство, которое объединяло всех жителей станции, – стремление приобрести хлеб.

Мама рассказывала, что вагончик с надписью «ХЛЕБ» она помнила еще с девичьего возраста. Его, бывало, перекрашивали. То с серого в синий цвет, то в черный, то в грязно-зеленый, защитный. На вагончике меняли обшивку, крепили ее заклепками и стягивали прутьями, обваривали его металлическими полосами, утепляли. В общем, постоянно что-то в нем обновляли. Продавцы были разные, менялись нормы отпуска хлеба, в точности соблюдаемые под страхом наказания. Головы сельсовета и секретари станционного райкома назначались и снимались. Менялось многое. Но неизменным оставался только запах свежее испеченного хлеба. Он разносился далеко за пределы станции. И зимой, и летом, и в снег, и в дождь запах хлеба извещал всех о том, что, несмотря на политические особенности, индустриализацию, голодомор, роковые 30-е

*Сын Витя с папой
и мамой, фото 1960 г.*

годы, войну или хрущевскую оттепель, жизнь продолжалась. И потребность человека в хлебе не ослабевала.

Запах этого хлеба посчастливилось запомнить и мне. Я, малый, когда приехал с мамой в Очеретино, впитал и запомнил этот хлебный неповторимый аромат на всю жизнь. То ли он был в сочетании с запахом применяемого для пропитки железнодорожных шпал креозота, то ли с ароматом свежедобытого донбасского угля, не знаю. Но такого запаха я не ощущал больше нигде и никогда в жизни. Также запомнил, как в собрании уставшие женщины или мужчины, тамошние братья и сестры во Христе, которые покупали хлеб по доро-

ге на служение, отламывали краюху и, стараясь не уронить ни одной крохи, давали мне. И хоть я был обычно не голоден, но хлеб уплетал, сокращая время длинных и непонятных для меня проповедей. Случалось, меня хлебом и не угощали, но неповторимый хлебный аромат непременно витал в собрании.

В течение жизни на тему хлеба я прослушал несколько десятков, а может, даже сотню проповедей. Почти все они были интересны и достойны внимания. Однако для меня тот запах хлеба из детства, то отношение к хлебу, всенародное стремление, чтобы в доме всегда был хлеб, тот вкус, который в собрании был у горбушки из трудовых мозолистых рук детей Божьих, остается, пожалуй, единственным реальным толкованием текста из Библии: «...Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6:35).

К дедушке и бабушке мы с мамой ездили не часто и почему-то обычно зимой. Может, потому что в более теплое время там гости-

ли другие братья и сестры мамы со своими детьми. И было их много. Они с радостью пользовались гостеприимством отчего дома, и бабушке приходилось трудновато – ее на всех не хватало. А мама бабушку жалела. Но я этих поездок всегда ждал. Там, у дедушки и бабушки, было вкусно и интересно. Запомнились бабушкины необыкновенные пирожки, оладушки и борщи. До сих пор помню и медогонку, которая стояла в большой комнате. Такую я, наверное, видел только там, у них. Круглая бочка с верхней надстройкой, переходящей в ручку, которую можно было, несколько покрутив, отпустить. И уже вся внутренность бочки, весело постукивая и погрохивая, продолжала крутиться сама. Мне и моим двоюродным братьям, с которыми иногда оказывался в одно время у дедушки в доме, было так интересно, что мы соревновались и всячески старались продлить время вращения бочкового механизма. А время засекали по настенным ходикам с цепями и гириями.

Ходики – это был еще один таинственный механизм. В нем подтягивались гири по трещотке вверх, когда часы должны были бы уже остановиться. К ходикам никому и никогда не разрешалось прикасаться, даже бабушке Марии! Мама говорила, что за их работу, в том числе и за подтягивание гирек, отвечал только ее папа, мой дедушка Павло. Этим создавалось впечатление абсолютного авторитета главы семьи, управляющего даже временем.

Запомнился и другой загадочный дедушкин агрегат. За домом, справа под навесом, стоял станок по заточке ножей, ножниц, топоров и прочего режущего-колющего. На станке, на уровне чуть выше дедушкиного пояса, были закреплены на общей оси два или три точильных круга. А внизу – педаль, соединенная ремнем с этой осью. Дедушка Павло пользовался станком постоянно. Среди местных жителей он прослыл большим специалистом в точильном ремесле. Соседи и знакомые, даже зная дедушку как «заядлого штунду», не чурались принести нож, косу для «наточить». При этом приходящие на всякий случай тайком осеняли себя крестным знаменем, чтобы «не оскверниться». На это дедушка отзывался улыбкой под седыми усами. Через небольшое время принесенный в нерабочем состоянии инструмент обретал новую жизнь. Соседи оставались довольными и благодарили.

Но для меня самым интересным во всем этом дедушкином чудодействии было то, что процесс заточки был шумным, сопровождался визгом и летящими во все стороны искрами. Я любил смотреть на это зрелище. Хоть меня держали от станка на расстоянии, мне все равно хотелось подойти как можно ближе. Иногда дедушка Павло, удовлетворяя мое детское любопытство, брал какую-то странную, темную железяку и вдруг создавал у нее «видимость». Поверхность из ржавой и неприглядной становилась блестящей. А как только дедушка касался ею шлифовального круга – еще и зеркальной. Мне очень нравилось ладошкой гладить эту, еще теплую, поверхность.

Но была еще одна странность при работе дедушкиного заточного механизма. Как только он включался и металл прикасался к точильному кругу, в козьем сарайчике и курятнике воцарялась тишина. Почему так, я тогда не знал. Это потом мама мне рассказала, что иногда включение заточного станка означало, что приходил черед, увы, уходить под нож кому-то из домашних питомцев. Тогда бабушка с петухом под мышкой долго ходила по двору, утирая слезы, потом, помолившись, приступала к этой нелюбимой работе. Дедушка же специализировался «по-крупному». Он накануне начинал точить специальный нож. И тут, после кратковременного затишья, начинался смятенный шум, блеяние и тревожные крики козлят. Откуда, почему они чувствовали чей-то близкий конец? Я пока не нашел ответа на тот вопрос.

А наутро следующего дня все проходило в полной тишине. Никто ничего не слышал. Мама рассказывала, что, когда все просыпались, на столе лежали куски уже разделанного мяса, присыпанные солью и накрытые марлей.

Вот буквально несколько эпизодов из быта консервативных баптистов, в семье которых выросла моя мама.

Жизнь была нелегкой, но мама постоянно прибегала к молитве. Она вообще непрестанно молилась, так как была убеждена, что молитва – это великая сила. Молитву от сердца слышит Всемогуший

Создатель и на нее непременно отвечает. Ведь Он не может нарушить Своих обещаний, данных боящимся Его: «Просите, и дано будет вам...» (Мф.7:7). Поэтому именно молитва своему Господу окрыляла маму и помогала переносить все невзгоды многотрудного бытия. Непрестанной молитвой она помогала и своим близким.

А что еще могла слабая женщина, чтобы противостоять тому ужасу, в котором ей выпало жить? Самым действенным средством в тех трудных условиях была молитва. И в этом мама видела свой долг.

Уже в преклонные успокоенные годы родители, иногда вдвоем, сидя за столом, пели печальные псалмы, пронесенные в душе через всю долгую жизнь. Много есть гимнов, но они пели те, которые отражали их судьбу, которые прошли через их сердце. В них каждая строка обнажала выстраданное минувшее: «Страшно бушует житейское море. Бурные волны качают ладью...»

Вся их жизнь прошла под символом неутихающей бури. Постоянный страх за близких, неустанная борьба за выживание без надежды на какое-нибудь улучшение. Поэтому и пели: «В ужасе смертном, в отчаянной горе, Боже Мой, Боже, к Тебе вопию...»

Слезы текли по их щекам. Невольные слезы. В памяти всплывали минуты беспросветности, когда, казалось, нет никакого выхода. Мама вспоминала, что, когда объявили отцу срок заключения в десять лет и пять лет поражения в правах (казалось, вся жизнь!), ее первым человеческим порывом было броситься под трамвай. И страх. Не за себя, а за него.

Ох, сколько же их было, таких моментов... И только поддержка Создателя удерживала от необдуманных поступков в минуты безысходности, когда совсем уже кончались силы и опускались руки. Кто из рожденных под небом сможет один-одинешенек противостоять яростной и безжалостной держав-

Папа Михаил Леонтьевич и мама Елена Павловна с внуками. 1993 г.

ной стихии? Лишь близость к Господу и молитва были главным двигателем в ее жизненном борении.

То, о чем напоминают слова печальных псалмов, уже в минувшем. Все прошло. Земное предназначение осуществилось. Дети, внуки и правнуки – чада Божьи. Тяжелый жизненный крест пронесен до конца. Путь окончен. Вера сохранена. Они насытились днями. Смертный натиск злобной, окружавшей наших родителей всю жизнь властной стихии преодолен.

После ухода мамы осталась Книга. Трудно описать ее внешний вид. Незнакомцу покажется, что она перенесла десятибалльное землетрясение. Изрядно потертая, ветхая, без одной обложки, многократноклееная. Но для нас с братом она была очень дорога. Не только потому, что это Слово Божье. Это – Библия нашей мамы.

У этой Библии интересная история. Она даже связана с политической жизнью всей страны. Когда в начале 60-х наше баптистское братство раскололось вследствие деспотичных госидеологических интриг, власти запоздало поняли, что переусердствовали в притеснении верующих и решили несколько ослабить режимное давление на них. Результатом такого ослабления стало издание ограниченного тиража Библии под патронатом Московской Патриархии. И это несмотря на то, что накануне лидер КПСС Хрущев на весь мир объявил, что к 1980 году покажет по телевизору последнего попа в СССР.

Правда, лидер этот давно уже истлел (участь всех смертных и воителей против Творца), 1980-й под звуки гимна и рассыпающиеся искры бенгальских огней провели в историю, империя распалась, от компартии осталась только усыхающая тень, а Слово Божье и те, кто в него верит, были, есть и будут: «...правда Моя пребудет вовек, и спасение Мое – в роды родов» (Ис. 51:8).

Так вот, один из экземпляров этого, не совсем качественного, издания стал собственностью Елены Павловны. В небрежении маму, конечно, немислимо заподозрить. Но буквально от ежедневного многократного использования эта Библия физически не выдержи-

ла таких нагрузок. И простая газетная бумага, на которой было напечатано Слово Божье, от бесчисленного прикосновения пальцев попросту стерлась. За почти 25 лет эта Книга была прочитана 14 раз. И не просто прочитана последовательно, а исследована по ссылкам, по темам. Об этом свидетельствуют соответствующие многочисленные пометки, в том числе и на чистой стороне листа оглавления.

Наша мама, Елена Павловна, вполне могла бы стать ученым-богословом, настолько хорошо она знала Писание, обладала образностью мышления и умением тщательно и грамотно исследовать непонятное. Да она и была богословом, только в узком кругу родных и друзей. Иногда в пылу страстных дискуссий на библейские темы мы апеллировали к ней, как к арбитру. Библейской симфонией мама пользовалась, но в редких случаях. Почти все ключевые (и не только) места Писания были запечатлены в ее памяти. Иногда, когда она не помнила точно место искомого текста, указывала книгу, главу и добавляла, например, «с правой стороны вверху четвертый или пятый стих». Даже наш отец, Михаил Леонтьевич, пастор, великолепно знающий Священное Писание, в беседе иногда обращался к ней с вопросом: «Где это написано?» И она очень редко ошибалась с ответом. Душа ее была распахнута навстречу Слову Божьему. Исследование его не просто увлекало ее. Это было частью ее жизни. Может быть, даже лучшей.

После смерти папы мама продолжила традицию, установившуюся при нем довольно много лет назад. Каждое воскресенье после служения церкви у нас дома всегда собирались друзья для изучения Библии. Если мама, как примерная жена пресвитера, при его жизни на этих разборах больше безмолвствовала, то когда он ушел к Господу, приняла эстафету изучения Писания. Правда, если отец акцентировал внимание больше на подготовке молодых служителей, то Елена Павловна проводила разбор Слова с друзьями и со всеми желающими. В гостях у нее были врачи и преподаватели, бизнесмены и просто те, кто любит Слово Божье. И каждое обращение к Библии она не мыслила без предваряющей молитвы о благословении Создателем. Она изучала Писание в кругу близких людей почти до последних дней своей жизни и преуспевала в этом.

Многое остается загадкой для нас. Почему Бог создает одних талантливыми, других нет, дорогу одних делает прямой и успешной, другим сопутствуют трудности и невзгоды? Таких вопросов много. Вот только убедительных ответов мало... Бог Суверенный. И никогда, даже мысленно, Елена Павловна не упрекнула Своего Создателя за нелегкую долю. У каждого ведь свой путь. И у нее было свое поприще. Как и для апостола Павла, главным смыслом ее жизни был Христос: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21).

Только на прощальном богослужении мы убедились, сколько же много было у нее друзей, любящих и считавших ее своей наставницей. Поэтому и величали мы маму при людях, проходящих в дом, по имени-отчеству. Так понятней и ближе было для них. А служитель церкви, преподававший ей в последние годы на дому Хлебопреломление (по возрасту и слабому здоровью она не могла посещать Молитвенный дом), называл ее «Великим молитвенником».

На ее могиле установлена скромная временная табличка. Белым на черном фоне указаны фамилия, имя и отчество. Дата рождения, дата смерти, а между ними – тире. Вот в это тире между двумя датами втиснута, впрессована долгая, нелегкая, можно сказать, драматическая и вместе с тем счастливая (потому что с Богом!) жизнь.

Елена Павловна оставила на земле свой добрый, благотворный след. Так же, как и ее муж – наш отец – Михаил Леонтьевич.

Эпилог

Эти краткие записи основаны на воспоминаниях наших с братом и наших родителей, Михаила Леонтьевича и Елены Павловны Иотко. Используются также фрагменты бесед с некоторыми современниками – свидетелями тех событий.

Были проработаны и материалы уголовного дела отца из рассекреченных архивов Службы безопасности Украины. Мне посчастливилось общаться с честь имеющими, на мой взгляд, офицерами. Они говорили, что при пересмотре личных дел репрессированных каждое из них тщательно изучалось. И если не было признаков

уголовного оттенка, а только политика, если не было «крови на руках», то люди были реабилитированы.

Мы с братом читали произведения А. Солженицына и Н. Храпова, прочли и прослушали много историй о невыносимых обстоятельствах заключения, которые выпали на долю жертв политических репрессий в застенках северных лагерей. Там, вероятно, было по-другому. Тяжелее, невыносимее. Не знаю. Это уже другие истории. А наша сильна тем, что она наша. Что она ощутима и досягаема.

В экстремальных обстоятельствах, о которых рассказано здесь, формировались и характер, и решительность, и смелость наших родителей. Закалялась их непреклонность по принципиальным вопросам, кристаллизовалась твердость духа.

Что бы кто ни говорил, как бы убедительно ни выглядели свидетельства о том, что видели и слышали, люди остаются людьми со своими субъективными представлениями о порядке и справедливости. Верующие люди, когда прочтут описанные в этом очерке свидетельства, увидят действие провидения и работу благодати Божьей. Примут, почувствуют и поймут причинно-следственные связи веры, молитв, Бога, Его воли, испытаний и благословений. А неверующие могут сказать, что это мистика и фантазии. Но это уже будет их пониманием прочитанного. Пусть Бог умудрит их тоже.

У каждого своя правда, и каждый живет с ней, отстаивает и с ее позиций все оценивает. Но истина – только у Бога. И Его объективные представления этой истины самые верные. Бог справедлив, Его право – вникнуть и разобраться с каждым!

Кто-то однажды с высокой трибуны власти вспомнил о десятках героев нашей церкви. Их забрали прямо во время богослужения. И всё. Всё! Одни были расстреляны сразу же, другие позднее. Неко-

*Михаил Леонтьевич,
проповедь на берегу
Днепра в день крещения.
Фото 1992 г.*

Мама Елена Павловна после смерти папы с сыновьями Вячеславом и Виктором и нашими жёнами Галиной и Ларисой. Фото начала 2000-х гг.

торые умерли в заключении, кто-то принял мученическую смерть, был разорван караульными собаками. Они не вернулись. А те, которые вернулись, стали уже другими. Оглядываясь, даже в воспоминаниях, туда, назад, им было невыносимо больно. Наши родители не стали исключением. Мы с братом чувствовали это и старались не задавать вопросов, которые будоражили их души.

Мне, относящемуся уже к несколько вольнодумному, не консервативному, но пристойному поколению баптистов, не связанному какими-либо традициями, ограничениями и нормами, трудно понять, как служили Господу наши родители, согласиться с тем, какое они получили воспитание в семье, в церкви. Трудно представить, насколько эти правила поклонения, жесткие и неприступные, были оправданы в те времена тотальных запретов, гонений и притеснений. Но я знаю, что именно в тех условиях формировались беззаветная преданность Богу и верность христианским принципам. И я уверен, что так может быть всегда, когда молитва становится сильнее обстоятельств.

Говорят, что человек вдыхает и выдыхает воздух вне зависимости от своего желания, эстетических принципов или внутренней убежденности. Так он сотворен Богом. Думаю, и баптистское поколение моих родителей относится к категории людей, несокрушимых и непреклонных, убежденных и непоколебимых. И блаженных от того, что их убеждения стали для них жизненным компасом. Это если говорить о счастье.

Когда читаешь слова «Поминайте наставников ваших...» в Евреям 13:7, то понимаешь, насколько они правдивы в жизни и наших родителей. Ведь Михаил Леонтьевич, папа, и Елена Павловна, мама, были для нас не только любимыми родителями, но и наставниками в вере. И то, что далее по тексту стиха: «...взирая на кончину их жизни, подражайте вере их», напрямую относится и к нам – их детям, а также внукам и правнукам.

В народе говорят о примерных семейных парах: жили счастливо и умерли в один день. У наших родителей случилось не буквально день в день, но определенным образом так! Мама была моложе папы ровно на девять лет, дни рождения у них были рядом, 25-го и 28-го числа одного месяца. Она прожила после его смерти девять лет, и осенью, с небольшой разницей с папиной датой смерти, ушла в вечность.

Наши с братом родители жили подобающим образом и в вечность отошли тихо, без каких-либо длительных мучений, в кругу близких и родных. Проповедовали Слово Божье и трепетно несли Благую Весть. Сохранили веру, исполнили служение и мирно закончили свой жизненный бег. Достойный пример для подражания!

Особая благодарность

Благодарю мою жену Ларису и детей, семью моего брата за помощь в написании этого очерка. Мне нелегко далось решение объединить в одно наши с братом повествования, воспоминания о родителях. Брат уже ушел в вечность.

Возможно, я, на правах живого автора, поступил не до конца справедливо и вольно распоряжался его воспоминаниями, не опасаясь возражений. Однако я получил на это разрешение вдовы брата Галины и его сына Михаила, которые, без сомнений, имеют полные права на его мемуары.

Несомненная и искренняя благодарность друзьям, которые, еще до публикации этого очерка, окунулись в описание событий и своими рекомендациями объективно сделали написанное читабельнее и интереснее.

Светлана Иотко

*И нет чудесней ощущения,
Чем быть в руке Твоей святой,
И нет сильнее вдохновенья,
Чем то, что дарит Дух Святой!*

Светлана Иотко (Завгородняя) родилась 24 ноября 1983 года в городе Днепр, Украина. Семья была небольшой – папа, мама и двое детей, Светлана и её младшая сестра Ирина. Родители были простыми инженерами, жили скромно, но постарались вложить в своих детей всё самое необходимое: любовь к знаниям и спорту, уважение к людям, природе и труду. Светлана хорошо училась в школе, занималась в различных кружках по рукоделию и спорту, принимала участие в хореографическом и театральном коллективах, а также школьной команде КВН. Окончила школу с отличием и золотой медалью. Через 5 лет окончила экономический факультет Строительной Академии города Днепр, а также параллельно изучала английский и телевизионную журналистику.

В 16 лет познакомилась с миссионерами из Канады в молодежном христианском центре «Альфа и Омега», начала изучать Библию и расти духовно. Бог открыл глаза на многие вещи и помог обрести направление и смысл жизни, открыл музыкальные и поэтические способности. В 17 лет Светлана приняла осознанное решение следовать за Христом

и служить Ему в церкви. С тех пор было много возможностей путешествовать и принимать участие в благотворительных, социальных и музыкальных проектах в Украине и за рубежом, и даже стать одной из первых девушек-бас-гитаристок в Украине.

Из-за активности и жизнерадостности друзья стали называть Светлану – «Лампочка», что впоследствии послужило идеей для творческого псевдонима.

Первый сборник стихов был издан в 2019 году и назывался «Я вільна», в 2020 году Светлана начала читать свои стихи на видео и публиковать на своём Ютуб-канале (имя пользователя Svitlana Iotko). Несколько стихотворений положены на музыку и стали песнями.

«Большая часть моих стихотворений отражает личные переживания и чувства... Именно такого яркого вдохновения в жизни я желаю каждому читателю!» –говорит Светлана.

В апреле 2021 года вместе с мужем Святославом и тремя детьми Светлана переехала в США, сейчас проживает в городе Сакраменто.

Подумай

*Я восхищаюсь, зная тайну,
Сокрытую в веках, чтоб специально
Ее найти и отыскать
И сотни лет спустя познать...*

Подумай: жить, чтоб умереть,
Любить, страдать и не хотеть
Спаси Себя и бросить все,
Уйти, бежать, когда в Него
Вонзали копья, били, гнали –
Он к нам пришел, а мы плевали;
В лицо Ему смеялись люди...
Но шум дождя, как слезы, будет
Вонзаться в память, душу ранить –
Его любовь Отца прославит,
А кровь невинная исправит
Ошибку, сделанную нами.

Где боль, где ужас, где мученье,
Там света нет – одно сомненье
Застыло намертво в глазах,
Но мой Бог изгоняет страх!
Подумай: Он – любовь, спасенье,
Твоей Он жизни откровенье,
Он умирал, чтоб ожил ты,
Он – исполнение мечты!

Благодарю

За каждый вздох,
За каждый взгляд,
За каждый миг,
За то, что рад,
Что вижу мир
И жить могу,
Мечтать и петь,
Жить наяву!
БЛАГОДАРЮ!!!

За теплый дождь,
За солнца луч,
За мир любви,
Где нет ни туч,
Ни хмурых лиц,
За радость встреч,
За тихий бриз
И трепет свеч,

За рук тепло,
За боль и муку,
За поцелуй
И за разлуку,
За нежность,
Новое свиданье,
За красоту,
Очарованье,

Беспечность юности,
Ночные звезды,
Палящие лучи
И зимние морозы,
За стук сердец,
Твое дыханье,
За отблеск счастья

И улыбку обещанья.
БЛАГОДАРЮ!!!

I'm Sorry

Намного легче верить в ложь...
Нет жизни правильной – поймешь,
Когда из «чойсов» на пути
Ты сможешь истину найти,
Когда даст истина ответ –
Есть в жизни смысл – или нет!
Пройдешь тернистый путь дорог...
Умрешь. Проснешься. Вечность. Бог...
Он спросит: «Сын мой, где был ты,
Когда я звал, кричал: «Приди!»?
Ты сделал выбор – дай ответ:
Пустить тебя к Себе иль нет?
Люблю по-прежнему тебя...
Ты отказался от меня,
Подумал: «Бред» – и пренебрег,
Там выбирать ты мог, а здесь – я Бог...
Зачем страдал Иисус? – чтоб ты мог жить,
Пришел к Отцу с Ним вечность разделить...
I'm sorry – выбор сделал ты –
Теперь все сожжены мосты...»

Диалог

Мы вступаем в диалог,
Но с общественным сознанием
Спорить может только Бог,
Оказавшийся реальным.

Мир политики и власти
И «реалити» закона,
Человечность черной масти
На цепях сидит у трона

Лести, грязи и гордыни,
Мести, алчности и зла...
Взбунтоваться против силы—
Смысла нет – идет война
Против общества разврата,
Духа «славы Герострата»,
За свободу объектива,
Поиск духа креатива.

Исторически система,
Форма, способ, образ жизни
Давят личность индивида
Объективностью трагизма.

Сила воли, разум, чувства,
Как природные явления,
Бунт поднимут против мрака
С войском ангелов спасенья,
Где идея выше плоти,
Битва с дьяволом незрима,
Мир души ценнее догмы,
А любовь – непобедима!..

Что вы знаете, люди?

Что вы знаете, люди,
О жизни раба?
Из одних рук ушел он—
В другие попал;
Пожалел он давно
Миллион раз о том,
Что рабом он когда-то
На свет был рожден!
Проклинал каждый день
Судьбу он свою –
«Почему не могу я
Жить, как хочу?!»

Прозвучал тогда голос
В отчаянья миг:
«Я купил тебя, чтобы
Освободить...»

На невольничьем рынке
Далекой страны
Шел когда-то давно
Торг рабов сатаны...
Дорогою ценою
Крови Христа
На Голгофе купил Бог
Весь мир для себя...
Кто владелец теперь твой?—
Ты служишь греху,
Отдал все за нас Бог —
Твое сердце не верит Ему!
Прозвучал тогда голос
В отчаянья миг:
«Я купил тебя, чтобы
Освободить...»

Он был моделью совершенства

*Как молния, упал с небес твой трон...
На землю свергнут был когда-то он...*

Он был моделью совершенства,
И в полноте его блаженство,
В прекрасном облике слились
Отвага, мудрость, храбрость. Ввысь
Стремился образ идеальный;
В Эдеме был он дома и реально
Огнем и ветром серость побеждал,
Не знал лишений ... но он пал...

*Как молния, упал с небес твой трон...
На землю свергнут был когда-то он...*

Он предал, возомнил себя Творцом,
Но оказался подлецом,
Он мудрость хитростью убил,
Любовь на злобу он сменил.
От красоты закралось в мысли
Желанье править миром, жизнью...
Зло во вселенной зародилось,
А в душах гордость проявилась.
Гордость правит миром зла...

Боль пронзает

Боль пронзает душу, сразу
Тухнет свет и меркнет разум,
Мысль – жертва подсознания...
Люди – мертвые создания
В мире подлости и лжи,
Потеряв огонь любви
И попытку обрести
Счастье, в вечности цвести,
Пахнуть и благоухать,
Лучи солнца излучать,
Генерировать любовь,
Рассекая эго в кровь
Капель жизни океана,
Где отточены изъяны,
И залечены все раны,
И вода течет из крана –
Вечно свежая слеза,
Просветлившая глаза
Сердца, падшего под грузом
Безысходности, обузой
Всех бессмысленных идей.
Отдаляясь в мир теней –

Ждем любви, а жить боимся,
Одиночества страшимся
Больше смерти во Вселенной,
Где задумана нетленной
Сущность духа,
Вечность слуха
Тех, кто хочет смысл понять,
Голос истины познать.

Огонь любви

О, Боже, ничего прекрасней нет,
Чем чувствовать Тебя,
И больше в жизни счастья нет,
Чем излучать Твой свет, любя
Людей, природу, мир вокруг,
Желая жить, гореть и быть
Дитем твоим и знать, кто друг,
А кто мой враг, и по течению не плыть...
И жизни радоваться –
Жить! – не просто быть.

С тех пор как Ты во мне –
Живу лишь для Тебя,
С тех пор как я с Тобой –
Любовь вся жизнь моя.
Ты веру подарил,
И в сердце Твой покой,
Ты силой наделил,
В душе – горит огонь!

И радость без сомненья,
И счастье – Твой венец,
Я жизнь Тебе вверяю –
Мой друг и мой Отец!

И нет чудесней ощущения,
Чем быть в руке Твоей святой,
И нет сильнее вдохновенья,
Чем то, что дарит Дух Святой!

Божье дитя

Я все сильнее умиляюсь,
Когда любви Твоей касаюсь,
Когда в природе проявлениях
Я вижу чудное творение –
И не могу забыть объятий,
Когда ты дал, Господь, понять мне,
Что Ты со мной, и Я с тобой,
А путь земной – то путь домой...

Во время странствий и скитаний
Не избежать нам расставаний,
Не избежать печали, слез и бед...
И горе, и любовь оставят след.

Дорогой чистой, белоснежной
Иду домой, неся надежду
На то, что рук Твоих тепло
Не прекратится, что окно,
Как прежде, ярким светом светит,
Чтоб не потерялись больше Божьи дети!

Красота небес

О, небо! Ты прекрасно, взор твой светел!
Прекрасней нет любви на всей планете –
Твоей небесной, белой – словно снег,
Надежной, верной, одинаковой для всех...
Я не могу вполне представить
Куда могу себя поставить
В прекрасном царстве красоты,

Чтоб воплотились все Твои мечты...
Порою трудно без оглядки
Мне подниматься по ступеням вверх, как в прятки
Порой играть с Тобою... В грязь
Затем совсем нечаянно упаст...
Так глупо жить, бродить, страдать,
Рождаться, вырастать и умирать,
Учиться, петь, средь звёзд блистать,
Молчать, грустить и снова умирать...
О, небо, ты прекрасно – спору нет,
Но дай, прошу, всем ищущим ответ!

Хочу любить

Тоска, усталость и незнание
Освобождают от вины...
Казалось, слушаюсь сознания,
Не замечая, где же Ты.
О, Боже, почему не знаю,
Не слышу я ответа Твоего?
Прошу, прости, ведь я страдаю –
Нет света в храме сердца моего.

Перед Тобою научи смиряться,
Покорности дай, мудрости, любви...
И если можешь, помоги мне разобраться –
Омой, очисти, измени.
«Любовь» – не знаю я, что это,
А может, никогда и не пойму...
Когда я думаю, что вот она, уж близко где-то,
Как будто Ты же разбиваешь грёзы... Почему?
Молиться буду бесконечно:
Я верю в то, что даришь Ты,
Но отчего всё так не вечно?!
По-настоящему любить хочу – и расцвести!

Сила любви

Бог любит, помнит и хранит,
Он плакать нам не запретит,
Но даст опору и надежду,
Чтоб стала чистой ты, как прежде,
Когда Он душу возродил,
Тебя к смиренью вдохновил,
Ворвался в сердца мрак, стучал,
Ты вспомни, как Иисус тебя искал...
Ты знай, Он ни за что тебя не бросит,
И даже если твое сердце просит,
Чтобы ушел и удалился,
Не перестану за тебя молиться.
Я поняла, что Он тебя хранит,
Когда ты на Него надеешься – благословит!
Ты взоры к небу поднимаешь –
Ты улыбнись! Зачем страдаешь?

Любимая моя сестра, ты не сдавайся,
И знай одно – ты Божие дитя, и постарайся
Пройти через огонь сомнений и печали –
Тебя ведь капли крови оправдали!
Ты вспомни, как твоя душа рыдала,
А твое сердце ликовало,
когда ты Иисуса позвала –
Не верю я, что ты тогда лгала...
Ведь ты сама себя ещё не знала,
Зачем Он звал тебя, искал?!
Зачем страдал и умирал?!
И почему Он допускает
Проблемы в жизни, ведь душа страдает,
Не верит в то, что горе на земле – одно мгновение!
Что только в вечности мы обретем заветное спасение!
Спасение от грязи, мрака, зла и тленья...
В любви нет страха, в ней решенье
Проблемы – «Кто наш мир спасет»?

Ведь красота придёт – и вновь умрет,
Но лишь любовь нам ярко светит,
Нет силы большей на планете!

Нерожденные души

Нерожденные души
В океане ночном –
На кладбищенской нише
Обретают свой дом,
Сквозь сомненья и муки
Мы рождаемся в жизнь,
Чтоб в утробе от скуки
Не заснуть, победить
Палачей и хирургов,
Обрезающих нить, –
Не губите младенцев –
Они хотят жить!

Мы здесь в мире для смерти:
Как бы нам не хотеть,
Пред рождением, как дети,
Для утроб умереть.
Все должны, чтоб прийти
В этот мир – битвы поле,
Попытаться найти
Смысл крика и боли!

Можешь ты не родиться,
Страданья убрать,
Отказаться от жизни,
Свою душу продать,
Можешь после рожденья
Ты остаться во тьме,
Жизнь прервать раньше срока,
Захотев умереть...
Но по плану спасенья,

Чтобы смерть победить,
Не губите младенцев –
Они хотят жить!

Остановись!

Всё – суета и пустота,
Томление духа, нищета...
Всё было, есть и всё пройдёт –
Не изменить такой черёд.

Остановись! – Я твой Господь!
Познай меня! – и боль пройдёт!
Оставь проблемы и заботы,
Для Бога нет плохой работы!
Моё прекрасное творенье
Даю тебе для вдохновенья!
Любовь лишь там, где чистота,
Надежда, радость, полнота...
Забудь себя, открой глаза:
Здесь – суета, там – небеса!
Прочь отгони сомненья, страх,
Твоя судьба – в Моих руках!
Доверься Мне и всё отдай –
И в сердце будет мир и рай.

Ирина Кархут

*Спасенья Дверь открыта тем,
кто уповает,
Кого Христос навек
Своею Кровью искупил.*

Ирина Кархут обратилась к Господу в девятнадцать лет. Закончила факультет журналистики Львовского государственного университета. Много лет работала журналистом на Тернопольском государственном телевидении. В 2002 году вместе с семьей иммигрировала в США (Сакраменто, Калифорния). Член Grace Avenue Bible Church в Сакраменто. Автор христианских телевизионных программ «Вначале было Слово», «Дом, устроенный Мудростью», многочисленных публикаций, христианских радио- и телепередач о героях веры. Ирина любит поэзию и пишет стихотворения для Божьей славы. Член редколлегии и постоянная ведущая рубрики «Миссия сегодня» в журнале «Божий виноградник» Тихоокеанского Объединения евангельских христиан-баптистов. Вместе с мужем Михаилом воспитывают двоих детей.

Творческий сайт: <http://www.heroes-of-faith.com>.

Когда колеблется нога, слабеют руки
И душу сковывает затаённый страх –
От тьмы отчаянья и горечи разлуки
Найду убежище в Божественных руках.

Бог – сердца крепость и могучая твердыня,
От горестей и бед меня Он защитит,
Падут пред Ним враги – поборники гордыни,
Христос – Скала моя, надёжный веры щит.

Скала спасения! В ней, как дитя, укроюсь,
Непрочны и темны мирские бункера.
Лишь на волну хвалы оргán души настроив,
Смогу я победить сомнений ветхий мрак.

Господь не раз являл благое избавленье –
Не устаёт Его святая благодать.
И стрелы зла, и королевское правленье
Перед Его величьем царственным дрожат.

Христос купил душе небесный, вечный статус
И из трущоб греха крестом освободил,
Вся жизнь Его детей как Небом фильм отснятый –
Сюжет написан Господом: Он победил!

Что пользы человеку пронестись по миру,
Ловя льстецов восторженный и жгучий взгляд,
Подобно легкомысленному пассажиру,
Который взял и жизнь, и время напрокат.

«Сам Бог не сможет потопить корабль «Титаник», –
Провозглашали дерзко, глядя на гигант,
И человек забыл, что он – всего лишь странник,
И в море, и на суше – смертный иммигрант.

Тщета и суета сует... Как дуновение –
Богатство, слава, роскошь, глянецовый гламур –
У вечных берегов – иллюзии крушение:
Неслаженный оркестр забытых партитур.

Наш мир, как палуба большого парохода:
Ночные клубы, ипподромы, казино...
В душе и на борту – капризная погода –
И грех, как скрытый айсберг, увлечёт на дно.

Манёвр неосторожный, поворот небрежный –
«Дворец» плавучий раскололся пополам.
Как памятник и вызов Небесам мятежный,
Ржавеет в океане гордости титан.

Гранитная доска: спасённый и пропавший –
Неважно кто: аристократ, простолюдин...
Спасёт покаявшихся на кресте страдавший –
Божественный Мессия, жизни Господин.

Пошли нам помощь в тесноте, благой Всевышний!
Лишь Твоя истина премудра и проста,
И судно веры не утонет в мире пышном –
Спасение – в Ковчеге Господа Христа!

В тесном зале судебного заседания
Потускнели все навыки красноречия,
Пред лицом беспристрастного наказания
Боже Праведный мой, что Тебе отвечу я?

В книге памятной записей всех кредиторов
Долговой документ как безвыходный вызов,
Грех Адама и Евы ужасным позором
И в моём ДНК (как у всех) был записан.

Беззаконие, смерть и вина, жизни спешка,
Как Адама приданое всем нам в наследство,

И металась душа, как разменная пешка,
В белоснежные ризы пытаюсь облечься.

В тесном зале судебного заседания
Выступал обвинитель и дерзко, и смело –
Падший ангел, предчувствуя воздаяние,
Точный счёт по долгам предъявлял всем умело.

И свидетели тайные дружно кивали,
Ожидая грозного судьи приговора,
Полистав протокол, подчеркнув все детали,
Что старательно собраны искусным вором.

Кто мог избавить от духовного банкротства
И оправдать врождённую греха порочность?
Регламент справедливый судопроизводства
Кто властно бы дерзнул испытывать на прочность?

Пришёл в тот зал Христос с прощением, с любовью!
И компромат весь мой перечеркнул Ходатай,
За мою душу заплатил Своею Кровью:
Представлена Отцу-Судье за грех оплата.

Упразднено долгов моих рукописание,
Предъявленных однажды к оплате по Закону,
Голгофский крест – моей души исповеданье –
Навеки поражён клеветник изощренный.

Христос обезоружил адской тьмы господство,
Позору на кресте предал Он их навечно.
И праведность, и Адвоката превосходство
Даны по вере, в благодати безупречной.

Как дорога цена Крови и искупленья!
Не для греха и зла дарована свобода –
В благоговейном трепете и в освященьи
Пребуду до конца надзвёздного исхода.

Отец не пощадил возлюбленного Сына,
Сам Бог-Судья за нас – и все грехи покрыты.
Он жив, Заступник мой, надёжная Твердыня –
И милости престол, и Небеса открыты!

Не в нашей воле знать, когда придёт конец,
Бывает мощный старт, потом – убогий финиш...
Лишь верный до конца наследует венец,
Кто душу созидал, а не публичный имидж.

Бог истинный расставит точки все над «и»,
Пролог и эпилог – Христос новозаветный,
Явивший нам любовь Отца, а не Судьи,
Он – Альфа и Омега, Первый и Последний.

В еврейском алфавите Он «Алеф» и «Тав» –
Начало и конец, исток и завершенье.
Недолговечность времени и сверхдержав
На бесконечности палитры – лишь мгновенье.

Надежда на Христа меня не подведёт:
В руках Его святых – вчера, сегодня, завтра –
Он – Тот, Кто есть, и был всегда, и Кто грядёт –
Он – Вседержитель и единственная Правда.

Не в нашей воле знать, когда придёт конец,
Нам жизнь дана, чтоб примириться с вечным Богом.
Открыта Неба дверь для жаждущих сердец,
Ждёт благодатный рай, кому Христос был дорог.

Ты Сам, Господь, Великий Утешитель,
С Тобой не убоюсь худой молвы.
Дух Истины и судеб всех Вершитель,
А люди часто жалки и черствы.

Ты слёзы утираешь сокрушённым –
Дух-Параклетос¹, посланный Отцом.
С любовью заново Тобой рождённым
Даруешь благодатный Свой шалом.

Ты учишь, обличаешь, направляешь,
Даруешь сил израненным в скорбях,
И силой Слова властно изгоняешь
Из сердца малодушие и страх.

Рыдания Иова, Иеремии –
В Твоём сосуде слёзы всех святых.
В агонии распятого Мессии –
Покой в скорбях для странников земных.

Как мать дитя – к груди Ты прижимаешь
Всех изгнанных за истину Твою,
Отрадою учеников венчаешь,
И ждёшь Своих возлюбленных в раю.

Печаль и воздыханье удалятся,
Блаженство избавленья даст нам Бог.
Веселие и радость обновятся,
Наполнив царский брачный наш Чертог.

Ты Сам, Господь, источник утешенья,
Бальзам на раны льёшь душе больной.
Благодарю, что на кресте спасенье
Ты приобрёл Своей Крови ценой!

Терпение – не робкий компромисс со злом
И не искусство льстивых изречений.
Не безысходности болезненный симптом
И не набор смешных ограничений.

1 Параклетос – древнегреческое слово – переведено на русский как Утешитель, Заступник, Ходатай, Защитник, Помощник.

Терпение – не состояние скота,
Что от кормушки полной лишь зависит,
Не унижение, не отсутствие креста
Или апатия – духовный кризис.

Терпение – умение воли сохранять
Невозмутимость духа в испытаньях,
Преграды все в молитве кроткой побеждать
И силы черпать в истине Писаний.

Терпенье – мастерство прилежно достигать
Обещанных высот Небесной дали,
Терпение – способность сердца сохранять
Счастливый дух в разлуке и печали.

Терпенья опытность приходит от скорбей –
Христа страданья помним и доньше:
Запечатлилась боль в безмолвии камней
Дороги скорби в Иерусалиме.

Не медлит Бог! Нечестию придёт конец.
«Господь, Господь, Бог долготерпеливый!» –
Он ожидает покаяния сердец,
Любовь святая – многомилостива.

Да наполняет вновь и разум, и сердца
Терпения святая добродетель,
Чтоб веры поприще пройти нам до конца
И с ликованием Мессию встретить!

Счастливый смех детей и птичек щебетанье,
Маслины изумруд и нежный виноград –
Идиллии потерянной воспоминанье
Стёр затяжной войны безжалостный снаряд.

Руин обломки – как свидетели немые
Непримиримости и ярости людской.

Созрели винограда гроздьа золотые,
Стекает сок их одинокою слезой.

Хозяев больше нет, остатки пепелища...
И некому собрать хороший урожай,
Растоптан мир в сердцах жестоким сапожищем.
И сиротливость притаилась невзначай.

Великие послы для мира горько плачут,
На перекрестках улиц безотчётный страх.
Божественный шалом²! Всё может быть иначе –
И смерть, и зло повержены Христом во прах.

Финал вражды – благословения молитва:
Господь да будет милостив и даст шалом!
Христос дарует мужество в духовных битвах
С Ним победим врагов как верный Гедеон.

И Ангелов хоралы: «Слава в вышних Богу!»
И мир сердцам, к которым Он благоволит,
Предвечный Логос верен милости залогу –
В душе искупленной святой покой царит.

Обетованный путь гармонии и мира
К Отцу открыл Спаситель через крест скорбей.
Вдыхая благодать небесного эфира,
Войдём в Салима Град. Что может быть ценней?

Сгустились сумерки– и свет зари вечерней
Зажёт лилово-золотистый небосклон.
К заветной цели пилигрим спешит. Средь терний
Христом храним, Его заботой окружён.

Стремится он к обещанной Царём награде,
Лишь ко кресту Голгофы обращает взор.

2 Яхве-Шалом – Господь – наш мир.

Не вправе озираться он. Небес отрадой
Сияет пик Преображения Фавор.

Преодолеть рубеж и быть в святых чертогах:
Он там – и мыслями, и естеством своим!
Во всех сомнениях, опасностях, тревогах
Завет хранящий с Богом, верный пилигрим.

Жизнь христиан – то восхождение на гору,
Доверимся Ему, как мудрый Авраам.
И вспоминая землю Мориа́ из Торы,
Откроем душу Божьим чудесам.

Господь усмотрит Сам, Он знает лучше:
Искупленным во благо всё с Яхве-Ире!³
Не жизни эпизод и не отдельный случай –
Открылся суверенный Бог на той горе.

На послушание явил Бог избавленье,
Как памятник стоит вершина Мориа –
Голгофа в Иерусалиме, во Вселенной
Скалы спасительной извечный идеал.

Свершились в Жертве Сына все обетованья,
По вере мы вошли в наследие Его.
Душа с Христом – алтарь Небесного призванья –
Разделит с Иисусом пира торжество.

В плену ошибочных альтернатив и мнений,
Превознося традиции универсальный стиль,
Среди божеств и суеверных поклонений
Сияет древний храм под куполом Небес – Вефиль⁴.

³ Яхве-Ире – Господь усмотрит.

⁴ Вефиль (ивр. בֵּית־אֵל בֵּית-אֵל – «дом Бога») – один из главных городов Древнего Израиля. Согласно Библии (Быт. 28:19), название городу дал Иаков, которому там явился Бог.

Здесь Ангелы нисходят и восходят к Богу
По лестнице небесной в благодатные врата,
Как свято это место! К славному порогу
Влечёт величья неземного Божья красота.

Свободный доступ к милосердия престолу
В любви Своей открыл Сын Божий через крест скорбей,
Путь христиан и узкий, и подчас тяжёлый,
Христос-Господь – единственная в Божье Царство Дверь.

К Двери прощения пришли слепой и нищий,
Господь откроет – и никто не сможет затворить.
Блудницы грех Спасителем благим очищен –
Святая благодать сильна заблудших возродить!

Небесный Пастырь Свою Церковь защищает,
Не смогут одолеть её ворота адских сил!
Спасенья Дверь открыта тем, кто уповаet,
Кого Христос навек Своею Кровью искупил.

Основа жизни и живительная влага –
Источник благодатный, чистый и святой,
В нём утоляет жажду рыцарь и бродяга
Без серебра и платы – щедрый и скупой.

Вода – как золото для странника в пустыне,
Она питает зародившуюся жизнь,
Её целебной силой дорожа поныне,
Живём среди инфляций и дороговизн.

Среди источников обманчивых и мутных,
Разбитых водоёмов и зловонных луж,
Черпают из трясин утех сиюминутных
Бессмысленные толпы разорённых душ.

Палящий зной, колодец, скучная рутина
И бег отчаянный от жгучего стыда...

От бремени грехов и старого кувшина
Освободилась Самарянка навсегда.

Испила женщина воды живое Слово –
Мессия сердце жаждущее напоил.
Ни место поклонения, ни богословы, –
Христос – Источник чистый – душу возродил!

Дар вечной жизни, жадные глотки прощенья
Без примеси корысти, низости, измен,
Душе увядшей, Богом поднятой из тленья,
Невинности родник дарован был взамен.

Святого Духа бесконечные потоки –
Наполнен до краёв серебряный сосуд,
Омыл Спаситель тайные пороки –
И благодарности плоды в душе цветут.

Мне к Богу любящему благо приближаться –
Он Победитель и Защитник мой благой,
И за детей Своих Он обещал сражаться,
Лишь со Христом смогу я устоять в день злой.

Как радостно с Ним разделять триумф победы,
С Деворой песнь хвалы торжественно воспеть,
И детям чтить Христа навеки заповедать,
Голгофский подвиг в памяти запечатлеть.

На том кресте Он сокрушил и смерть, и тленье,
Мирские ценности, кромешный вечный ад.
Блестящая победа – в славном воскресенье!
И ужасы суда мне больше не грозят.

Величье Божье, сила, слава и победа,
Не храбрым мудрецам достанется успех,
А тем, кто вопреки неисчислимым бедам,
На Бога уповал, распяв неверья грех.

Коня готовят для финальной битвы,
Но суверенность Божья всё определит.
Победные трофеи – в искренней молитве,
Венцом бессмертия Бог верных наградит.

Христос отнял у сильного врага добычу –
Сердца, пленённые грехом, освободил,
Смиренный Агнец небесами возвеличен,
Всесильный славный Царь навечно победил!

Надломленную трость, едва дымящий лён
Не переломит, не угасит мой Спаситель.
Дух изнемог. Под можжевелевым кустом
В отчаяньи Илья – унылый победитель.

Анархия, порок, Иезавели бал
Уродливой свободы, попорченной морали,
На троне, как и прежде, царствует Ваал?..
Прильнём к кресту, чтобы духовно не хромали.

Когда душе грозит пронзительный надлом,
Чуть тлеет неприметный огонёк молитвы –
С Давидом воспою Спасителю Псалом,
Вдохнёт Он пламя веры для духовной битвы.

Не с шумом и не с громкой славой Бог пришёл,
В венце терновом, а не в царственной короне,
Заблудших и потерянных Христос нашёл,
Кто приобрёл богатство в Нем, а не в мамоне.

Иисус спасает! Благодать, а не Закон,
Христос доставит вовремя суду победу.
Надломленная трость, едва дымящий лён –
Он с милостью поддержит, кто Ему был предан.

Господь промолвил тихо: «Что ты здесь, Илья?» –
И не страшны враги, уныния ущелья,

Лишь с Господом моим смогу воспрянуть я,
Исполнить назначенье для небесной цели.

Бог снова явит чудо на горе Кармил,
Соломинку курящуюся не угасит,
Он душу огорчённую не надломил,
Её наполнил Он святым елеем счастья.

Назначена вина: «Царь Иудейский»,
С Христа сорвали воины льняной хитон.
Он на кресте, а пафос фарисейский
И ныне театрально-ловко изощрён.

Он Царь, Первосвященник и Страдалец,
Величественный Князь открыл Свои дворы.
Небесный Принц, а на земле – Скиталец,
И крест дороже, чем нечестия шатры.

Ему и золото, и ладан, смирна...
Иисус любовью завоевал сердца,
Ведь Царствие Его не в мире сильных –
Оно – в душе, искупленной в Крови Христа.

Великий Царь был многими отвержен,
Он обнищал, чтобы людей обогатить,
Высокомерный ум навек повержен –
Такую милость невозможно объяснить!

Воскресший Царь и наш Господь Желанный,
В сиянье славы Он за Церковью грядёт
На царственном коне. Обетованный
Для подданных Своих, кто неизменно ждёт.

Престол Его вовеки утвердится,
Жезл правоты – фундамент Царствия Христа.
В Офирском золоте идёт Царица –
Возлюбленная Церковь – свята и чиста.

Величественный Лев и закланный Ягнёнок–
Единственный достоин с Книги снять печать.
И только тот, кто умалился как ребёнок,
Способен обрести Христову благодать.

Иисус – с Небес обетованный Примиритель,
Лев из Иудина колена воссиял –
Он Агнец жертвенный, Слуга и Победитель,
Навеки избранных Своих Он оправдал.

Смотрю на Льва в Его могуществе и власти...
Кто может устоять перед Христа судом?!
Я вижу Агнца кроткого... Святым контрастом
Взывает милость, заплатившая крестом.

Лев из Иудина колена, сын Давидов –
Пред Ним благоговеют ад и небеса,
Царь славы, возвеличенный в хорах левитов,
Открывший Своего закона чудеса.

Благодарю, Господь, что от начала мира
Ты Агнца для спасения определил.
И благовестием о любящем Мессии
Заблудшие народы вере покорил!

«И сошёл я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале⁵. И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось сделать».
(Книга пророка Иеремии 4-18:3).

Извлёк меня из рва Всесильный наш Горшечник,
В руках Его вся жизнь моя – гончарный круг,
Великий Мастер в благодати безупречной
Ваяет душу – слабый глиняный сосуд.

Он видит Свой шедевр – изящное творенье,
Не рок и не судьба, а суверенный Бог –
Отец определил Своё предназначенье
И дал Святого Духа царственный залог.

Он терпеливо очищает, измельчает
Сосуд несовершенный и непрочный мой.
Гордыни примесь властно сокрушает
Смирением Христовым – росписью святой.

И отсекает комья зла Искусный Мастер,
И скорость задаёт кружалу жизни Он:
Все боли и страдания – в Господней власти,
Воспой, душа моя, ты с небом в унисон.

Нешадный глины обжиг завершится славой,
И своеволие расплавится в святом огне,
В слезах я припаду душой к кружалу,
К рукам Горшечника, пронзённым на кресте.

5 Кружало – вертящийся гончарный круг.

Всем смертным свойственно меняться. Подвергаться
Искусству фальши, ложным мнениям людей...
И даже тот, кто не привык приспособляться,
Дань моде отдаёт порой, как фарисей.

Характер Бога, Его Слово неизменны,
Без откровенья жизнь – естественный отбор.
Труды великих «гениев» пусты и тленны,
Для душ заблудших – вечный смертный приговор.

Христос вчера, сегодня и во веки Тот же,
Всевышний Бог не изменяется вовек,
Неоспоримой истины священный отзвук:
Он совершит: Он – сильный Бог, не человек!

Кто дал уставы солнцу и луне, и звёздам? –
Бог Саваоф, святой и верный до конца,
Блаженство – не взойти на шаткие помосты,
Достоинство – в смиреньи пасть к ногам Отца.

Для всех веков и стран, грядущих поколений
Даяния благие, неба светлый дар –
В Отце, ни тени перемен, ни изменений:
Излилась благодать на жертвенный алтарь.

Сомнений ураган и ветер лжеучений
Не повредят шедевр на вечности холсте –
Обетования Христовы драгоценны, –
Он доказал любовь, страдая на кресте.

В животворящем свете неприступной славы –
Вождь Воинства небесного – Бог Саваоф⁶,
Перед Его величием рушатся державы
В эпоху грозных пандемий и катастроф.

Бог сил, Глава Архангелов беспрекословных,
И Церкви – Своего народа на земле,
Хранящий избранных с любовью безусловной
На Ангела могучем золотом крыле.

Не меч и не копье, не прочные доспехи,
А Имя Господа – надёжный веры щит.
И увенчается война со злом успехом –
Вооружимся упованием, как Давид.

На огненных незримых неба колесницах
Придёт на помощь Всемогущий Саваоф,
И просветлеют армии Господней лица,
И не сдержат восторга благодарных строф.

Военачальник мудрый, любящий Спаситель,
Не оглянись, душа, на гибнущий Содом,
Христос Прославленный, Царь славы, Победитель,
Он приведёт Своих в Отцовский вечный Дом.

6 САВАОФ (ивр. צבאות, Цеваот, мн. число от ивр. צבא, цава – воинство, войско; «Господь Воинств», «Господь сил»,) – один из титулов Бога в иудейской и христианской традициях.

Сокровища Господней мудрости предвечной
Превыше всех богатств и знаний, и чинов
Непостижимость судеб, жизни быстротечной:
Изящество творенья... Скорбный крест Христов.

Лишь только Весть Благая о Христе распятом
Дарует покаянья лучезарный свет,
Бессильны и смешны философов цитаты –
Господь надменных мира ниспроверг совет.

Творец дарует Свою мудрость простодушным,
Всем естеством её взыскал царь Соломон.
Неведома она лукавым, двоедушным,
Не обрели её ни фарисей, ни фараон.

Её величество Премудрость милосердна,
Чиста, скромна, мирна, полна благих плодов,
Она – отображение Христа, бессмертна,
Нить жемчуга святого из библейских слов.

Приникнем к Кладезю как золотоискатель,
Не полагаясь на беспечный разум свой.
И россыпи познания мудрый наш Создатель
Подаст, чтобы осмыслить Божий страх святой.

Многоразличная премудрость в Церкви Божьей,
А на земле греховной виден лишь эскиз
Христовой благодати у креста подножья,
И царской славы свет Его священных риз.

Эдемский сад. Гармония и совершенство,
Невинность совести и духа чистота...
Внимать словам Создателя – души блаженство,
И не страшат ещё ни смерть, ни суета.

Но низменность желаний, змея обещаний –
На сердце поколений, как клеймо.
Греховный груз вражды и яд запретных знаний
От Евы и Адама – рабское ярмо.

Обетованье Агнца, жертвенность спасенья
Среди проклятий, страхов, горестей и слёз –
Пророчество живой надежды воскресенья:
Над миром воссиял Второй Адам – Христос!

Он – Воскресение и Жизнь, поправ Он змея,
Вернул потерянный обетованный рай!
И Кровь Его – единственная панацея
Для всех, кого введёт Он в благодатный Край.

Он воскресит всех избранных Своею силой,
В Небесном Граде с Ним пребудем навсегда!
Дочь Евы и рабыня страха пред могилой,
Я стала царственной наследницей Христа!

Пять тысяч накормить всего пятью хлебами...
Смешались чувства от немислимых чудес,
Толпой, обременённой страхом и грехами,
Руководил лишь прагматичный интерес.

Насытившись, народ всю ночь искал Мессию,
Но слышал и внимал лишь только слову: «хлеб»,
И, помня тленного восторга ностальгию,
К духовной правде оставался глух и слеп.

Мир, как и ныне, ищет зрелища и хлеба,
И души чахнут в бесконечной суете.
Иисус Христос есть Хлеб живой, сошедший с Неба,
Он Плоть отдал для истязаний на кресте.

И если жизни цели шатки и туманны,
Остались только крохи жалкие любви,
То не ищи, душа, вчерашней затхлой манны,
А к Хлебу жизни, к Иисусу приходи.

Не пища, не питьё, а благодати Слово –
Ведь не единым хлебом на земле живём,
Мир, праведность и радость – Царствие Христово,
В Нём наслаждение для духа обретём.

Михаил Козубовский

*А ведь, ликуя и смеясь,
Никто не думает о завтра.
Никто не мыслит, что во всем
Изменчивости есть закон.*

Живет в городе Киев, Украина. Стихи начал писать в юности. Первые уроки поэтического мастерства получил в литературной студии при Союзе писателей Украины, тогда же появились и первые публикации. Затем была учеба в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко на факультете журналистики. Состоял членом рабочей поэтической группы при музыкальном отделе ВСЕХБ, в задачу которой входила работа над текстами для музыкальных произведений, а также подготовка к изданию первого поэтического сборника «Христианская лира», в который вошли также стихи автора. Печатался в журнале «Братский вестник». В 1989 году стоял у истоков газеты Союза ЕХБ Украины «Християнське життя», которую и редактировал в течение семи лет. После преобразования газеты в журнал «Евангельская нива» был редактором журнала до 2012 года. Затем работал над серией книг «Проповедуй Слово». В течение длительного творческого периода был редактором многих христианских изданий. Многие стихи автора положены на музыку.

Мечты и грезы – печаль и слезы

(Лирическая поэма)

Давать советы, наставленья,
Учить, судить, критиковать,
Проблемы чьи-то разрешать
Без суеты и промедленья, –
Таковыми свойствами как раз
Не обделен никто из нас.

Конечно, в ближнем разобратся
Намного легче, чем в себе,
Ведь не в своей, в чужой избе
Все – на ладони, как не прячьте.
Так повелось из давних дней:
Со стороны всегда видней.

И я такой же. Слабость эта,
Признаться, так уже давно
Засела в глазе как бревно.
Как видно, таковы поэты.
И я, ее не поборов,
Решил сказать несколько слов.

Призвав всю важность и значенье,
Вверяясь вашему суду,
Я все ж, хоть малость обойду
Банальность строгих поучений;
Без громких фраз, хоть верь, не верь,
Лишь приведу один пример.

2.

Однажды в непогодь и стужу,
От ветра ежась и дрожа,
Я шел дорогой, не спеша,
По-детски шлепая по лужам.
Не знаю, что влекло меня
Гулять под музыку дождя.

Деревья в сумраке вечернем,
Как великаны-веера
Шумели грустно, несмотря
На дождевые ожерелья,
Кругом свисавшие с ветвей,
Играя в свете фонарей.

Я шел и взглядом молчаливым
Глядел сквозь тусклые лучи,
Как всюду быстрые ручьи
Смывали грязь, ворча брезгливо.
Тяжелой серой пеленой
Висело небо надо мной.

И вдруг, как будто бы заноза
Впилась мне в сердце, вырвав крик,
И я остановился вмиг, –
Передо мной лежала роза.
Наверно, выпала одна
С букета пышного она,

И вот теперь беда настала:
Без вида прежней красоты,
Она, роняя лепестки,
В грязи холодной умирала.
Подняв растоптанный цветок,
Я вдруг услышал голосок.

О, сколько в нем страданья, боли,
Отчаянья и горьких слез!
Неужто так и в жизни роз,
Как в человеческой юдоли? –
Сегодня радость, счастье, смех,
А завтра лишь презренье всех!

Кричат, шумят, что жизнь превратна,
Что все врасплох смущает нас,
А ведь, ликуя и смеясь,
Никто не думает о завтра.
Никто не мыслит, что во всем
Изменчивости есть закон.

На смену дням приходят ночи,
Весной сменяется зима.
Душа восторгами полна,
А там, смотри, беда хохочет.
То ввысь летишь, то мчишься вниз,-
Что ж, такова, как видно, жизнь.

Да, разошелся я не в пору,
Наш уговор забыв давно.
Скажу лишь правило одно:
Коль поднимаешься на гору,
Не забывай, что, может быть,
Придется и с горы сходить.

Итак, коль жребий больно грозен,
Вините, гневно теребя,
Не только жизнь, но и себя.
Ну, а теперь вернемся к розе.
Она, согретая теплом,
Шептала слезно вот о чем.

Что безвозвратно опорочен
Ее короткий жизни путь,
Что, вот, она постигла суть,
Но поздно... Бедная! А впрочем,
Ее словами, без прикрас
Передаю ее рассказ.

3.

«О, Боже мой, как я несчастна!
Какой позорный мой финал!
О, час расплаты мой настал,
Возврата нет, мечты напрасны.
Где вы, мои отрады дни?..
Ведь были, были же они...

И я цвела в саду роскошном
Под небом ясно-голубым,
Манящим радужным своим
Простором и мерцаньем звездным
С ночной красавицей луной,
Плывущей томно над землей.

И я, подобно милым сестрам,
(Ах, не вернуть тех светлых дней),
Купалась в золоте лучей
Тепло ласкающего солнца.
И сердце от святых лучей
Горело нежностью сильней.

А сад звенел от ликования
И торжества веселых птиц,
И счастьем не было границ,
И места не было страданьям.
Не зная грусти и тоски,
Порхали чудо-мотыльки...

Все пело, счастьем наслаждаясь,
Струился всюду аромат,
Дышал блаженством чудный сад,
И все вокруг благоухало.
И даже в слякоть или в дождь
Наш сад на праздник был похож.

Нас не пугало пламя зноя,
Лишь только гасли небеса,
И нас кристальная роса
Поила силой неземною.
Никто не знал ни мук, ни ран,
Испив целительный бальзам...»

4.

Простите, может быть, некстати
Я прерываю сей рассказ,
Но думаю, на этот раз
Он лучше будет нам понятен,
Когда скажу хоть пару слов
О бедной розе нашей вновь.

О, как она вся трепетала,
Участьем тронута моим.
Забыв страданий горький дым,
Она смеялась и рыдала,
И даже, кажется, слегка
Румянец плыл на лепестках.

Участье, доброе участие, –
На раны благодный елей.
А мы в жестокости своей,
Бывает, что в чужом несчастье
Не унимаем сердца боль,
Напротив – сыплем в раны соль.

Отдавшись вся воспоминаньям
О незабвенных светлых днях,
Воскресла к жизни вновь она,
Забыв о смерти увяданья.
Так догоревшая свеча,
Последним пламенем лучась,

Вдруг вспыхнет ярко на мгновенье
И тут же гаснет навсегда.
Но хорошо это тогда,
Коль целью вызвано священной.
Воспоминаний наших власть
Способна сил вернуть нам часть.

Бывает, жизнь таких сюрпризов
Преподнесет нам, что держись!
Попробуй сразу разберись
В ее непонятых капризах.
И тут как тут ее рука –
Печаль, унынье и тоска.

Но вы мне скажете, не только
Вся жизнь отчаянье и боль,
Ведь есть и счастье, и покой...
К чему же эти кривотолки?
Конечно, тот, кто прожил жизнь,
Поддержит сказанную мысль.

Я продолжаю. Коль тревога
Затмит, опутает наш путь,
Вскипит, заноеет наша грудь
И остановятся вдруг ноги,-
Тогда-то в душу к нам стрелой
Воспоминаний светлых рой!

И забывается несчастье,
Яснеют тусклые глаза,
И гостя – горькая слеза

Исчезнет вмиг под дивной властью,
И вдохновенная душа
Ликует, ночи тьму круша.

О, в человеке все делиться
Бессвязно может ли? Никак!
Коль прошлое его отнять,
Он настоящего лишится.
Мораль оставим, а сейчас
Продолжит роза свой рассказ.

5.

«Наш хор цветов Творцу хваленье
В любви смиренной возносил,
А Он! О, как Он нас любил,
Даруя нам благословенье!
И ночью, и лучистым днем
Звучал хвалебный наш псалом.

Но вот, однажды, – о, несчастье! –
Мной овладела вдруг мечта:
Моя святая красота
Пусть приносит людям счастье.
И мысль была лишь об одном:
Хочу я к ним, хочу в их дом.

Своей известной красотой
Я нежности их научу
И в том отраду получу.
И вдохновенная мечтою
Молилась Богу день и ночь,
Чтоб Он мне поспешил помочь:

О, Ты Творец любвеобильный,
Ты – жизни, счастья полнота,
Пусть заветная мечта
Моя теперь осуществится.

Пусти меня в их шумный дом,
Ты видишь Сам – нужда есть в том.

Они грубы, горды, надменны.
Я изменю их грубый быт,
Мой цвет в них чудо совершит,
Пошли меня, о, непременно!
Против таких моих молитв,
Я знала, Он не устоит.

И я услышала глас Божий:
«Порывом пламенной мечты
Их нравы не изменишь ты,
А вот сама погибнуть можешь.
Твою увидят красоту
И здесь в чарующем саду».

Я долго плакала, томилась,
Все повторяя, о, позволь...
Но вдруг... резнула тело боль,
И вот я в вазе очутилась.
Хвалой исполнились уста:
Сбылась, сбылась моя мечта!

6.

Как часто мы усердно молим,
Несем безумную нужду,
Подобно этому цветку,
Хоть то противно Божьей воле.
Простите, уж в который раз
Я вновь прервал ее рассказ.

Винить ее мне неудобно,
А почему, скажу сейчас:
И мы становимся подчас
Дитю капризному подобны.
Кричим, стенаем: «Боже, дай
И в душах вмиг наступит рай».

А что потом? Посмотрим дальше.
Пускай расскажет нам цветок,
Каков мольбы его итог
(А он ведь может быть и нашим).
Итак, тяжелый, как свинец,
Его истории конец:

«Недолго я была в восторге.
О, жизни горькие часы!
Нет и следа моей красоты,
Когда-то я цвела мечтой,
Теперь... теперь же я ничто.

О, где те росы, что с любовью
Я так желала пить всегда,
Ведь в тесной вазе не вода, –
Ее лишь жалкое подобье.
Я к смерти ринулась своей,
Лишась питающих корней.

А небо милое, родное,
Его манящий взор простор
Навечно скрылись, лишь в упор
Глядел бетон, одет в обои.
Куда не кинь, в любой момент,
Одна лишь давка серых стен.

Я задыхалась, я кричала,
Душила затхлость мою грудь,
О, если б подышать чуть-чуть
Тем воздухом, что я дышала.
И выбивалась я из сил,
Никто ж на помощь не спешил.

Мне так хотелось хоть мгновенье
Побыть в саду и соловья
Услышать трель, но знала я,
Что бесполезно то хотенье.
А рядом, словно дикий зверь
Приемник яростно хрипел.

И вместо солнца, что ласкало
Меня в живительных лучах,
В сиянии мертвенном лучась,
Электролампочка мерцала.
Большая там семья жила,
Я ж одинокою была.

И от тоски, меня гнетущей,
Завяла я в короткий срок.
О, как же человек жесток!..
И вот финал судьбы цветущей:
Меня (ему ведь все равно!)
Он просто выбросил в окно.

Вот так я, друг мой, поплатилась.
А люди те же, мой девиз
Не изменил ни в чем их жизнь,
Хотя так жарко я молилась.
Ну что ж, во всем моя вина,
Как видно, жертва не нужна».

7.

Умолкла роза. Как камень,
Застыли грустные слова.
Она ж была уже мертва,
И сдунут смертным дуновеньем
Из рук в несущийся поток
Упал последний лепесток.

Ну, вот и все. Судите сами
Каков вины ее размер.
Я рассказал для тех пример,
Кто ищет друга в чуждом стане.
Таким хочу я пожелать
Почаще розу вспоминать.

Владимир Мысин

*Из тех, кто успел бежать из России
от большевиков, немалому числу
посчастливилось уехать в Америку.*

Родился в дружной русско-украинской семье, в которой выросло девятеро детей. Владимиру было два года, когда родители переехали из Москвы в Ташкент. Закончил Ташкентское музыкальное училище и Московский Институт духовной музыки. Получил степень бакалавра Церковной музыки. Более тридцати лет был дирижером церковного хора, написал более двухсот песен, выпустил семь музыкальных альбомов. Закончил библейский Институт «Логос» в Калифорнии. Написал четыре книги. «Разговор с Будущим», «Добро и Зло», «Окна Небесные», «Кучерябенькая». Много публикаций в русскоязычных газетах Америки. В 1989 году вместе с семьей эмигрировал в Америку. В настоящее время работает Исполнительным директором Миссии «Слово к России» (Сакраменто, Калифорния). Женат. У него четыре сына, дочь и (пока) тринадцать внучат.

ФОРТ РОСС

Этот калифорнийский город, Сакраменто, благодаря третьей волне эмиграции стал довольно известным в бывшем Союзе.

В свое время, когда мы еще жили в СССР, мы даже не вникали в смысл этого слова – эмиграция. А зачем? Из-за «железного занавеса» гораздо легче было попасть на тот свет, в Царство Небесное, чем эмигрировать в капстрану.

Каким-то чудом и в 70-е, и в 80-е «за бугор» просачивались единичные семьи отчаянных смельчаков из евреев и немцев. Остальным пролетариям больше «светила» тайга и колючая проволока южной Колымы, чем пальмы и теплый песочек северной Флориды.

Поэтому, когда в конце 80-х Рейган с Горбачевым договорились выпускать христиан из Союза по израильским визам, и американцы дали на это дело очень приличные квоты, в Америку хлынул нешуточный поток христиан-эмигрантов. В то время практически все легко получали заветный статус беженца. Достаточно было сказать, что вы когда-то видели во дворе вашей церкви человека в милицейской фуражке, и желанный статус был обеспечен. Хотя немало было и таких христиан, по которым атеистический каток советского правосудия прокатился очень серьезно.

В конце 1989 года мы уже были в Италии, ожидая своей очереди на въезд в Штаты, а мой дядя Миша Серин еще мотал пятилетний срок за хранение и распространение Библий, которые нашли у него дома. Он был членом Отделенной Церкви, и во время обыска у него изъяли несколько сотен экземпляров Библий и христианской литературы, напечатанных в подпольной типографии. В этом плане Отделенные доставляли немало головняка гэбистам. Когда после изрядных прессовок органам так и не удалось расколоть дядю Мишу и выйти на след типографии, ему пришили статью и отправили на пять лет в «места не столь отдаленные».

В Италии, где мы провели всего два месяца (рекордно короткий срок, обычно он составлял от 3-х и до 6-ти месяцев), мы писали письма с призывами освободить дядю Мишу. Горбачев тогда уже всю кукарекал на весь мир, что в Советском Союзе нет ни одного

политзаключенного. «А как же дядя Миша?» – писали мы в Каритас и еще куда-то. Понятно, что Горбачев, может, ничего и не знал о своем тезке из далекого Ташкента. Но, как бы там ни было, в самом конце 1989 года дядю Мишу освободили без предупреждения, досрочно. Может, то, что мы капнули в правильное место в правильное время, как-то повлияло. Для нас это было не так важно, главным был результат: он вернулся в семью.

Но что интересно: как ни уговаривали дядю Мишу и тетю Тасю все родственники уехать в Штаты, они так и остались жить в Узбекистане, чтобы проповедовать Евангелие.

Третью волну эмиграции в своем большинстве составляли люди самого простого сословия, в основном из небольших городов и сел. Я не имею в виду евреев. Их также немало приезжало в Штаты в 90-е годы. Чуть позже ситуация выровнялась, особенно когда стала разыгрываться лотерея Гринкард.

Как известно, история эмиграции в Америку из России насчитывает три основных волны. Все они имеют свои особенности. Первая волна массово началась после революции 1917 года. Из тех, кто успел бежать из России от большевиков, немалому числу посчастливилось уехать в Америку. В 90-х годах мы часто встречали здесь их внуков и правнуков, которых уже нельзя было отличить от обычных американцев. Только когда они узнавали, что мы приехали «оттуда», то вспоминали, что их дедушки или прадедушки тоже бежали «оттуда» в свое время. Русский язык почти все (за редким исключением) уже не знали, и лишь некоторые из них с трудом и диким акцентом могли произнести два-три слова, типа «бабушка» или «пирожки» (с ударением на второй слог). Представьте себе: прошло всего каких-то 70 – 80 лет – и всё! От славянского у славян не осталось ничего. Они полностью растворились в среде, в которой оказались. Правда, в той же степени это касалось и других национальностей.

(В этом смысле изумляет история израильского народа. Две тысячи лет этот народ был рассеян по всему лицу земли. По разным странам, континентам, культурам, языкам, народам, обычаям, традициям и т. д., и т. п. Две тысячи лет! И вот в 1948 году образуется Государство Израиль. И всё на месте! Язык, культура, религия,

обычай, традиции – всё так же, как и две тысячи лет назад. По факту – это просто демографическое чудо из чудес! И объяснить его нельзя ничем иным, как только прямым участием Провидения Божьего в их судьбе и явного исполнения библейского пророчества о том, что Бог в конце веков соберет Свой народ из рассеяния).

Вторая волна эмиграции – это время сразу после Второй мировой войны. Как мы выяснили уже по приезду, эта волна шла с двух направлений. Один поток был из Европы, в основном из Германии: пленные солдаты и мирные жители, которые уцелели в нацистских лагерях, молодежь, угнанная на работы в Германию. Но были еще и те, кто по состоянию здоровья не был призван в Красную Армию, по каким-то причинам не смог (или не захотел) эвакуироваться вглубь страны (как известно, в начале войны немцы наступали очень быстро) и остался на оккупированной территории.

У нас в церкви в Брайте (пригороде Сакраменто) был старичок Кузьма Романович. Родился он в Украине и достиг тогда уже среднего возраста, а в армию не был призван по причине врожденной проблемы с ногами. У него было шестеро детей, мал мала меньше, и работал он сапожником. Когда пришли немцы, он так и продолжал сапожничать в своей лавке. Хочешь не хочешь, а кормить семью надо было в любом случае. Немцы его не обижали, и естественно, что в его мастерскую заглядывали и солдаты вермахта. Когда немецкая армия покатила назад, он попрощался с женой, с детками и ушел в Германию, прекрасно понимая, что его здесь ожидает за то, что он «сотрудничал» с немцами, подшивая их сапоги. Из Германии он какими-то путями сумел добраться до Америки. Около 30 лет он жил одиноко и надеялся на перемены, которые бы позволили ему вернуться в семью. Только потеряв всякую надежду, женился здесь на одной вдовушке, тоже из эмигрантов. Умер он в конце 90-х, так и не увидев больше своей семьи.

У нас был и дед Тимофей. Похожая судьба: война, ранение, плен, нацистские концлагеря и Америка. В отличие от Кузьмы Романовича, дед Тимофей оставался одиноким до самой смерти. Нам он запомнился тем, что постоянно вслух молился о Президенте, Конгрессе, Сенате и просил ниспослать на них мудрость и благословение. Еще он никогда не забывал благодарить Бога за

то, что ходит своими ногами и его не надо «переворачивать». Жил он на соседней от церкви улице в очень маленьком домике. Машины у него не было, и он везде ходил пешком с коляской из какого-то магазина. Таким образом, для деда Тимофея ходить своими ногами было критически важно, поскольку ухаживать за ним было нелегко. Интересно, что или по его молитвам, или так получилось, но до самого последнего дня дед Тимофей был на своих ногах.

Еще одна часть второй волны эмиграции хлынула в Штаты из Китая. Живя в Союзе, мы, как говорится, ни сном ни духом не знали, что в 30-е годы десятки тысяч славян бежали в Китай через Киргизию и Казахстан, спасаясь от голода и репрессий. Граница СССР в то время была полупрозрачной и охранялась нарядами солдат Красной Армии, которые несколько раз за ночь проходили дозором. Время между их проходами беглецы использовали для перехода в Китай.

Решение это было не для слабонервных. Беглецы подвергали себя смертельной опасности. Но страх голодной смерти заставлял людей идти на риск, потому что смерть от голода была не намного лучше, чем гибель от пуль красноармейцев. Как вы понимаете, в те старые недобрые времена системы GPS еще не существовало, и только одному Богу известно, как люди передавали друг другу информацию и находили дорогу. Добравшись до далеких селений вдоль границы, надо было еще найти проводника из казахов или киргизов, которые за определенную плату, рискуя и своей жизнью, соглашались провести очередную группу в соседнюю страну. Порой приходилось по несколько дней прятаться в степи около границы и ждать своего момента.

В 1989 году по приезде в Брайт мы две недели прожили у одной пожилой одинокой женщины из китайской эмиграции. Ее звали тетя Шура Локтева. Когда ее семье удалось перейти границу, она была еще совсем молоденькой девушкой. «Сразу перейти не получилось, – рассказывала она. – Была какая-то необычная активность у пограничников, и пришлось остаться в степи еще на день. В следующую ночь все повторилось, пришлось остаться до следующего дня. Такого страху мы тогда натерпелись...

Была поздняя осень. Группу нашу составляли четырнадцать человек. С нами были маленькие дети. Самой младшенькой было около десяти месяцев. С детьми было еще труднее. Нельзя было издавать ни звука, нельзя было разводить огонь, и мы старались лежать тихо в нашей неглубокой ложбине.

Мы были не готовы к тому, что придется так долго ждать, запаса воды у нас почти не осталось, и мы берегли ее для детей. Некоторые взрослые, не в силах терпеть жажду, пили свою мочу. Что мы пережили тогда, трудно описать словами. Это было время между жизнью и смертью. Наконец на третью ночь проводник сказал, что сегодня можно идти. Он привел две лошади, мы погрузили на них вещи, а копыта лошадей обернули кусками кошмы. Детей напоили кукнаром, чтобы они заснули и не выдали нас криком. (Кукнар – это сухие маковые коробочки, из которых собрали опиум, а коробочки высушили. Такие коробочки на Востоке заваривают как чай, и там еще остается достаточно много дури).

Граница шла по неглубокой реке, которую мы перешли вброд. Затем по руслу небольшого ручья стали двигаться вглубь Китая. Ручей был очень маленький, воды в нем было, может, по щиколотку, и мы еще с километр шли по воде, опасаясь погони с собаками. Это была не пустая предосторожность, поскольку с китайской стороны границу не охранял никто и никак. Были случаи, когда пограничники спокойно заходили на территорию Китая и арестовывали беженцев. Шли мы долго, и наконец проводник сказал, что здесь мы уже в безопасности и можно расположиться на отдых. Но тут судьба приготовила нам еще одно испытание. Уже забрезжил рассвет, мы стали снимать с лошадей наши вещи, и вдруг... О, Боже! Мы видим, что потеряли нашу маленькую сестренку Валу. Ей было всего десять месяцев, ее также напоили опиумом, спеленали и положили в хурджум на лошадь вместе с вещами. И вот в темноте, пока мы, затаив дыхание, переходили границу или когда уже пробирались вверх по этому ручью, она где-то выпала из хурджума. Никто не заметил, где и как это произошло.

Мама плакала, и у всех на глазах были слезы. После всего пережитого, когда мы уже получили желанную свободу, после того, как три последних дня мы балансировали между жизнью и смертью, случилось такое горе. Обессиленные от пережитого, измученные

нечеловеческим напряжением сил, мы едва стояли на ногах и не знали, что теперь делать. Идти кому-то обратно и искать малышку почти наверняка означало попасться на глаза пограницам и уже никогда не вернуться. Ближе к границе лес, надежно укрывший нас от посторонних глаз, был очень редкий и хорошо просматривался с другой стороны.

Проблема еще была в том, что мы не знали, где эта малышка выскользнула из хурджума: то ли когда мы крались к границе, то ли когда переходили вброд речку, или когда уже шли по ручью на китайской стороне. Что же делать? Жалко было до слез нашу маленькую. Каждый винил себя, что не досмотрел, не проверял по дороге хурджумы, особенно казнили себя папа с мамой. Все понимали, что с каждой секундой шансов остаться в живых у нашей Валечки оставалось все меньше. Здесь папа говорит нам: «Располагайтесь на отдых, а я побегу по ручью и поищу ее. Думаю, мы ее выронили где-то уже на этой стороне. Когда мы переходили границу, я посматривал за лошадьми, и, по-моему, ничего не падало в воду. Я очень осторожно проверю ручей до границы и постараюсь не попасться на глаза пограничникам».

Наш проводник стал отговаривать папу, говоря, что он может погубить всех нас.

– Даже если сюда не придут солдаты, если тебя арестуют, что будет делать твоя семья на чужбине? – говорил он. – Если ты не вернешься, погибнет твоя остальная семья, и малышку ты не вернешь, если она упала в воду.

Такой выбор стоял перед нашим папой. Мама и все мы, дюжина пар глаз, смотрели на него, каждое сердце обливалось кровью от жалости и любви к малышке. Однако, с другой стороны, реальность была такой: сейчас мы можем потерять еще и папу. Это был страшный выбор.

Но у папы колебаний не было.

– Я верю, – сказал он, – если Господь, по нашим молитвам, сохранил нас и довел до этого места, Он не допустит, чтобы я погиб здесь. Но если я не попытаюсь найти ее, я до конца своих дней не прощу себе, что по малодушию своему не сделал все, что в моих силах, чтобы спасти нашу малышку. Молитесь за меня, и да поможет мне Господь.

С этими словами он торопливо зашел в русло ручья и скрылся между густыми кустарниками. Сказать, что мы склонились на молитву, будет очень далеко от истины. Мы просто рухнули на землю – кто на колени, кто просто упал на свое лицо; кто сидя, кто лежа, мы стали вопиять к Богу о спасении папы и Валюшки. Расстелив свой коврик, наш проводник также стал молиться на своем языке. Громко говорить было нельзя, но наши сердца горели молитвами. Я думаю, не каждый день стены церковей слышат такие пламенные молитвы.

Некто хорошо сказал: «Вокзалы часто видят больше искренних поцелуев, чем ЗАГСы, и стены больничных палат порою слышат больше искренних молитв, чем церковные стены». Так и в нашем случае: вставшая во весь рост беда зажгла наши молитвы настолько, что, кажется, я больше никогда так не молилась. Я лежала на земле, и мне казалось, что около моей головы стояли ноги нашего Господа. В подобных случаях слетает вся показная шелуха с сердец, и человек остается один на один с Богом. Мы всем своим существом, сердцем, разумом приникли к Тому, Кто мог спасти нас, и папу, и нашу сестричку.

Когда Валюшка была рядом, все воспринималось буднично. Есть сестренка, славная, подрастает, она была вчера, она есть сегодня и будет завтра. Это воспринимается людьми как само собой разумеющееся. Но сейчас, когда мы понимали, что или наша девочка спасется, или мы ее больше не увидим никогда, молитва была общим криком души о помощи свыше.

Редкий снежок, который начал падать еще при переходе границы, к большой радости нашего проводника, превратился в хороший снегопад. Это означало, что, даже если мы оставили какие-то следы, их уже нельзя будет увидеть. Мороза практически не было, может, один или два градуса, и крупные хлопья снега опускались на землю. Нас это радовало еще и потому, что посторонним людям увидеть папу издалека было уже невозможно.

Каждая минута тянулась, как вечность. Трудно было сказать, сколько времени прошло с тех пор, как папа ушел вниз по ручью. Часов у нас не было; стало уже совсем светло от наступившего дня и от обильно покрывшего все снега. Младшие дети, обессиленные

переходом, уснули прямо на подстилках, и свежий снег запорошил их, как одеялом.

И здесь свершилось чудо! В русле ручья из снежной пелены показался папа, держа в руках сверток с нашей маленькой Валечкой. Описывать сейчас те чувства, ту радость, которая охватила нас, – бесполезно. Скажу, что никогда больше мы не испытывали такой радости в своей жизни. Я не могу вам передать и сотой ее доли. Мы готовы были восклицать так, чтобы было слышно до края вселенной, но могли радоваться только шепотом. Граница была в каких-то полутора километрах от нашего места, а у собак слух очень чуткий.

Папа тем временем, задыхаясь от счастья, рассказал, что нашел Валечку где-то на полпути до границы. Ручей был очень мелкий, небыстрый и довольно извилистый. И вот на одной из этих извилин, по-видимому, когда лошадь поворачивала, она зацепила хурджумом за ветку, и Валюшка выпала. Опиум еще продолжал действовать, поэтому она на заплакала и продолжала спать. (Когда в 1989 году наша семья приехала в Калифорнию, та самая Валечка, спасенная из ручья, уже много лет была кассиром нашей церкви в Брайте. – Прим. авт.).

На этом закончились наши мучения на границе, и уже через несколько дней мы были в Кульдже. Этот город был одним из центров славянских беженцев в Китае. В свое время там обосновались несколько десятков тысяч человек, бежавших от голода и сталинских репрессий. Если бы после Второй мировой войны Китай не «покраснел» и не стал коммунистическим, то, скорее всего, там и поныне была бы большая славянская колония.

За десять с небольшим лет наши люди там неплохо поднялись. Открылось много бизнесов, мельницы, пекарни, мелкие производства, фермерские хозяйства, школы, церкви и т. д. Но приход к власти коммунистов все изменил, и нам пришлось искать спасения в очередной эмиграции. Это было длинное и опасное путешествие через весь Китай в портовый город Шанхай. Оттуда люди уезжали в разные страны мира. Самым желанным местом были США, но попасть туда прямо из Шанхая удавалось очень немногим. Поэтому большинство славян ехали в Южную Америку: Аргентина, Парагвай, Бразилия и другие страны.

Принимали беженцев также и Филиппины. Прошел слух, что с Филиппин легче было перебраться в Америку, и наша семья с группой около семидесяти человек решила пойти этим путем. Кроме того, из Шанхая уже уходили последние корабли, и, спасаясь от солдат Красной китайской армии, мы готовы были ехать куда угодно, лишь бы не остаться под властью коммунистов. Таким образом, времени на раздумье и на какой-то особый выбор у нас практически не было. Никто не давал никаких гарантий, что будет с теми, кто собрался эмигрировать, когда армия Мао Цзэдуна овладеет Шанхаем.

Время подтвердило правильность нашего выбора. Через полтора года пребывания на Филиппинах стараниями одного русского пастора, которому несколькими годами ранее посчастливилось уехать в Америку прямо из Шанхая, мы получили разрешение на въезд в Соединенные Штаты. Имя этого пастора – Петр Амегин-Шелохвостов».

С уверенностью можно сказать, что практически каждый человек из второй волны эмиграции прошел через тяжелейшие испытания. Это тысячи душераздирающих историй, в чем-то схожих, в чем-то разных, – о страданиях, страхе и боли.

Даже приехав в Америку, эти люди должны были много работать, чтобы иметь средства к существованию. Многие из них могли часами описывать свои мытарства. Видя, что нам, как беженцам, давали неплохие пособия, они с затаенной завистью рассказывали нам о тяжелой работе, которую им приходилось делать, чтобы добывать хлеб насущный. В то время они не имели никаких пособий, на все надо было зарабатывать. Хотя и упоминали при этом, что много продуктов можно было получить бесплатно, а на пять долларов (дневная плата в 50-е годы) можно было загрузить полную тележку продуктов в супермаркете. В 90-е все уже стоило в разы дороже.

Третья волна, апогей которой пришелся на 90-е годы, продолжается и поныне. До середины 1990 года в Америку ехали через Вену и Рим. В Австрии и Италии те, кто ехал в Америку по израильским визам, были на гособеспечении. Америка оплачивала пропитание и жилье. Но это касалось только тех, кто направлялся в Штаты или в Израиль. Кто хотел ехать в Канаду, в Австралию и другие места, должны были оплачивать все из своего кармана.

После середины 1990 года в Штаты уже ехали напрямую и с паспортами. До этого времени власти СССР заставляли эмигрирующих отказываться от гражданства (стоило это 700 рублей – немалые деньги по тем временам). Нужно было сдавать паспорта, дипломы, военные билеты, трудовые книжки, а на руках оставался только маленький листочек бумаги, размером с ладонь, – израильская виза. Тем, кто получал эту визу, сообщалось, что при пересечении границы Советского Союза они автоматически теряют гражданство СССР.

Калифорния привлекала высокими пособиями, многочисленными программами помощи и сравнительно недорогим жильем. В городах на побережье океана, таких как Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Сан-Диего, проживание было на порядок дороже, и поэтому Сакраменто начала 90-х был идеальным городом для новых эмигрантов. Полтора часа езды в Сан-Франциско в одну сторону, два часа езды до Лейк-Тахо и Невады в другую, недорогое жилье, а также море разных пособий и льгот для приехавших по статусу беженца. (В то время по этому статусу приезжало большинство). В Калифорнии были идеальные условия для учебы: школы, колледжи, университеты. Если ты брал Fulltime (полная загрузка), то тебе еще оплачивали все юниты (классы), книги, паркинг, талоны на еду. Если были дети, то оплачивали и детский садик. В общем, все мыслимые льготы. Только что на дом за тобой не приезжали, чтобы привезти тебя в колледж!

Удивляло здесь поначалу очень многое. Помню, как, глядя по сторонам, мы невольно повторяли фразу: «Ну, молодцы! Как правильно сделали!» Еще одно было удивительным: тебе везде верили на слово. В самых серьезных офисах, в школах и других местах, когда заполняли какие-нибудь документы, анкеты, заявки на пособия, у тебя не просили предъявить паспорт или какое-то удостоверение. Очень многое записывали просто с твоих слов. Единственное – почти везде был нужен номер твоей социальной карточки, но люди быстро заучивали его наизусть, и карточку показывать было не обязательно.

По приезду мы также удивились, что столицей Калифорнии был город Сакраменто. Это не самый большой город Калифорнии. Лос-Анджелес, Сан-Франциско и другие города гораздо крупнее

Сакраменто. Мы хорошо помнили, что в Союзе столицами обыкновенно становились самые крупные и развитые города. Москва, Киев, Ташкент, Минск – это были города-миллионники. Столица так столица! Но затем постепенно мы узнавали, что в очень многих штатах здесь существует такая же традиция – столицы находятся в гораздо менее населенных городах.

Своей историей Сакраменто во многом обязан временам «золотой лихорадки». Когда в Эль-Дорадо на Американ-Ривер нашли золото, в Калифорнию хлынул поток золотоискателей со всей Америки и из других стран. Новые и новые партии прибывали в Сан-Франциско и по реке Сакраменто плыли до города с тем же названием. Далее уже на лошадях уходили вверх по Американ-Ривер в предгорья Сьерра-Невады, где и находились золотые прииски.

Сакраменто в то время стал перевалочной базой. Намытое золото счастливчики привозили в город и сдавали в банки, которые росли как грибы. Интересно, что за унцию золота в то время платили 18 – 20 долларов, а сейчас унция оценивается как минимум в 1 200-1 300 долларов. Такое вот инфляччо-девальваччо.

Сегодня Сакраменто – это большой современный город с населением более миллиона человек, включая пригороды, которые тесно срослись с основным городом. Здесь, в Штатах, такое сращивание мы видим сплошь и рядом. В Лейк-Тахо, например, граница Калифорнии и Невады проходит по середине городской улицы. Одна сторона улицы – Калифорния, а другая – Невада. Туристам из Калифорнии, чтобы сделать фото в Неваде, достаточно просто перейти на другую сторону.

Еще один немаловажный фактор серьезно повлиял на развитие города. Дело в том, что в Сакраменто пересекаются две трансконтинентальные трассы. 80-й Фривэй пересекает Америку с Запада на Восток. Начинается он в Сан-Франциско и заканчивается в Нью-Йорке. Перпендикулярно ему проходит 5-й Фривэй. Начинается он в Сан-Диего, у границы Мексики, и, проходя все три западных штата, доходит до Канады.

Поэтому для эмигрантов третьей волны в Сакраменто имелось много плюсов. Например, климат, в котором выделяются всего три

времени года: весна, лето, осень (зима в Сакраменто существует только в календарях), недорогое жилье, обилие работы, различные пособия и много других приятных мелочей. Кроме того, здесь уже были две Русские Православные Церкви и две Русские Баптистские Церкви. Всё это, вместе взятое, произвело эффект «снежного кома». Если в середине 80-х годов XX века русских баптистов и православных насчитывалось в сумме около двухсот человек, то сегодня в Сакраменто и окрестностях проживает, по разным подсчетам, от 200 до 250 тысяч русскоговорящих из бывшего Союза.

Сегодня в Сакраменто есть 104 славянские церкви, и некоторые из них довольно крупные даже по американским меркам (до 5 тысяч членов). Хорошо организована славянская диаспора. Есть свое радио, телевидение, газеты, журналы, магазины, агентства, школы, детские садики, море всяких бизнесов, некоторые из них довольно серьезные, с оборотами в десятки миллионов долларов.

Славянское население Сакраменто продолжает расти, и по этому поводу я недавно услышал прикольный анекдот: Сакраменто. 2050 год. По улице едет патрульная машина. Вдруг видят: на тротуаре лежит пьяный. Остановились, подошли, проверили карманы, заглянули в бумажник, и один полицейский говорит другому: «Петро, дывись, яка чудна фамилия: – Джонсон!»

Через Сакраменто прошел большой поток эмигрантов третьей волны, которые затем растеклись по другим городам. Много славян уехало в соседние штаты – Орегон, Вашингтон, Неваду. Поэтому Сакраменто по праву называют столицей эмиграции третьей волны.

Известно также, что Калифорния является Меккой для туристов. Лейк-Тахо, Йосемити, парк Гигантских Секвой. (Некоторые деревья в этом парке старше царя Соломона и имеют высоту более ста метров. Это единственное место на земле, где они сохранились.) Около Сан-Франциско – известная на весь мир винодельческая долина Напа. Лос-Анджелес, Голливуд, Диснейленд, лучшие в мире аквариумы в Сан-Диего и в Монтерее, «Глендейл Мемориал Парк», где находится самая большая картина в мире, городок Эль-Дорадо, Хрустальный собор в Лос-Анджелесе и т. д. и т. п.

Перечисление всех «злачных мест» займет еще много времени, а чтобы посетить все эти места, вам надо прожить в Калифорнии несколько лет. О существовании одного из таких мест мы узнали, уже приехав в этот благословенный Богом край. Надо сказать, что, собираясь в Штаты, мы обладали очень скудной информацией об этой стране. И в этом нет ничего удивительного. В доперестроечном СССР информации о западном мире было очень мало, и в основном она была негативная. Помню в одном из журналов разрывающий душу рассказ «Красные Башмачки». Там злые капиталисты хотели обидеть маленькую, бедную, добрую негритянскую девочку. Знали мы названия нескольких городов; знали, что Америка делится на штаты, и, может, еще что-нибудь по мелочам.

Мы уезжали в Штаты из Узбекистана, и нам было легче это делать, потому что там уже стало «пахнуть жареным». Начались кровавые стычки между турками-месхетинцами и узбеками. Все сомнения развеял начинающий полыхать Таджикистан. Никто не знал, что будет дальше. Хотя война в Афгане закончилась, уровень жизни продолжал падать. В Ташкенте многие продукты давали уже по талонам. Но для христиан важнее было то, что наших единоверцев продолжали сажать в тюрьмы. Имела место откровенная дискриминация на учебе, на работе. Если ты не комсомолец, твои шансы поступить в институт или университет были равны нулю. Верующим дорога к высшему образованию была закрыта. Даже если ты получал диплом о высшем образовании (некоторые учебные заведения можно было закончить заочно), то выше начальника котельной подняться было нереально.

Итак, приехав на нашу новую землю, мы стали открывать для себя новые горизонты. Интересно, что, когда собирался за «бугор», в страну, находящуюся на другой стороне планеты, у меня возник вопрос: а какая там земля? Я никогда не занимался фермерством, если не считать того, что с малых лет каждое лето мне приходилось много времени проводить на пасеке со своим дедушкой Гришей. Пчелы были у всех наших родственников. Это было хорошим легальным подспорьем семейному бюджету. Но вот такой странный вопрос: «Какая там земля?» – почему-то был у меня до самого приезда в Америку.

Наш самолет прилетел в Сакраменто около десяти часов вечера. Нас встретили верующие из Брайтской Церкви, и мы на две недели поселились у тети Шуры Локтевой, которая много рассказывала нам о своей эмиграции.

Мое первое утро в Америке запомнилось одним очень характерным эпизодом. В Брайте росло много ореховых деревьев. Мы приехали туда в конце ноября, и это был сезон созревания грецких орехов. У тети Шуры, у ее соседей и у многих жителей Брайта во дворах росли ореховые деревья. Было, может, часов 8 – 9 утра, и я в первый раз вышел на американскую улицу. Осматриваясь, я увидел, что буквально в двадцати метрах от нашего двора тротуар и обочина дороги усыпаны грецкими орехами.

На улице не было ни души. Подойдя поближе, я поднял с тротуара пару орехов и, раздавив их руками, отведал содержимое. Классные орехи – свежие, спелые. Я подумал: «Как же радуется хозяин дома такому обильному урожаю!» Едва я успел проглотить свою добычу, как со двора вышел мужчина с метелкой и совочком в руках. Мы поздоровались, и он стал сметать свой обильный урожай в одну кучу вместе с листьями и мелкими ветками. Ну, думаю, сейчас он соберет все вместе, а потом отсортирует орехи от листьев. Но не тут-то было.

Дальше меня ожидало первое потрясение. Собрав все в большую кучу, он выкатил бак для мусора и... – о, ужас! – стал все это богатство широким совком загружать туда. Орехов там было, самое малое, килограммов пять, если не больше. Это были не пропавшие орехи – я только что их попробовал. Но вот все они летят прямо в «гарбич». Объяснить это сам себе я не мог, как ни старался, а только остолбенело смотрел, как последние порции орехов исчезают в мусорном баке. Думаю, если бы кто-то сфотографировал меня в этот момент, была бы очень запоминающаяся фотка.

Это было наше первое знакомство с Америкой как со страной всеобщего изобилия. Позже один знакомый американец говорил, что Америка производит и завозит в страну товаров в семь раз больше, чем ей это необходимо. В дальнейшем мы не раз убеждались в правоте его слов. Когда я с вытянутым лицом зашел в дом и рассказал тете Шуре о том, что я только что лицеизрел, она рассме-

ялась и сказала: здесь все так делают. Сидеть и чистить орехи нет ни времени, ни желания, поскольку в магазине ты купишь их очищенными, упакованными и очень недорого. Зачем бить себе молотком по пальцам и ковыряться в скорлупках, если все это будет у тебя на столе в любое время.

Слушая тетю Шуру, я невольно вспомнил забавную историю про Америку: русский и американец заговорили о клубнике. Русский говорит: «Когда в середине мая на базарах у нас появляется клубника, мы ее закатываем в банки на целый год». Затем он спрашивает американца: «А когда у вас появляется клубника?» Тот отвечает: «В 6 часов утра». Конечно, после талонов на продукты и полупустых полок в магазинах то, что мы увидели в Америке, было хоть и ожидаемо, но все же шок мы пережили немалый, как и после этих орехов.

Так день за днем мы знакомимся со страной. Почти всё, с чем мы соприкасались, было для нас новым. Язык, культура, законы, обычаи... Мы будто заново родились, и нас надо было учить жить на земле. Огромной отрадой было то, что американцы очень доброжелательно относятся к новым эмигрантам. Видимо, дело в том, что все в Америке (кроме коренных жителей-индейцев) тоже эмигранты в разных поколениях.

Теперь время вернуться к рассказу об одном весьма знаковом для славян месте, о котором мы узнали уже в Калифорнии. То, что русские когда-то владели Аляской, мы знали еще из истории, но что русские в течение нескольких десятков лет владели довольно приличной территорией в Калифорнии, – это было для нас открытием. Называется это место Форт Росс, или Русская Крепость. Сейчас оно является частью территории Национального Парка Калифорнии.

История эта началась в 1812 году, когда после долгих поисков Русско-Американская Компания купила у индейцев племени Кашайа-помо большой кусок земли на берегу Тихого океана, в 80 километрах севернее Сан-Франциско. По некоторым данным, за это индейцы получили три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус.

Так возникла самая южная русская колония в Северной Америке. Создавалась она как сельскохозяйственное поселение для снабжения Аляски продуктами питания. До сих пор окрестные места носят названия, сохранившиеся еще с тех времен. Залив Бодега раньше назывался заливом Румянцева. Неподалеку протекает речка, которую поселенцы назвали Славянкой, сейчас ее называют Русская речка (Russian River). Неподалеку есть небольшой американский городок под названием Севастополь. Ну и, конечно, центр внимания туристов – сама крепость. Ее бережно реставрировали, сохранив оригинальное расположение построек, а единственным строением, оставшимся с тех времен, является дом последнего русского коменданта Ротчева.

Очень скоро крепость Росс стала основательным поселением. Русские умельцы построили ветряные мельницы, склады, пекарни, кузницы, бани, винный погреб, делали мебель, двери, рамы, телеги, колеса, бочки, обрабатывали железо и медь, посадили фруктовые сады, виноградники, строили корабли и продавали их испанцам. В заливе Румянцева был построен порт, в котором товары загружались на корабли. Были созданы три фермы (ранчо), где разводили скот. В 1841 году поселение перестало быть рентабельным, и его продали американскому предпринимателю Джону Саттеру.

Каждый год Форт Росс посещает около 150 000 человек. Происходят разные культурные события, наиболее значительным из которых является День культурного наследия. Проводит этот праздник каждый год в последнюю субботу июля русская община Калифорнии. В программу включены православная литургия, стрельба из старинных ружей и пушек, выступления музыкальных и фольклорных коллективов. Готовят борщи, пекут блины, кругом одетые в старинные русские наряды женщины и мужчины, детей и взрослых учат вязанию, вышиванию, плетению корзин и лаптей... В общем, впечатлений после этого праздника у людей хватает надолго.

Как новоиспеченные жители Калифорнии, мы с большим интересом ездили во многочисленные парки нашего Штата. Форт Росс мы полюбили сразу. От Сакраменто ехать туда около четырех часов. Проезжаешь Санта-Розу, затем Севастополь, далее вдоль Ра-

шен-Ривер до залива Бodega, и там уже рукой подать до самой крепости. С началом третьей волны эмиграции количество посетителей Дня культурного наследия значительно увеличилось, и приезжать надо было пораньше, чтобы занять удобные парковки.

Была последняя суббота июля 1997 года. Наша группа из пяти автомобилей, в которых поместилось около двадцати пяти человек, приехала на этот праздник. Добрались без проблем и скоро растворились в пестрой толпе участников и туристов. В нашей компании был и патриарх семьи Мысиных – Сергей Александрович. Ему уже перевалило за восемьдесят, но он наравне с молодыми не упустил случая поехать на природу. Особенно любил горы. Любые. В горах он, несмотря на возраст, мог одолеть любые тропы. Пятнадцать–двадцать километров были для Сергея Александровича нормой жизни. Худощавый, подтянутый, он уже более сорока лет не употреблял никакого мяса, но рыбу уважал.

Этот День культуры благодаря Сергею Александровичу все присутствующие запомнили надолго. Ни до, ни после такого в Форт Росс не бывало. Расположенная на берегу Тихого океана крепость огорожена со всех сторон четырехметровыми стоящими вертикально брусками из секвойи. Между крепостью и океаном простирается довольно просторная поляна, метров на двести пятьдесят, а затем начинается обрывистый склон к воде. Нельзя сказать, что склон ужасно крутой, но неопытному человеку легко можно кувыркнуться вниз и покалечиться.

Гулянье было в самом разгаре. Сергей Александрович походил по крепости, послушал музыку, отведал русских щей и решил немного проветриться. Неспешно пройдя поляну, он постоял у обрыва и потихоньку спустился вниз к океану. Пробыв там еще некоторое время, он так же неспешно стал подниматься вверх по склону. Одолев около половины пути, он вдруг услышал сверху громкие голоса на английском языке.

К сожалению, английский язык Сергей Александрович за это время выучить не смог. Поэтому недоумевающе смотрел на группу встревоженных американцев, которые что-то кричали ему сверху и жестикулировали. По всей видимости, они, как и Сергей Алек-

сандрович, вышли подышать свежим океанским бризом. И, подойдя к берегу, увидели на середине обрыва беспомощного, как им показалось, дедушку, который, конечно же, по неосторожности упал вниз, и теперь старается выбраться.

Сергей Александрович подумал, что он, наверное, нарушил какие-то правила. Может, вниз спускаться нельзя было без разрешения. Нерешительно он пытался продолжить подъем, но как только он делал несколько шагов, американцы сверху начинали усиленно что-то кричать и махать руками. Сергей Александрович возвращался на прежнее место, и крики сверху стихали. Так он несколько раз пытался подняться, и всякий раз крики и жестикуляция заставляли его возвращаться на то же место.

Тем временем про эту драму узнали в крепости. Музыка, представления – все остановилось, и народ хлынул к краю поляны, осознав, что случилось что-то ужасное. Побежала к берегу и наша группа, слыша на ходу обрывки разговоров: «Да, упал с обрыва... нет, кажется, еще дышит...»

Протолкнувшись к краю обрыва, мы остолбенели: это же наш дедушка стоит там и испуганно смотрит по сторонам, не понимая, чего от него хотят. Толпа растет с каждой минутой, и все больше и больше людей машут руками и кричат: «Донтмув! Донтмув!» (Не двигайся! Не двигайся!). Тут Сергей Александрович, вконец перепуганный и смущенный, увидев своих дочерей и зятьев, стал спрашивать, что ему делать. Девчонки стали кричать ему: «Папа, не двигайся! Папа, не двигайся!» Американцы подхватили и тоже стали кричать: «Папа, донтмув! Папа, донтмув!» В общем, переполох получился немалый.

Видя, что дедушка не на шутку перепугался, наш зять Василий осторожно спустился к Сергею Александровичу, чтобы поддержать и помочь ему выбраться. Когда он стал спускаться, толпа замерла, и как только он добрался до дедушки, весь берег взорвался аплодисментами в адрес Василия за такой героический поступок. Но едва Василий с Сергеем Александровичем стали подниматься, весь берег опять взорвался криками «папа, донтмув!». Теперь уже и Василий не мог понять, чего от них хотят.

Оказывается, сердобольные американцы с перепугу уже вызвали спасателей, и с минуты на минуту должен прилететь вертолет с бригадой спасать нашего дедушку. И в самом деле, буквально через пару минут все услышали характерное стрекотание, и над нашими головами стал кружиться вертолет, из открытой двери которого виднелись фигуры спасателей.

Подоспевшие полицейские раздвинули по сторонам людей, и вертолет, ужасно грохоча, приземлился на середину поляны. Спасатели в жилетах, сверкающих закрепленными к ним скобами и защелками, выскочили из кабины, подошли к обрыву, оценили обстановку и, вернувшись к вертолету, стали готовиться к операции. Один из них пристегнул себя к прочному канату, и вертолет взлетел, а затем начал медленно опускаться к нашему перепуганному дедушке. Оказавшись рядом, спасатель надел на Сергея Александровича жилет, пристегнул к себе ремнями, обхватил руками, и под бурные аплодисменты и победные возгласы присутствующих дедушку опустили на середину поляны. Эту же процедуру проделали и с Василием.

Шум, поздравления, аплодисменты, объятия, фотографии – вся поляна просто бурлила от радости, что эта драма закончилась как в индийском кино. Василий со смехом вспоминал, что он первый раз в жизни летал на вертолете. Когда ликующая толпа вернулась обратно в крепость и веселье продолжилось, Сергей Александрович, выждав немного, спустился к воде и поднялся обратно, бурча себе под нос: «Чего тут панику подняли? Да мне такие склоны, как семечки...».

Андрей Нейфельд

*Все друзья по соседству,
Каждый был нам родным.
Чёрно-белое детство
Всё же было – цветным.*

Андрей Нейфельд родом из Караганды. Родился в 1960 году. Сейчас проживает в штате Миннесота. «Любовь к поэзии замечали у меня ещё в детстве, – говорит автор. – Моя мама была очень творческим человеком, видимо, что-то унаследовал от неё. Но писать стихи более систематически стал с 1996 года. Примерно в это же время организовал при церкви в городе Прохладный (это в Кабардино-Балкарии) литературный кружок, и через несколько лет начали издавать христианскую литературную газету «Благоухание»... В 2001 году семья Андрея переехала в Америку, и здесь он на протяжении 15 лет проводил рабочие творческие вечера авторской песни. Долгое время писал тексты для песен. Их уже около семисот. Сейчас Андрей пишет в основном стихи. В 2016 и 2017 годах были изданы два сборника его стихов: «Строкой и между строк» и «Время собирать камни». Принимает участие в творческой социальной сети «Поэмбук».

Любить возможно Бога и людей...

Любить возможно Бога и людей,
Всё остальное может только нравиться.
Найти свой путь из множества путей,
А коль не так, то вовремя исправиться.

Определите свой приоритет,
И пусть ничто не станет вашим идолом.
Скажите, кто для вас авторитет,
Кумиров ныне видимо-невидимо.

Опасно в жизни что-то обожать,
Пусть оно вам, ну, скажем, очень нравится.
Старайтесь божьим Богу угождать,
Чтоб от ошибок по пути избавиться.

Мы в мире, где стандарт, увы, размыт,
Слова, что нами часто применяемы,
Теряют свой оригинальный смысл
И не всегда взаимозаменяемы.

Слова имеют силу, уж поверь,
Наговорив, достигнут вас последствия,
Которым сами вы открыли дверь,
Не удивляйтесь, коль приходят бедствия.

Пусть благодать слетает с ваших уст,
Ведь есть всему своё определение.
Не забывай, в них есть и вес, и груз,
И каждому из слов своё значение.

10/22/2021

А всё таки жаль

А всё-таки жаль, то что детство ушло,
Пора босоногая вдаль улетела.
Лишь в памяти скромное место нашло,
И мы напрягаем её до предела.

Отрочества годы в конфликте с собой,
Где каждый из нас побывал в жизни крайним.
Где был в одиночку, но всё же с толпой,
На опыте понял, что значит – «на грани».

О детстве далёком мы помним с теплом,
Где в дом не загнать нас с утра и до ночи.
И если гоняли, то уж с ветерком,
И делали то... То, что каждый захочет!

Дерзали мечтать и мечты воплощать,
Без гаджетов, спайса и даже инета.
Мы жили – и всё, и старались прощать,
И не была дружба разменной монетой.

Нас жизнь научила иметь и терять,
И мы закалялись, так значит в ответе.
Нам есть то, что вспомнить, и что передать,
Уже повзрослевшим, но всё-таки детям.

Бумага всё стерпит

Бумага всё стерпит,
Ей боль не знакома.
В земной круговерти,
Набита оскома.

И если позволишь
Себе слишком много.
Уже не поспоришь
С написанным слогом.

Бумага всё стерпит,
Но стерпят ли души.
Кто будет в ответе,
Чтоб всё это слушать?

И прежде, чем слово
Излить на бумагу.
Что доброго, злого
Чернилами лягут?

О жизни иль смерти,
Душа продиктует.
Бумага всё стерпит
И в пламя раздует.

Сложно разобраться

В наше время сложно разобраться,
Где же правда, но а где обман,
И чего нам всё же опасаться,
А к чему тянуться нужно нам.

Где найти ответы на вопросы,
Что тревожат душу день и ночь.
Кто от бед осушит наши слёзы,
Силы даст, когда не превозмочь?

Стоит ли оно твоих стараний,
Перед кем держать тебе ответ.
И возможно ль избежать страданий
В обретении своих побед.

Кем сценарий пишется для судеб,
И насколько вправе изменить
Мы его, и кто нас в том осудит,
Или же, напротив, извинит.

Если ж неприятности постигнут,
И тебя в бараний рог согнут,
Обстоятельств страхами настигнут,
Знай, что иногда и факты лгут.

Душу разверни свою пред Богом,
Чтобы в этом мире не блуждать,
Станет светлой для тебя дорога,
Чтобы день грядущий ожидать.

Заскрипит половица

Заскрипит половица,
Петухи ль запоют, –
Снова детство мне снится,
В босоногом краю.

Я из шестидесятых,
Это было давно...
Так, на скорую снятых,
В чёрно-белом кино.

Колыхнёт занавеска,
По росе босиком.
Беззаботное детство,
Мамка с папкой и дом.

Там я был настоящий,
С крыш гонял голубей.
Даже сахар был слаще,
Небосвод голубей.

Словно с детства страница,
Мне напомнит о том...
Заскрипит половица,
В нашем доме простом.

Все друзья по соседству,
Каждый был нам родным.
Чёрно-белое детство
Всё же было – цветным.

Зачем живём

Зачем живём на свете,
Да и планету топчем.
И кто за жизнь в ответе,
Спрошу вас, между прочим.

Но не спеши ответить,
Вопрос один из главных.
Ведь ты на этом свете
С проблемами на равных.

За что живём и терпим
Себя, соседа, близких...
Мы ломимся сквозь дебри
И повышаем риски.

Уж если нам судьбою
Дано прожить на славу –
Не следуй за толпою,
Живя, живи по праву.

А как живём, признайте,
Скорее выживаем.
Пред небом осознайте:
Мы время убиваем.

Пока что шанс даётся
Использовать все квоты,
Душа пусть не сдаётся
Прожить как надо годы.

Каждый из нас

Каждый из нас виновен во всём,
Каждому выбор даётся и право.
Может быть мир красотой не спасём,
Что утопает в обмане кровавом.

Беды вселенские не укротить,
Это не мы нажимаем на кнопки.
Крайних искать и порой находить,
Но а себя же выносим за скобки.

Хочешь не хочешь, а платишь оброк,
Жизнь лишь одна, и не стоит сдаваться.
Круг полномочий довольно широк,
И безучастным нельзя оставаться.

Кто-то хотел проскочить карасём,
Мол, не при чём, коль повсюду разруха.
Каждый из нас виновен во всём,
Коль не считался с призывами духа.

Делай, что можешь, не стой в стороне,
Тот, кто идёт, одолеет дорогу.
Не отдавай же себя сатане,
А предоставь свои действия Богу.

Как много говорим

Как много говорим мы о любви,
Как мало её в жизни проявляем.
А ценим лишь тогда, когда теряем.
И шанс для нас уже неуловим.

Мы видим лишь любовь со стороны,
Не лучше ль перейти от слова к делу,
Противоставши злу и беспределу,
Не торговаться с ней насчёт цены.

Как много о любви мы говорим,
На деле же её так не хватает.
И от того надежда в сердце тает,
И мы уже как прежде не горим.

Не трогает до слёз чужая боль...
Но почему для вас она чужая?
Мы, чью-то жизнь при этом разрушая,
Не лём бальзам, а сыпем в раны соль.

Любовь свою начните проявлять,
Пусть светится в глазах – любовь от Бога.
Она изменит жизнь, уйдёт тревога,
И вашей жизнью будет управлять.

Можно

В госпитале, среди всех больных,
Там лежал мальчишка одинокий,
Видно было всем со стороны,
Что не поберёт вот эти ноги.

Таяла свеча, он угасал,
Так заметно силы покидали.
Губы в кровь отчаянно кусал,
Оттого и все вокруг страдали.

Тётя Лена, то есть медсестра,
Гладила ребёнка по головке.
Он спросил, преодолевая страх,
Были те слова по-детски робки.

«Можно, я сегодня не умру?
У меня в субботу день рожденья.
Я все слёзы быстренько сотру,
Это ведь ещё не поражение».

Только можно мне ещё пожить?
Ну хотя б ещё, ещё неделю.

Нужно мне немножко поспешить,
И закончить всё, что я сумею.

Мне так нужно пару дней дожить,
Чтоб ещё раз встретиться с сестрёнкой.
И задачку сложную решить,
И спасти кого-то от подонка.

В мире столько неотложных дел,
Кто же с этим справиться сумеет...
Я, конечно, очень бы хотел,
Есть же, кто здоров и не болеет.

Я хотел бы стать потом врачом,
Помогать всем тем, кто очень болен.
То, что я болею, не при чём,
Главное, чтобы исчезло горе.

За окном, наверно, хорошо..
Пацаны сейчас в футбол играют.
И как хорошо, когда ещё
У тебя твоё не забирают.

Я мечтаю, но не за себя,
За других девчонок и мальчишек.
И хочу, чтобы у всех ребят
Было много хлеба, игр, книжек.

Чтобы «Детский» всё же домом был,
Не казённой, серою казармой.
И от сердца кто-нибудь любил,
Чтобы каждый встретился бы с мамой.

Я хочу от сердца всех простить,
Мне осталось жить совсем немного...
Нету силы боль переносить.
Я уже хочу увидеть Бога»...

Он ещё неделю пережил.
Радовался каждой новой встрече.
Пусть не всё, что думал, совершил,
Но собой зажёт другие свечи.

Тётя Лена слушала его,
Искреннюю исповедь ребёнка.
И в душе молилась за него,
Отойдя немножечко в сторонку.

Мальчика не стало поутру...
Слёзы вытирала осторожно.
«Можно, я сегодня не умру?»
И она сказала тихо: «Можно».

Мы одинаково разные

Мы одинаково разные –
В каждом скрывается клад.
Искренние, безучастные,
Врозь только вот, все подряд.

В разности есть преимущество,
С жизнью один на один.
В этом же скрыто могущество,
Раб ты или господин.

Дни словно мрак или ясные,
Выбор, поверь, за тобой.
Мы одинаково разные,
Лишь бы не слиться с толпой.

Пусть не пугают вас сложности,
Бедам нас не одолеть.
В каждом довольно возможности,
Чтобы не тлеть, а гореть.

И, пробираясь нехоженой
И одинокой тропой–
В чём-то с тобою похожи мы,
Только вот каждый – другой.

Милые иль безобразные,
Каждому место нашлось–
Мы одинаково разные,
Чтобы не скучно жилось.

Не спеши

Кто понял жизнь, тот не спешит,
Всё происходит в своё время.
И от себя он не бежит,
И не торопится со всеми.

Всему есть время и свой срок.
И пусть сценарий не известен–
Но переступит он порог
И в должный час, и в нужном месте.
Не опоздает за судьбой,
Покой и мир – его визитка.
Не будет для других судьёй,
Наполнен жизнью до избытка.

Средь бури грозной иль в тиши,
Себя на месте он находит
Кто понял жизнь, тот не спешит,
Он вовремя всегда приходит.

Неотправленные письма

Словно молчаливый крик,
С болью, но без компромисса, –
Неотправленные письма,
Тайны прячущий дневник.

Плод твоей борьбы и слёз,
Где ты сам себе, возможно,
Задаёшь вполне серьёзно
Риторический вопрос.

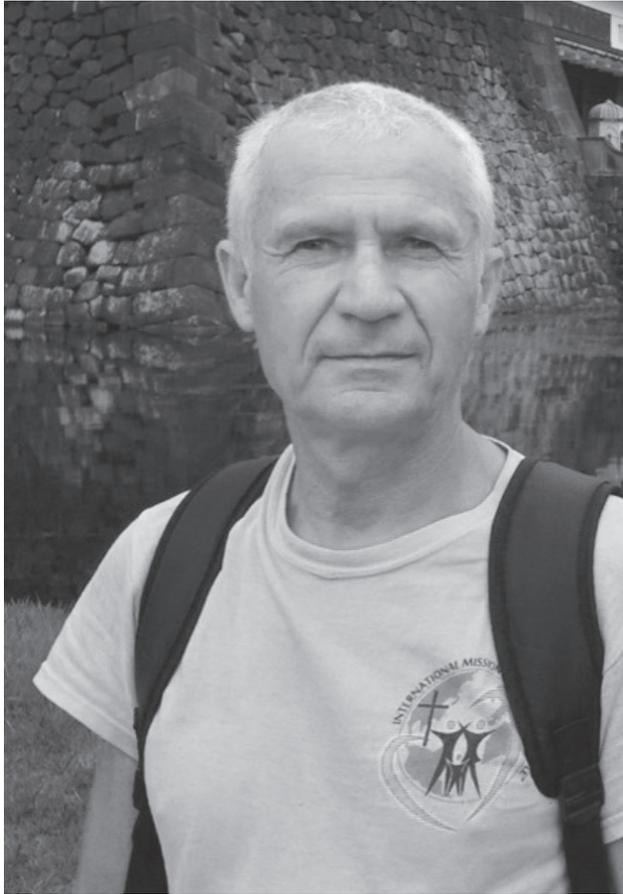
Где порою чуть дыша,
В споре ты с самим собою.
В откровенности с судьбою
Раскрывается душа.

Только всё же ты решишь,
Вырази себя, так надо.
В письмах, что без адресата,
Недосказанная жизнь.

Напиши свои мечты,
И вложи себя в те строчки.
Запятые или точки, –
Всё расставится над «И».

Вылей радость или боль,
Чтобы ровно сердце билось.
Выплесни, что накопилось,
Ощувив победы соль.

Пусть же светятся глаза,
Жизнь наполнив новым смыслом...
Неотправленные письма
Прочитают небеса.

Павел Озерков

*Десять лет мы идем по Камчатке.
По тропинкам и пыльным дорогам,
Проповедуя принципы Бога.*

Поэт Павел Озерков родился 24 ноября 1961 года в совхозе «Комсомольский» Павлодарской области Казахстана. Его бабушка и мама были бесстрашными уличными Христовыми проповедницами.

Бабушка при Сталине получила за это 10 лет лагерей, а мама лишалась работы и жилья, имея маленьких детей.

Павел покаялся и крестился после армии в 1983 году в Алма-Атинской церкви.

Сразу стал проповедовать Слово Божие, как миссионер и евангелист.

Стихи начал писать в 14 лет, с детства зная много стихов наизусть из школьной программы, запоминал, когда старшие братья и сестры учили их для школы, а он слушал, что потом пригодилось ему при учёбе в школе.

В США живёт с декабря 1990 года.

В 1992 году рукоположен на пастора русской баптистской церкви города Миннеаполиса.

При этом не оставлял работу по своей специальности как плотник – возводил и ремонтировал дома, что делает и по сегодняшний день. Последние 12 лет летает миссионером на Камчатку, где также строит и ремонтирует церковные помещения, при этом проповедует, проводит детские и молодёжные лагеря.

Также с миссионерской целью посетил множество стран мира: Ливан, Перу, Коста-Рику, Германию, Украину, Голландию, Грецию, Францию, Италию.

С детства любил книги об американских индейцах, в Америке сбылась мечта проповедовать им о Христе, посещая индейские резервации в США и Канаде.

Написал 10 книг, из них уже изданы четыре, остальные в процессе издания.

Недавно переложил в стихах Песню Песней, и эта Библейская Книга зазвучала на русском языке с новой силой.

«Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех людей, за царей и за всех начальствующих, чтобы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу...»

Письмо Президенту России

Честь и мир Президенту России!
Да умолкнут земные стихии
И утихнут жестокие грозы,
И нападки, и зло, и угрозы,
И растают суровые тучи
В синем небе России могучей.
Причинённое Вам беспокойство
(Есть такое души моей свойство).

Да найдёт от души снисхожденье,
А желанье моё и стремление
Побеседовать с Вами немного.
Вы письму моему, ради Бога,
Как отец, уделите вниманье,
Отнеситесь к нему с пониманьем,
В нем народа печальные стоны,
Слез непрошенных капли и тонны.

Зная дьявола злые порядки,
Десять лет мы идем по Камчатке.
По тропинкам и пыльным дорогам,
Проповедуя принципы Бога.
Бой ведем с пустотой и грехами—
Молотком, песнопеньем, стихами,
Одеваем раздетых, холодных,
Кормим хлебом и Словом голодных,

Строим церкви и ходим в походы,
И на лоне камчатской природы
Жарким летом под небом Камчатки
Возле озера ставим палатки.
Без остатка с любовью и смело
Мы себя посвятили всецело

Многоликим народам камчатским
И святым отношениям братским.

К нашим братьям и сестрам по вере
Создаем простое доверие.
Сколько было приятных общений,
Ароматных чаев, угощений,
Оленины, ухи из чавычи,
Комарам было столько добычи,
Что хватило на всех без остатка.
Нам родимую стала Камчатка.

Были часто с медведями встречи,
И давили, давили на плечи
Рюкзаки с дорогим провиантом,
Где Евангелье было гарантом.
Много сделать еще мы хотели,
Но, увы, не смогли, не успели:
Президент и Российская Дума
На пороге убогого чума

Положили закон неприятный,
И к просторам земли необъятной
Преградили святую дорогу
Тем, кто вел не к бутылке, а к Богу,
Чтоб не слышали больше народы
Чудный голос небесной свободы,
Чтоб пред дьяволом спины сгибали,
И во мраке греха погибали.

Принимая такие законы
Вы загнали бездушно в загоны
Самых светлых героев России,
Чтущих имя святое Мессии,
Тех, кто свято и чисто молился,
И за вас перед Богом постился,
Ваши нужды пред Небом слагая,
И России родной помогая,

Кропотливо работал при этом,
Был для близких примером и светом.
Кто, скажите, помог наркоманам?
Вы бы дали медаль христианам,
Чем законом пугать небывалым.
Христиане идут по подвалам,
Где сегодня несчастных навалом,
И спасают на смерть обречённых,
Хулиганов и бывших учёных.

Лезут в бочки, колодцы, притоны,
Где коварные мега-питоны
Душат тело и душу калечат.
Моют, бреют, питают и лечат,
Учат верить, любить и трудиться,
Учат Богу Живому молиться.
Им подвластны дурман и отравы.
Разгоняйте теперь, ваше право.

Кто помог беспризорным мальчишкам,
Тем, кто в норках подобно зайчишкам,
В девяностые годы ютились,
И от холода злого крутились,
Тихо плакали, Богу молились.
Кто приюты открыл шаромыгам?
Строить долго, сломать можно мигом!

Кто контейнеры слал из-за моря?
Наши люди, познавшие горе,
Не поднявшись на ноженьки толком,
Не смотрели на родину волком.
Позабыли и тюрьмы, и узы,
И во имя Христа Иисуса
Взялись дружно за дело святое.
Запрещайте, как в годы застоя...

Ваш закон из чреды провокаций,
Под предлогом спасения наций,

Кто-то ищет усердно момента,
Подстрекая на то президента.
Кто-то завистью черною дышит,
Если правду и видит, и слышит,
Спать спокойно не может на лоне,
Это было уже в Вавилоне,

Это – Дария злые сатрапы
Растопырили жадные лапы,
Чтоб поймать и сразить Даниила,
Дух высокий был в муже и сила:
«Нам его уловить невозможно
Служит он и живет осторожно,
Бога чтит и царя почитает,
Свой закон исполняет, читает.

Нужно что-то найти в их законе...»
Это было уже в Вавилоне.
И нашли, выбираясь из круга
И заставили хитростью друга
Против друга идти, против брата,
Осудив и слугу, и солдата.
Даниил в львином рве оказался,
Царь и кушать, и пить отказался,

И всю ночь на постели терзался,
А на утро над ямой склонился.
Гласом жалобным в тьму обратился:
«Даниил, раб Великого Бога,
Ты служил Ему свято и строго,
Он, создавший и море, и сушу,
Защитил ли от львов твою душу?»

И ответил муж духа и веры
(это было до нынешней эры),
Зная силу небесной опеки:
«Да живет господин мой вовеки!
От когтей и зубов кровожадных

Он, меня предызбравший однажды,
Сохранил Своей властью безмерной,
Я служил ему свято и верно.

Да и перед тобой повелитель,
Вавилонского царства хранитель,
Никаких преступлений не сделал»,—
Отвечал Божий праведник смело.
Ситуация эта не нова,
Так гласит Всемогущее Слово.
Вот и мы в западню угодили,
Нас заочно уже осудили.

Ваш закон предвещает гоненье
Миллионам, познавшим спасенье.
Что ж, пусть гонят нас прочь, непокорных,
Энергичных, смиренных, проворных.
В лагеря в Магадан исторгают,
На кострах инквизиций сжигают,
На кресты и столбы прибивают,
Возле вырытых ям убивают.
И при этом пусть милые знают,

Проклинать мы за это не будем,
Все простим от души и забудем.
И за всех будем снова молиться,
И для Бога, как прежде трудиться.
Мы гоненья на практике знаем
И о них иногда вспоминаем,
Наших пламенных братьев по вере
Разрывали голодные звери.

Аплодировал Рим представленьям,
Одобрив святых убиенье.
По закону железного Рима
Церковь будет повсюду гонима.
И убогое средневековье
Обливалось невинною кровью,

Объявив непокорных врагами
И в чертей безобразных с рогами

Тех, кто правду искал, одевало,
Било, мучило, жгло, убивало.
По кровавым следам Яна Гуса
Миллионы за имя Иисуса
Шли бесстрашно на пытки и казни,
Как на самый торжественный праздник.
А Россия, царица народов,
По указам «святого» Синода
Разве мало людей погубила?
У Синода и право, и сила.

Он решает, как нужно молиться,
Где и как поклоняться, креститься,
С кем общаться и с кем не водиться.
Он заведовал всеми делами,
И, гремя по тайге кандалами,
Шли на каторги сестры и братья
Испытаньям суровым в объятья.

Туркестан, Гирюсы, Беломорье,
Томск и Омск, и Сибири нагорье
Пенье слышали узников Божьих,
Пролагающих путь в бездорожье.
А Советский Союз нерушимый
На пути своем храмы крушимый,
По указам стального Генсека
В небывалых репрессиях века,

Сколько душ уничтожил несчастных,
За врагов их считая опасных.
Лагерями страну украшая,
Кровью чистой поля орошая,
Кровь убитых была семенами
Поднимая спасения знамя.

Мы прошли через тюрьмы и узы,
Силу черпая в ранах Иисуса.

А Никита, с душой атеиста,
Он последнего в мире баптиста
Обещал показать на экране.
Но живут на земле христиане.
Даже сын его за океаном,
Предпочтенье отдав христианам,
Церковь Божью порой посещает
И отцу беззаконье прощает.

Не сумели земные Нероны,
Охраняя кровавые троны,
Попирая в грязи Кровь Завета,
Устоять против вечного света.
Ни Хрущев, ни Андропов, ни Брежнев.
А Евангелие Божье, как прежде,
Растекается славно по свету,
Освещая земную планету.

Мы гоненья на практике знаем,
Если нужно, о них вспоминаем.
Ваш закон актуальный и нужный,
Его облик обычный, наружный, –
Он достоин людского вниманья,
Но внутри он лишен пониманья.
Под гребенку борьбы с экстремизмом,
С терроризмом и всяким фашизмом,
Попадает хорошее тоже.
Помоги вам Всезнающий Боже!

Вам решать, вас поставил Всевышний,
Кто вам нужен, а кто у вас лишний,
Вам решать, кто стоять будет рядом,
Будет кто человеком, кто гадом.
Кого можно исторгнуть по праву,
Обедняя родную державу.

Сколько наших людей за границей,
Убежавших, чтоб Богу молиться,
Так как мать научила когда-то,
В Нидерландах, Германии, Штатах,
На программу по их возвращенью
Смотрят беженцы с неким смущеньем.

Как поехать туда, где не ждали,
Люди просто бояться устали,
Ваш закон нас молчать заставляет
И до боли души оскорбляет.
Как молчать человеку от Бога,
Если рядом безбожия много,
Если люди, себя называя
Христианами, Бога не зная,
Пьют, гуляют, ругаются матом,
Как не быть в этом мире набатом?

Как молчать, когда нашу Камчатку
Супостаты земли по порядку
Грабят, рубят коварно и жутко,
О своих помышляя желудках,
Строят дачи и виллы пройдохи,
А народу – несчастные крохи.
Вам об этом никто не напишет,
А во мне еще праведность дышит.

Как молчать, если русские вещи–
Молотки, гвоздодеры да клещи
Не берет покупатель на горе, –
Ищет то, что везут из за моря.
Когда банкой, кульком из Европы
Засоряют поляны и тропы.

«Доширак», помидоры, оладьи...
Неужели так трудно наладить
Производство у нас на Камчатке?
Разогнался – поборы да взятки,

Не дают мужику раскрутиться.
К счастью есть на земле заграница.

Вот и тащут нитраты, отравы.
А вокруг высоченные травы
И холодные чистые реки.
Слава Вечному Богу вовеки!
И совхозов немые гробницы.
Умереть не дают «заграницы»:
Чешский бисер, тряпьё из Китая...
Что с тобою, Россия святая?

Даже кожицу для сувенира
К нам привозят из третьего мира,
Когда рядом олени гуляют.
Обстоятельства не позволяют
Заниматься своим производством,
Кто виновен: мужик, руководство?
Что касается троп и полянок –
Нечистот человеческих, склянок,
Тут пора применить уже палку,

Ведь земля превращается в свалку.
Знак стоит обращённый к народу:
«Берегите родную природу!»
Прям под знаком насыпят, навалят,
Пластик едкий безжалостно спалят,
И уйдут, не подумав про внуков,
А природе – страданье и мука.
Тут, наверное, все виноваты–
И народ, и земли супостаты.

Те уйдут и с собой не прихватят,
А начальству за это – не платят.
Денег нет на контейнер для свалки,
Вот и валят в Толбачик и в Малки,
Гадят щедро зимою и летом,
Места много, зачем туалеты.

Когда сѣла прямою наводкой
Разрушаются пагубной водкой,
Среди белого дня вымирая,
Как молчать, на такое взирая?
Ительмены, эвены, коряки
Растворяются в пагубном мраке.

Не спасут их от полного краха
Ни российский «Буран», ни «Ямаха»,
Ни культуры народной программы,
Ни продуктов несчастные граммы.
Власть греха кровожадна, опасна,
И она никому не подвластна.

Лишь Евангелья мощная сила
Станет крепкой стеной над могилой,
И народы, послушные Богу,
Возвратит на прямую дорогу.
Я могу привести вам примеры,
Когда нации силою веры

Поднимались из праха. И снова,
Разрывая неверья оковы,
Оставляя порок, возрождались
И числом, и умом умножались.
Как молчать, когда люди без воли
Утопают в реке алкоголя.

Когда глазки эвеночки Светы
Смотрят жадно в ларьке на конфеты.
Их купить бедолажка не может—
Мать пьянчуга, о, Господи-Боже...
Если выживет, будет как мама,
Пить, курить среди прочего хлама

И умрёт в тридцать пять незаметной,
Без мечты драгоценной, заветной.
Но у Светы есть чудо-надежда,

Та, что лучше конфет и одежды,
Света к нам на общенье приходит
И с друзьями спасенье находит.

Умоляю, жестокой гребёнкой
Не губите надежду ребёнка!
А по всей необъятной Камчатке
Сколько их, зная горя начатки,
Среди белого дня голодают,
За столом своим недоедают,
У витрин разноцветных страдают.

Что ж я должен, с душою удава,
Промолчать без особого права,
С беспризорными не поделиться,
Как же мне до такого скатиться?!
Вот Олег престарелый из Эссо,
Он работал охранником леса
Сорок лет на убогой савраске,
А теперь – в инвалидной коляске.

Бедолага без ножек страдает,
Диабет роковой доедает,
От России и от соцопеки
Начисляется в месяц калеке
Десять тысяч и триста рублями,
Когда цены с большими нулями.
Да и те не дают ему в руки –
Все съедают до тла соцслужги.

Вот и стонет бедняга без хлеба.
А над ним – необъятное небо,
А под ним – бездна ада глухая...
Ваша заповедь – больно плохая...
Ни помочь, ни спасти, ни покаять,
Но уже ничего не исправить.

Значит, мне, вероятно, придется...
Дай Господь, может все обойдется,
Ваш нелепый закон нарушая,
Обреченную душу спасая,
Посетить бедолагу в квартире,
Чтоб ушел в благодати и мире.

Или кто-то в палатке иль в чуме,
Или в офисе, или в Госдуме
Принимает слепые решения,
Обрекая людей на лишение.
Не смолчит равнодушно про это
Дух и сердце живого поэта.

Миша Лермонтов – юный коллега,
Был героем большим, не калеккой,
Потому и писал он однажды:
«На судилище явится каждый,
Божий суд не доступен для злата»...
Будьте твердыми, Божьи солдаты!

Вот и я согласился сегодня,
Нет, не сам, а по воле Господней
Написать вам такое посланье
В наставление и в назиданье.
В управленьи страной необъятной
Бога бойтесь и будет приятно
Небу ваше земное правленье,
Ваши чаянья, ваши стремленья.

Не теряйте Писаний из виду.
И великий Господь, как Давиду,
Даст вам мудрость и силу, и славу,
И великую нашу державу
Утвердит над бушующим миром,
Разрушая неверья кумиры.
Не стесняйтесь склоняться пред Небом,
И Господь вас одарит и хлебом,

И дождями, и солнышком ясным,
И здоровьем, и миром прекрасным,
Удалит саранчу и болезни,
И душевные русские песни
Воспоют президента величье.
Берегитесь слепого двуличья.

Бог царит над царями Могучий,
И поэтому кто-то сквозь тучи,
Со слезою непрошенной жгучей,
Отослать может жалобу к Богу,
В сердце пряча глухую тревогу.

Что касается деда из Эссо,
Не питайте к нему интереса,
До того как моя писанина
Долетит до вас, старый мужчина
Будет скромно закопан друзьями
Возле Эссо в безжалостной яме.

Посему не ищите виновных,
Ведь таких мужиков однокровных
Миллионы забытых, убогих
Полумертвых, безруких, безногих
В Петропавловске, в Эссо, в Шаромах.
Ведь на вас все заботы Газпрома,
Губернаторы, Сирия, НАТО,
Повседневные нужды солдата,

Как препятствовать злему ИГИЛу...
Чтоб живьем не скатиться в могилу,
Нам оставьте, что вам не под силу,
Тяжело уделять всем вниманье,
Мы относимся к вам с пониманьем.
Вы нас тоже немного поймите
И сатрапов своих усмирите.

Пусть Господь вам поможет в решениях.
Как бы ни было наше служенье,
Мы его на земле не оставим
И от зла еще многих избавим.
Если ж вы наотрез запретите
Нам трудиться, тогда извините –
Индонезия, Чили, Ботсвана
Примут с радостью помощь Ивана,

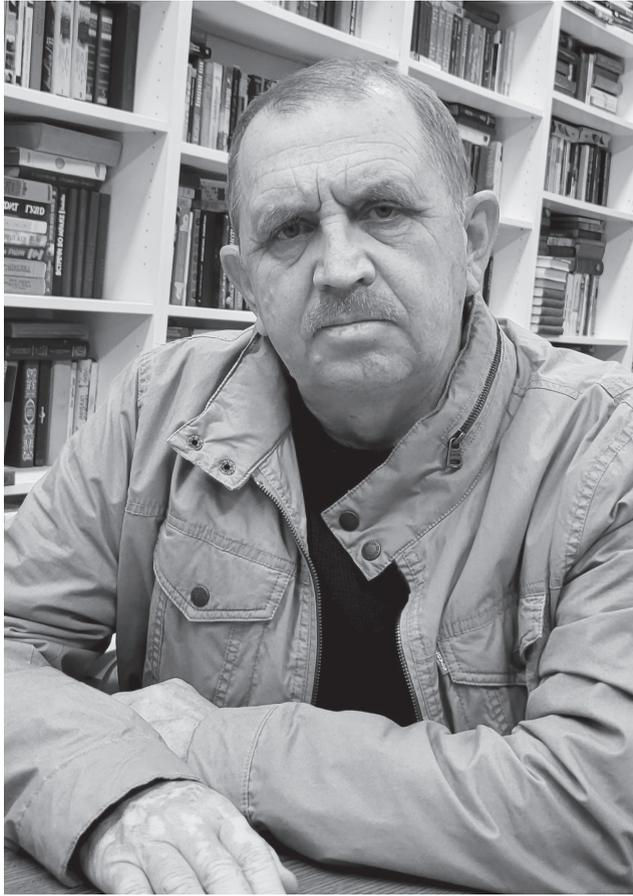
Если тонут родные и братья –
Мы найдём себе в мире занятие.
А когда над землею несчастной
Гавриил протрубит громогласно,
Богу верные люди, как птицы,
Улетят в небеса вереницей.

Вот тогда мы оставим в покое
И царей, и народы-изгои,
И не будем мешать Вавилону
Сатане предоставить корону.
Откровенье Иоанна смотрите,
И Россию от зла берегите.

Сколько ей от своих доставалось,
Сколько бездна над ней издевалась,
Сколько смут пережила жестоких...
Где они, эти горе-пророки,
Кто усвоил такие уроки?

Я, пожалуй, работать мешаю,
Извините, уже завершаю...
Кроме этого рад буду лично
Или в офисе, или публично
Побеседовать с Вами о многом.
А пока до свидания, с Богом!

Июль 2016 г., Камчатка

Александр Полищук

*Узкою тропой мне теперь идти,
Цель моя горит далью голубой.
И с тобою, плоть, мне не по пути,
Дух святой во мне,
Дух Святой со мной.*

Александр Полищук родом из Украины. Еще в школьном возрасте очень полюбил литературу, много читал и писал стихи, которые никому не показывал, просто для себя. Живя в стране, где все говорили, что Бога нет, часто задумывался о мироздании и всегда искал Бога. В юношеском возрасте произошла личная встреча с Всевышним, когда он впервые переступил порог церкви. Чувства радости и ответов на многие философские вопросы переполняли и неожиданно для поэта выливались строки за строкой на бумаге.

В Житомирской церкви был организован вечер поэзии для молодежи, где Александр вместе с другими местными и приезжими поэтами смог поделиться написанными им стихотворениями. На вечере присутствовали христианские певцы и музыканты из соседнего города Винница. Там и состоялась встреча – на всю жизнь! – с талантливой девушкой по имени Оксана, которая вскоре стала его женой. А в 1989 году Александр с женой Оксаной и маленькой дочерью Инной переехали в США.

За прожитые вместе годы появилось много совместных песен – на стихи Александра и музыку Оксаны. Долгое время супруги жили и трудились в Доме Евангелия в городе Сан-Франциско. Сейчас живут в Сакраменто. По сей день Александр и Оксана всегда в творчестве во славу Творца, недавно появилась еще одна новая песнь – «Ода благодарения», в которой прозвучали слова:

*Еще один закат, еще один рассвет...
И окончанья нет движенью жизни новой.
Божественный завет, предвечный и суровый,
Неисчислимость лет.*

Явись, явись, зарей свети,
Великий день!
Прощенья и любви
Сей День святой,
Любви покров,
Великий день
Свободы от оков.

Благодарю, благодарю
За солнца свет,
Вечернюю зарю,
За шум дождя,
Грозу и зной...
Тебе пою, Творец,
Всевышний мой.

Мерцанье звезд,
Ночной покой,
Творенье бытия
Наполнено Тобой...
Благодарю, благодарю!
Ты есмь, Ты Свет,
Тебе, Тебе пою –
Благодарю, благодарю...

Семя посадил –
Вырастут плоды.
Пред Владыкой сил
Семя – это ты.

Если семена
Не дают плода –
Значит, им нужна
Чистая вода.

Если не даём
Господу плодов –
Значит, мы не пьём
Из Божьих родников.

Семя поливай,
Не жалея воды.
Но и сам читай
Книгу жизни ты.

Я видел сон – как две руки,
Обыкновенных две руки
Мне были очень далеки,
Но я лежал в глубокой яме
И жаждал этими руками
Спасенным быть от смертных мук.
Но был далек мне образ рук,
И долго я стонал во сне
И страшно, страшно было мне,
А руки канули во тьме...
И пробудившись, весь в слезах,
С одною мыслью о руках
Я пал смиренно на колени
И, как свободы жаждет пленник,
Так жаждал рук простертых я
От мук, спасающих меня,
И две протянутых руки,
Две драгоценные руки
Мне стали радостно близки...

Камень

Один возьмет для подражания
Как камень – всюду твердым быть,
Другой – чтобы построить зданье,
В земле фундамент заложить.

Иной, подумав, бодро станет
Скульптуру молотом долбить.
Ну, а безумцу нужен камень
Чтоб в ближних с силой запустить.

Улыбнулась любимая звездам,
Распахнула сердечную дверь.
Говорю я без выдумок, просто:
Ты в любовь мою искренне верь.

Нам ветра, завывая, пророчат
О забытой, не сбытой любви.
В мире призрачном и порочном
Призови ты любовь, призови.

Мы от мира бежим, спотыкаясь.
Слышишь, милая, крепче держись!
Люди бег этот все называют
Почему-то – счастливая жизнь...

Любимой

На твоём лице веснушки
Мне пророчат о весне.
Знай, любимая, что лучше
И красивее веснушек
Наяву, или во сне
Не встречалось в жизни мне.

Любимая, с тобой

Любимая, стобой
Одни мы из немногих,
Которым суетной
Не перейти черты.

Давай же возвратим
Забытые тревоги,
Давай поворошим
Уснувшие мечты.

Нам кажется порой:
Земля, вращаясь, метит
Заоблачный туман
Кровавою стезей...

Но что нам до того
Мгновенья иль столетья?
Мы вечные стобой.
Мы вечные стобой.

И главное теперь –
Немного продержаться.
Один остался миг,
И берег впереди.

Любимая, давай
Не будем расставаться,
Нам вместе суждено
На берег тот взойти.

Я никогда не одинок
Среди пустынного молчания,
Со мною – ангел упования
Со мною праведности Бог.

И среди грохота вражды
Со мною тихий голос веры,
Передо мной желанный берег
Любви, добра и чистоты.

И если мне не суждено
Толпой жестокой быть распятым,
То это сделали когда-то
Тому, Кто каждый миг со мной...

Нашей жизни нить
Коротка, тонка
Как туман, как пар, дуновение,
Тише ветерка, легче мотылька
Пролетают жизни мгновения.
И настанет день,
И придёт пора
Нашей встречи в вечном блаженстве.
Вновь земная плоть
Обратится в прах,
Ну, а дух взлетит в поднебесье.
Милый сердцу край,
Жизненный рубеж,
Голубое небесное царство...
В неземной мечте
Сладостных надежд
Как легко к тебе возвращаться!

Я не близок к вам, небеса небес,
Я далёк от вас, мириады звёзд,
Но в душе моей Иисус воскрес,
И любовь свою проявил Христос.

Узкою тропой мне теперь идти,
Цель моя горит далью голубой.
И с тобою, плоть, мне не по пути,
Дух святой во мне, Дух Святой со мной.

И одной теперь я живу мечтой:
Как когда-нибудь в миг желанных грёз
Я сольюсь навек с звездной высотой
В небесах небес, где царит Христос.

Прости меня, Господь, прости,
Я грешен и не совершен,
Но я так счастлив и блажен
Тебя навеки обрести!
Земная участь тяжела
За шагом шаг, за дверью дверь...
И мы, слабея от потерь,
Сжигаем дни свои дотла.
И скоро белая метель
Следы сотрёт, следы сотрёт...
За поворотом – поворот,
За жизнью – смерть,
За жизнью – смерть.
Но есть отрада и покой –
На крест Спасителя взглянуть.
И легче делается боль,
И легче делается путь.
Прости меня, Господь, прости!
Я грешен и не совершен!

Но я так счастлив и блажен
Тебя навеки обрести...

Мы с тобой вдвоём отправились
В жизни путь одной дорогою.
И от юности до старости
Нам придется видеть многое.
Начат путь, конец – не видимый,
Спрятан он за горизонтами.
Но уже в начале видим мы:
Закрывают тучи солнце нам.
В жизни всякое случается,
Убеждаемся с тобою:
Хорошо, когда прощается,
Покрывается любовью.
Мы с тобой вдвоём отправились
В нашу жизнь одной дорогою.
Так давай любить до старости
И прощать друг другу многое

Проломавши лед неверья
В холодеющей толпе –
Загорайся, пламеня,
Проповедуй о Христе!

Чтоб творить добро и правду,
Чтобы Истину нести –
Укажи врагу и брату,
Как спасение найти.

И этот день угас,
Оставив лишь былое,
Но я в вечерний час
Не ведаю покоя,
Но мне с моим грехом
Одно лишь утешенье –
Упасть перед Христом
На скорбные колени.
Я буду им прощён,
Я буду им отмечен.
О, как прекрасен Он,
О, как приятен вечер...

Слово не воробей

Умчались праздных слов обломки
И не вернуть их никогда.
Слова, слова, головоломки –
За вас сгораю от стыда.
Как из вулкана брызжет сера,
Из под скалы змеей ползет
Поток словесный лицемерия,
Открывший широко свой рот.
Слова нас жалят, жгут сурово,
Когда их зря произнесут.
Об обоюдном острословье
Предупреждал нас Иисус.
И хоть обломки слов умчались,
Ушли в неведомый хаос, –
Пред Богом молча преклоняюсь,
Прощения прошу, Христос.
И я не буду больше праздно
Уста без смысла открывать.
Слова не птицы, их напрасно
Нельзя на ветер выпускать.

Бесконечность

Начинается день с рассвета,
Громыханьем небес – гроза,
С солнцепека – начало лета,
Жизнь Святая – с крови Христа.

Нет начала в заре безбрежной,
В океане начала нет.
И Господь остается прежним
Через все миллиарды лет.

Не кончется рек движенье
И Вселенная – Бога Храм.
И пока ещё есть прощенье –
Нескончаема милость к нам...

Просьба

Солнце! Своими лучами
Ум мой плотской исцели.
Небо! Своими очами
Совесь мою шевели.
Озеро! Гладью зеркальной
Сердце мое ободри.
Осень! Своею печалью
Вечности зов подари.

Оставляя Родину

Что шумит берёза
Под моим окном?
Что роняет слёзы
Раненым стволом?

Может, расставаться
Время не для нас?
Может быть остаться
Мне даётся шанс?

Но о правде строгой
Слышен разговор:
Ждёт меня дорога,
А тебя топор.

Так давай с тобою
Мы тоску прольём,
Я – больной душою,
Ты – больным стволом...

Разговор с собой

Взгляни на весенний цветок,
Как он прекрасен собой!
Каждый его лепесток
Влагою дышит живой.

Летом ты в рощу спеши,
Полную стройных берёз,
Слушай, как шелест листвы
Душу тревожит до слёз.

Осенью ты посмотри:
Нет у цветов красоты,
Нет на деревьях листвы...
И запечалишься ты.

Серцем своим не грусти,
Душу тоской не грызи...
Лучше природы черты
С жизнью своею сравни.

Быстро промчится весна,
Лето стрелой пролетит...
Вспомнят ли люди тебя?
Станет ли кто-то грустить?

Слава Тебе, Христос!
Ты уже в небесах.
Я ж ещё в море слёз,
Я ещё тленный прах.

Лучше не знать утех...
Легче тогда страдать.
Лучше коварный грех
Верою побеждать.

Другу прощу обман,
Хлеб свой врагу отдам.
Чтоб чистотой блистал
Сердца хрустальный храм.

Слава Тебе, Христос!
Ты уже в небесах.
Я ещё в море слёз,
Я ещё тленный прах.

Моё небо

Проплывала над окнами
Голубая печаль.
Я небесными строками
Милой песню писал.

Был мечтающим юношей,
Без ума от стихов,
Я писал ей о будущем
Много ласковых слов.

Как тропой лебединою
Будем вместе лететь...
Обещал я любимую
Сердцем пламенным греть.

Мы поднялись, но сразу же
Опустились назад...
Быт ручищами грязными
Нам запачкал глаза...

Проплывает над окнами
Голубая печаль...
Стало небо далёким мне –
Я на землю упал.

Помолюсь – и легче станет.
Скорбью горькою томим,
На колени тихо стану
Перед Господом моим.

Он увидит, Он услышит
Искренность мою, поверь...
Обретая радость свыше,
Входим мы в святую дверь...

Вера Савченко

*Там не будет вражды и войны –
В этом городе мира и света,
И дыханием вечной весны
Будет Церковь Христова согрета.*

Вера Савченко (девичья фамилия Зиньковская) родилась 10 января 1956 года в селе Старые Кодачи. Она была третьим ребенком в семье, состоящей из пятерых детей. В школьные годы Вера любила читать русских классиков, особенно ее интересовала поэзия. С детства она посещала христианские богослужения и рассказывала выученные на память стихотворения. Это были времена атеизма, и христианской литературы катастрофически не хватало. Дети и молодежь покупали толстые тетради и вручную переписывали друг у друга стихотворения. Вера поняла – нужно восполнять нужду своими силами. Первые пробы пера она делала еще в школьные годы. В 1981 году Вера вступила в брак с единоверцем Владимиром Савченко, у них родились трое детей, все они христиане, приняли крещение по вере. Вера с мужем имеют 10 внуков и 6 внучек. В 1998 году семья иммигрировала в США, и Вера оказалась в одной стране со своей любимой поэтессой Верой Сергеевной Кушнир.

Вера Савченко отважилась послать свои стихотворения Вере Кушнир, чтобы узнать, стоит ли ей продолжать заниматься творчеством. Ведь прежде она свои стихотворения никому не показывала и нигде не печаталась. С замиранием сердца она ждала ответа от известной поэтессы и получила ответ: «Пиши». Конечно, Кушнир указала молодой коллеге на некоторые недостатки, и Вера была рада работать над своими ошибками. Она с большим рвением взялась за работу и после этого уже не боялась рассказывать стихотворения в Церкви и посылать их в газету «Наши дни», там их всегда печатали.

О маме

Я помню родительский дом
Как светлое жизни начало,
Там бегала я босиком,
Там в детские игры играла.

Ты светлым, прекрасным лучом
Знакомый мне дом наполняла,
И ночью, и солнечным днём
Как Ангел меня охраняла.

Готовила вкусно еду,
И в доме всегда убирала,
И в нашем огромном саду
Рассветы так часто встречала.

Казалось, жила я в раю.
Откуда ты силы черпала?
Как поздно теперь сознаю,
Что мало тебе помогала.

А вечером поздно луна
несмело тебя освещала.
Ты, мама, всегда допоздна
О чём-то к Иисусу взывала.

Родительский дом опустел,
И ты нас всегда ожидала...
Таков материнский удел.
Но ты никогда не роптала.

Как часто случалось, что ты,
Когда я в беду попадала,
От горькой и злостной беды
Молитвой своей защищала.

Ты к Богу меня привела,
Молиться меня научила.

Для нас, для детей, ты жила
Ты очень нас сильно любила...

Я верю – в Небесной Стране
с любовью меня ожидаешь.
Роднее становится мне
Тот край, где сейчас обитаешь.

О лукавстве

Блаженны те, в чьём духе нет лукавства,
В них нет нечистых помыслов и злых,
Они хранят небесное гражданство,
В сердцах их есть наличие чувств святых.

В них нет мирских, нечистых побуждений,
Стремятся сердцем только к чистоте,
Не открывают уст для извинений
Греховных дел, свершенных в темноте.

Блаженны те, кто борется с лукавством,
В своей душе, не в ком-нибудь другом,
Им чуждо, неприятно это свойство,
Не следуют они за большинством.

И господам двоим служить не станут,
Их путь открытый, чистый и прямой;
Не покривят душой и не обманут,
И скользкий путь обходят стороной.

Их не прельстят подарки никакие,
Их сердце и открыто, и светло;
Не соблазнят их общества худые,
Обманом сердце их не обросло.

Блаженны те, кого в лукавом мире
Не обольстит никто, ничем, никак;
Воссядут с Агнцем на небесном пире,
Один Христос их жизненный маяк.

Блаженны те, чьи ноги не спешили
Поставить сети брату своему,
И чьи уста ничем не погрестили,
Служа усердно Богу одному.

Они, как солнце, в Царстве воссияют,
Увидят славу Божьей красоты,
А на земле здесь твердость проявляют,
Лукавство обходя за полверсты.

Да будет воля Твоя

Воля Твоя, мой Господь, да исполнится
В жизни живущих людей.
Море бушует свирепыми волнами,
Воле противясь Твоей.

Волей Твоей существует Вселенная,
Жизни начало Ты дал,
Чтоб Твою волю, во всем совершенную,
Каждый живой исполнял.

Воля Твоя как маяк освещающий
Может нам путь указать,
Только ее человек согрешающий
Медлит всегда исполнять.

Волю Свою нам открой сокровенную,
Знать Твою волю хотим,
Чтоб исполняя ее, неизменную,
Плыли к просторам родным.

Пусть будет воля Твоя совершенная
В Церкви, в собраньи святых,
Только пугается плоть наша тленная
Слов Твоих чистых, живых.

В наших жилищах Твое лишь желание
Нам помощи соблюдать,

Чтобы совместно с семьей проживание
Нам помогло возрастать.

В мыслях, словах пусть она отражается –
Воля святая Твоя,
Всякий, кто с волей Твоей соглашается,
Понял весь смысл бытия.

В наших стремлениях, в наших решениях
Волю Твою покажи,
Чтобы нам в нужном идти направлении
И миновать миражи.

О, помоги нам с заданием справиться:
Волю Твою исполнять.
И, как железо, в огне переплавиться,
Верность Тебе сохранять.

Память

Мы в памяти много чего сохраняем,
Что важно – то помним, вовек не теряем.
Мы помним всех близких, родных и знакомых,
Людей знаменитых и чем-то весомых.

Мы помним проблемы, они нас тревожат,
Обиду мы помним, что сердце нам гложет.
Мы помним так ясно картины из детства,
Людей тех, кто жили всегда по соседству.

Что надо купить – никогда не забудем,
Болезни и слабости помнить мы будем.
Мы помним прекрасные жизни мгновенья,
Людей, с кем имели когда-то общенья.

Есть Библия, светлая книга, святая...
Мы помним, что книга Господня вещает?
Нет слов тех милей и дороже на свете,
И равных им нет на огромной планете.

Для тех, кто к Господним Словам пламенеет—
Слова те целебные свойства имеют.
Кто Библию помнит, и любит, и знает—
Духовного голода не испытает.

Кто в сердце хранит драгоценное Слово —
Тот силы черпает у вечного Бога.
Сам Бог проведёт через бури, невзгоды,
В пути сохранит, несмотря на погоду.

Библейские фразы запомнить несложно,
и это не трудно, и это возможно.
Пусть память хранит золотые крупницы,
Нам мудрость вещают святые страницы.

Давайте заучим стихи золотые—
они нам подарят советы благие.
Пусть сердце хранит дорогие цитаты,
И будем духовно мы очень богаты.

Истина

Настало время Господу страдать,
Его, связавши, повели к Пилату,
Но перед тем, как узника распять,
Вопрос он задал, следуя обряду.

«А что есть истина»?-спросил Пилат,
Ответ услышать будто бы желая,
Но от Иисуса он отводит взгляд,
И пред народом руки умывает.

Немало ищут истину людей,
И много в этой жизни оставляют,
Чтобы найти ее, да побыстрей,
Нашедши же – беспечно отвергают.

Невыгодно по истине всем жить,
Она так много требует отдачи.

Красиво все умеем говорить,
На деле происходит все иначе.

Где истина сейчас, друзья, живет?
Живет ли в нашей жизни правда Божья?
Или она давно за дверью ждет,
Чтоб приняли ее, расставшись с ложью?

Живет ли в помышлениях, делах?
Видна ль она в моих с тобой поступках?
Владычествует ли она в Церквах?
Иль след ее в нас всех довольно хрупкий?

Христос есть путь и истинная жизнь...
Его, как прежде, люди отвергают.
Рисуют в спешке жизненный эскиз,
Пред истиной же двери закрывают.

Нам сохранить бы истину, друзья,
Не потерять ее на полдороги,
Беречь ее от фальши и вранья,
Не соглашаясь быстро на подлоги.

Дай Бог нам истину любить всегда.
Она одна. Подделок очень много.
Она бессмертна, искренна, чиста,
К ней непроста тернистая дорога.

Нам жить по истине велел Христос –
С отдачей полной, доверяясь Богу.
Не избежать, конечно, бурь и гроз,
Но этот путь – к Небесному Чертогу.

Смоковница

Была она с пышной красивою кроной,
Одетая в листья, как в чудный наряд.
Росла, величаясь зелёной короной,
Любуясь, как листья на солнце блестят.

Жила беззаботно, беспечно, счастливо,
Смеясь, веселясь и любясь собой.
Шумела листвою она горделиво,
Всё ввысь устремляясь в шатёр голубой.

Всевышний любил ту смоковницу очень,
Дождями обильно её поливал,
Судьбою её был весьма озабочен,
И свет и тепло ей достаточно слал.

Однажды Сам Бог подошёл к ней вплотную
И стал на смоковнице смоквы искать.
Вот ветку поднял, а теперь и другую –
Но что-то плодов тех нигде не видеть.

Проверил Он тщательно ветви густые,
Искал Он плоды, но напрасно искал,
Ведь ветка за веткой все были пустые –
Напрасно смоковницу дождь поливал.

Напрасно ласкало светило большое
Те ветки, что так и не дали плода,
И слало напрасно ей небо ночное
Прохладу от зноя на помощь всегда.

Плодов не нашёл Всемогущий Создатель
Под пышной, красивой, богатой листвою,
Хоть был Он Творец, Всеблагой Жизнидатель,
Но приговор вынес смоковнице той.

Как страшно всем нам оказаться такими
Бесплодными в деле на ниве святой.
Храни нас, Господь, чтоб не были пустыми,
Ленивыми не были в жизни земной.

Храни нас, Господь, от бесплодия, лени,
От жизни беспечной, Всевышний, храни!
Дай силы, Господь, становясь на колени,
покаяться всем нам за прошлые дни...

Наши мысли

Есть мысли, что нас огорчают –
Порою не скрыть досады;
От Бога они отвлекают,
Потом доведут до ада.

Есть мысли, что нас подкрепляют
В суровом житейском море,
К Всевышнему путь направляют –
Они облегчают горе.

О чём мы всегда помышляем
В мире, во зле преуспевшем?
Нас Библия всех побуждает
Помыслить о Претерпевшем.

Великая кроется сила
В одной только мысли о Нём.
Голгофа нам путь озарила
Страдания светлым лучом.

И в трудностях, и в неудачах,
Поможет нам мысль о Христе,
В тяжёлых житейских задачах
Даст мудрость Он нам в простоте.

Помыслите о Претерпевшем,
О Том, кто невинно страдал,
О Боге, в любви пламеневшем,
Кто жизнь за погибших отдал.

Помыслите о Претерпевшем,
Хоть нет уж и силы терпеть,
О Господе Боге, умевшем
Безропотно, молча скорбеть.

Хвала Претерпевшему много,
Хвала Иисусу Христу.

Ты в вечность открыл нам дорогу,
Вознёс на небес высоту.

Прощание с землей

Последний раз окинул своим взглядом
Такой простой, но милый уголок.
Вот стол его, а вот скамейка рядом
Родные стены, пол и потолок.

Он плотничать любил почти до ночи,
Своей работой людям помогал.
И часто так, поднявши к небу очи,
К Отцу Небесному с мольбой взывал.

Он мог бы жизнь прожить как все земляне,
Изделия из дерева мастерить,
И в вечность отойти, коль смерть настанет.
Как люди все Он мог бы жизнь прожить.

Он мог бы продолжать встречать рассветы
И любоваться небом голубым.
Он обездоленным бы слал приветы,
И ими бы взаимно был любим.

Он мог бы, но нисколько не колеблясь
Пошёл на казнь, взяв добровольно крест.
И, в выборе совсем не сомневаясь,
Прошёл через предательство и крест.

Через века Он видел наши лица,
Проблемы наши захотел решить.
Дать свет для тех, чья жизнь – темница,
А также власти дьявола лишить.

Пошёл на крест, чтоб подарить надежду
Для тех, кто жизнь свою влачит в грехах,
И чтоб одеть их в белые одежды,
И отразиться в чистых их сердцах.

Пошёл на крест, чтобы Адама дети
С Создателем могли бы говорить,
И чтоб порвать дьявольские сети,
И рай навеки людям подарить.

Город мира

Там не будет вражды и войны –
В этом городе мира и света,
И дыханием вечной весны
Будет Церковь Христова согрета.

Там ворота открыты всегда,
Закрывать, представьте, не будут,
Потому что ворьё никогда
В этот город святой не пребудет.

Там не будет ни стона, ни слёз,
Небожители радостью дышат.
В вечной славе – Спаситель Христос,
И спасённые речь Его слышат.

Мы мечтаем о городе том,
Очень часто о нём рассуждаем,
Проходя свою жизнь со Христом,
Мы тот город святой ожидаем.

В этом городе дворников нет,
Там все улицы златом сияют.
Чистоты идеальной секрет –
Люди вовсе грешить не желают.

Город тот – для спасённых сердец,
Для омытых Христовою кровью.
Город тот Милосердный Отец
Приготовил для верных с любовью.

В этот город святой, золотой
Получить не забудьте гражданство.

Не войдёт в него кто-то чужой,
Не займёт чьё-то в небе пространство.

В этот город великой любви
Наш Спаситель ещё приглашает.
Друг, покайся и с Богом живи,
Пока голос Его призывает.

У ног Иисуса

За окном мир бушует и злится,
Ветер ветками в окна стучит.
Мы пришли все сюда помолиться.
Глас молящихся к Богу звучит.

Нам у ног Иисуса уютно,
И не страшен нам злой ураган.
И уверены мы абсолютно—
Под надёжной рукою наш стан.

Нас Господь Сам с небес вразумляет,
И советы благие даёт,
И к молитве святой вдохновляет,
И к небесным вершинам влечёт.

Нас на пажитях злачных покоит
И ведёт к тихим водам потом.
Бури в сердце Он все успокоит,
На ошибки укажет перстом.

И чего ещё в жизни нам надо?
Есть вода, есть и пища, и кров,
Нет войны, не звучит канонада,
Человек и одет, и здоров.

В мире лучшего места не знаю,
Как у ног Иисуса сидеть.
Я с восторгом Христа созерцаю,
И о Нём бы хотела я петь.

Я от ног Твоих, Господи Боже,
Никуда никогда не уйду.
Никого на Тебя ведь, похоже,
В мире этом земном не найду.

Самый Великий Бог

Самый большой ураган
Бог милосердный смиряет,
Самый огромный вулкан
Сильной рукой укрощает.

Самую тёмную ночь
Светом своим озаряет.
Тени торопятся прочь,
Солнце наутро сияет.

Самый ухабистый путь
Бог для тебя уравнивает,
Лишь бы тебе не свернуть,
Силою Он наделяет.

Самую сильную боль
Нежной рукою смягчает.
Господу просто позволь—
Он все проблемы решает.

Самого злого врага
Силой своей побеждает.
Там, где ни ступит нога, —
Он тебя Сам защищает.

Самых несчастных людей
Чудно из рва извлекает.
Самый великий злодей
Вечную жизнь получает.

Славы достоин Творец
Самой Великой, Прекрасной.

Сонмы спасённых сердец
Гимны поют громогласно.

О детях наших

Быть может, одной не хватает слезинки
За наших потерянных в мире детей,
За тех, кто чужие избрали тропинки,
За тех, чьё паденье всё ярче видней.

Быть может, одной не хватает молитвы,
Молитвы сердечной, молитвы простой.
Кто любит детей – не устанет от битвы,
их звать не устанет к Отчизне святой.

Быть может, одной не хватает беседы
С тем чадом, чью жизнь трудно жизнью назвать,
Быть может, немножко до полной победы
Осталось усилий своих применять.

Быть может, недолго нам ждать всем осталось–
Придут наши дети к Иисусу в слезах.
Исполнится, верьте, о чём нам мечталось,
Запишутся их имена в небесах.

В молитве горячей не слабнут пусть руки,
И пусть не слабеет в нас вера в груди.
Молитв материнских пусть слышатся звуки,
Отец, своим словом детей разбуди!

Бог видит все слёзы и слышит все вздохи,
Внимает Он нуждам сердечным всегда.
Он знает проблемы всей нашей эпохи,
Он нас не забудет, поверь, никогда.

Что нас согревает

Не только от ветра холодного
Подчас нашу душу знобит,
А также от слова жестокого
Порою нас холод пронзит.

От колкости, от равнодушия
Нам холодно будто в мороз,
А от доброты и радушия
Нам станет теплее всерьез.

Нас доброе слово как солнышко
К общению, друг к другу зовёт, –
Сердечное слово как зёрнышко
Проросши, свой плод принесёт.

Согреет нас так же внимание
От близких, родных и друзей,
Появится сразу желание
Любить всех на свете людей.

Забота, любовью приправлена,
Сердцам нашим радость несёт.
Готовность, что верно направлена,
Хорошие всходы даёт.

Есть щедрость и есть бескорыстие,
Они согревают всегда,
При них отношения чистые,
И им не страшны холода.

Пусть даст нам Всевышний желание
Тепло для других излучать,
От холода и замерзания
Родных и знакомых спасать.

Место у креста

Есть место одно на просторах земли:
Страна Палестина, Голгофа вдали...
На этой Голгофе стоят три креста,
А средний из них – то любви полнота.

Кто с сердцем греховным к нему подойдёт,
Тот чистое сердце навек обретёт.
А злые становятся добрыми там,
Откроется путь им к небесным вратам.

Чья жизнь состоит из печалей и слёз –
Тем радость пошлёт драгоценный Христос.
И даже кто сбился с прямого пути
Лишь там, у креста, может путь тот найти.

А если кто вспыльчив, терпения нет,
Имеется добрый, прекрасный совет:
К нему, ко кресту, пусть сейчас подойдёт
и в Боге одном лишь спасенье найдёт.

А если надменности гнусный порок
Заполнит кого-то достаточно, впрок,
То там, у креста, он смиренность найдёт,
Как только к ногам Иисуса падёт.

Кого же измучила зависть вконец –
Поможет ему лишь Небесный Отец.
Он рад от души будет счастьем других,
И будет он полон желаний благих.

А если кто чувствует в сердце недуг:
Пропало трудиться желание вдруг?
Туда, ко кресту, подойди поскорей
И будешь трудиться всегда для людей.

То место вселяет чудесный покой,
К нему все приходят гонимы нуждой.

Страдавший Христос исцеленье несёт,
И чистое сердце прощённым даёт.

Воробей

Однажды осень запоздала,
Но всё ж взяла свои права;
И быстро очень зашагала,
Являя удаль мастерства.

Деревьягнулись все от ветра,
Лил дождь – такой, как из ведра.
Не видно было дальше метра,
Всё продолжалось до утра.

А утром братик и сестричка
Открыли рано свой балкон:
Такая маленькая птичка
Нашла приют прекрасный в нём.

Бессильный, мокрый и холодный
Лежал пред ними воробей,
Беспомощный, совсем голодный,
Искал спасенье у людей.

Его согрели, обсушили,
Пытались даже покормить.
И хлеба крошек накрошили,
Но он не мог их проглотить.

Был болен чем-то воробьишка,
Наверное сражён грозой.
Имел он слабый голосишко,
Поранил клюв он чем-то свой.

Его и к доктору свозили,
Лечение назначил он,
И спать под вечер уложили –
Был воробьишка утомлён.

Его с пипеточки кормили,
Чтоб мог он пищу принимать.
Его лелеяли, любили.
И наконец, он смог летать!

Как любит Бог своё творенье!
И даже этих малых птиц
Он не оставит на мгновенье,
И нет любви Его границ.

О, человек, создание Божье,
как можешь унывать порой?!
Идёшь подчас по бездорожью
Ты вниз с поникшей головой!

Бог дал тебе и хлеб и воду,
И крышу дал над головой,
И масло есть на бутерброде,
Имеешь полис страховой.

Ты не имеешь, друг мой, права,
Печалиться и тосковать.
У Бога крепкая держава,
Есть сила у Него спастись.

Его любовь не иссякает,
Его заботам нет конца,
Своих детей не покидает,
Хранит детей своих сердца.

Не будем же роптать, родные,
Встречая трудности в пути.
Пусть чувства добрые, святые
Помогут в небо нам дойти!

Жить как все?

Самуил своим духом так сильно скорбел,
Когда слышал народа желанье,

Он царя вместо Бога поставить хотел,
Позабыв о своем своё обещаньи.

По широкой дороге Израиль пошёл,
Он Саула поставил владыкой,
К сожалению, счастья себе не нашёл,
А вот грех совершил он великий.

Жить как все – вот девиз очень многих людей.
Ну зачем им Господни уставы?
О, как мерзко для Божьих невинных очей!
Избран ведь не Христос, а Варавва.

Если хочется всем нам как все жизнь прожить,
Просто так, пустоцветом, впустую,
И не Божию волю, а чью-то творить –
Жизнь закончим бесславно земную.

Если жизнь проживаем как все на земле,
Все наряды, обряды, и пенье,
И с мирскими мы варимся в общем котле...
Так постой? Ну а где же спасенье?

От чего всех нас спас милосердный Христос?
Для чего умирал он невинно?
Значит, в жизни у нас есть большой перекоп,
В грешный мир кто-то тянет нас сильно.

Вспомним притчу, когда блудный сын захотел
Жить как все, ведь – дорога открыта,
Но потом своим духом так сильно скорбел,
Когда был у свиного корыта.

Так давайте же жить, как Учитель велит,
Жить безгрешною жизнью стараться.
В нашей жизни великое Бог сотворит
Если с миром не будем сливаться.

Вера Сухумская

Вхожу, чуть дыша, во Святое Святых...

Склоняюсь у трона Твоей благодати...

Исчезли все тени сомнений моих...

Родилась в Белоруссии, в Гомельской области. Из-за притеснений от властей её большая семья в 1964 году переехала в Абхазию, где была относительная религиозная свобода на то время. Родители Веры были необыкновенно жертвенными и прилагали огромные усилия для того, чтобы 9 детей выросли в нормальных условиях... После окончания школы и ПТУ она поступила в технологический техникум в городе Тбилиси, затем работала конструктором на швейной фабрике города Сухуми, после в Доме быта – модельером, а во Дворце культуры преподавателем классов кройки и шитья и разных видов рукоделия. Жизнь в живописном городе на берегу Чёрного моря для многих была мечтой, а для неё это стало просто жизнью, с буднями и праздниками, с тихими восходами и нежными закатами, с заснеженными вершинами гор и чайками над морем... Место вдохновения художников, музыкантов и поэтов... Но наступило время, когда злые и завистливые люди развязали жестокую братоубийственную войну, превратив за год этот райский уголок в дьявольскую мясорубку... В живых остались

сбежавшие или уцелевшие по милости Божией... «Перед этим мой Небесный Отец лично сказал мне о том, что сохранит меня, – вспоминает Вера. – И хранил, среди бесконечных обстрелов, бомбежек, грабежей, насилия и карательных операций... Война, голод, холод, блокада – это испытания, которые открывают глаза на ценность жизни в другом измерении, со стороны Вечности... К 2000 году я переехала в Америку, где продолжаю жизненный путь под мирным небом, но так часто среди духовных битв... Стихи стали выражением пережитых событий и чувств, а также отражением того, что видишь, и в душе это часто отзывается эхом, волной или тихим звуком святых откровений... Огромная благодарность родным и друзьям, которые помогли мне в издании стихов, вдохновляя меня и поддерживая в этот нелегкий для меня период жизни, всем, кто был рядом... «И если слово станет каплей, успокоением для души, я буду знать, что не напрасно писала ночью я стихи...»

Дверь в небеса

Жизнь удивительно прекрасна
И обретает яркий смысл,
Когда ты Вечность видишь ясно,
И разум твой предельно чист.

Переходя из веры в веру,
Раскроется душа твоя.
Сосуд любви заполнив вмеру,
Откроешь тайны бытия.

И все законы мироздания,
Какими держится земля,
Творцом даны для созидания,
А центр вниманья – ты и я...

Для Бога мы – земные дети,
И нам открыты небеса.
И если мы в Его завете
Себя храним – придём туда...

Он возлюбил любовью вечной
Свое творение навсегда.
Блаженство будет бесконечным,
Зло истребится навсегда.

И пусть тропа нам будет узкой
И тесными туда врата–
Не будет крест большой нагрузкой,
Награда нам – любовь Христа!

02.06.2020

Каждый день

Каждый день – между жизнью и смертью...
Не всегда ощущая порог –
Мы живем, расточая безжалостно
Дни и ночи свои напролёт...

В ожидании счастья безмерного,
В жадном поиске сладких утех
Мы теряем святое и верное,
Променив на обманчивый грех.

А потом ищем выход отчаянно,
О спасеньи души вопия...
Хорошо, если кто-то покаянно
Призовёт в это время Христа...

Он всегда поспешит к призывающим
И оковы греха разобьёт.
Он к смиренным приходит прощающим,
Благодати елей свой прольёт...

Помолись обо мне

Помолись обо мне – чтоб услышало небо.
Просто так обо мне – не молись...
Попроси так – как просят от голода хлеба.
И как воин в борьбе – заступись!

Сам Господь повелел друг за друга молиться
И в любви возрастать день за днем.
И тогда только чуду возможно случиться,
Когда к Богу в единстве придем.

И молитва Иисуса: «Да будут едины!!!
Как едины, Отец, мы с Тобой!!!»
Пусть исполнится... Станем мы – непобедимы
И счастливой, навеки, семьей!!!

Объятия неба

Вхожу, чуть дыша, во Святое Святых...
Склоняюсь у трона Твоей благодати...
Исчезли все тени сомнений моих...
В блаженстве от нежных Отцовских объятий...

Ведь я недостойна Великой Любви...
Шептали уста, сердце громко стучало.
Но Ты мне сказал: просто дар Мой прими.
Ведь слово: «Прости им!!!» давно прозвучало...

Мой Сын за тебя на кресте кровь пролил,
Чтоб жизнью святой ты могла наслаждаться.
Любовь Святым Духом в тебя Он излил,
Не мерю можешь ты Им наполняться...

Тебя искупил дорогою ценою
От ужасов смерти и силы проклятья.
Чтоб ты навсегда пребывала со Мною,
Вполне ощущая блаженство приняться...

Храни свое сердце дороже всего...
Я в нем открываю поток благодати.
Источники жизни текут из него,
И многие смогут из них напиться...

Душа наслаждалась блаженным покоем.
Парила как птица в небесной тиши.
Смотрела на землю сухую, под зноем,
А голос Любви все звучал – поспеши!

Спеши ты туда, где не знают покоя.
Неси им Мой мир и Победу в любви.
Хочу на земле поднимать Я героев.
Таких, кто исполнит заветы Мои...

Кто верность в любви ставит главной целью,
Кто святость возносит превыше всего,–

Тот в Царство Мое будет принят с весельем,
И править назначу Вселенной его...

Какое блаженство, какая отрада!
Быть в Вечном уделе Отца своего.

Нет лучшей на свете, желанней награды
И нету любви большей, чем у Него...

08.03.2018

Посещение ангела

Ты веришь в ангелов? Возможно, да...
А я их вижу, правда не всегда...
Сегодня ко мне ангел прилетал,
И милосердие мне тут же оказал...

Он в виде хрупкой женщины здесь был.
И видя, как мой дух от немощи уныл,
Меня от боли нежно отвлекал,
Кормил, лечил и просто утешал...

Вы верите сегодня в чудеса?
Возможно, – скажешь, а я точно знаю – Да!
Любовь Христа, что действует в сердцах,
Вновь проявляется сегодня в чудесах...

01.25.2020

Благодарю тебя, Господь

Благодарю Тебя, Господь,
За новый день, что сотворил!
Ты укрепляешь дух и плоть,
И радость жизни обновил!

Зовешь на добрые дела,
Что предназначил во Христе.
И сила свыше нам дана,
Чтоб уподобиться Тебе!

И Дух Святой откроет нам
Источник силы и любви!
Блаженны те, кто верит сам
И служит ближнему в пути...

Мы в этом мире не случайно

Мы в этом мире не случайно,
И не случайно жизнь дана...
Хотя во многом это – тайна,
Она откроется сама...

И смыслом жизни наполняясь,
Поймёшь: нужна душа твоя
В жару – глотком воды кому-то,
И тёплой шалью – в холода...

Кусочком хлеба – если голод,
Елеем – если боль в груди,
Во тьме – свечой, гореть чтоб ярко ,
Путь освещающая впереди...

Встречать рассветы помогая,
В закатах – рядом чтоб была.
Любовь с улыбкой отдавала,
И в горе – радостью цвела...

Первая любовь

Я возвращаюсь в Первую любовь.
Душа блаженство обретает вновь,
Где мир и радость, верность и покой.
И песни славы там текут рекой...

Нет места там раздорам и вражде.
Забота к тем, кто в горе и нужде.
Две лепты больше, чем огромный бык,
И блюдо зелени приятней, чем шашлык.

А если кто-то там нечаянно упал,
Не осуждают – почему не встал?
Но подойдут, поднимут, отряхнут,
Воды стакан холодной подадут...

Хочу всегда в том Царстве Света жить,
Творить добро и ближнего любить.
Там нету тьмы и даже нет теней,
Влечет в то Царство с каждым днем сильней!

Женская душа

Такая нежная и хрупкая она,
Неповторима как хрустальный перезвон,
Вершиною творенья названа...
Адам увидел и подумал – это сон...

Легки движения, а улыбка – свет,
Что манит в неизведанную даль
Ей мил закат, прелестен и рассвет,
Тепло и нежность расточать не жаль...

Ей непонятна скупость, и трудов
Не пожалеет, чтобы накормить,
И ободрить хватает добрых слов,
И бедного одеть и напоить...

А если лютая придёт беда
И некому помочь и защитить –
Всё переносит, и придёт туда,
Кому ещё труднее может быть...

Откуда в слабом теле столько сил?
И где источник пламенной любви?
И кто надежду с верою вселил,
Что чрез века они и к нам дошли?

Творец в неё вложил любовь свою
А замысел Его велик и прост
Ведь Ева значит – Жизнь, и потому
За женщин поднимают первый тост.

Как многие пытались разгадать
Секреты счастья, данные двоим!
А женщин надо просто принимать
Как дар небес – люби и будь любим!

В осеннем плену

Ты опять к нам пришла, как всегда – невзначай.
Прошуршала листвой и поставила чай.
Пирогамы накрыла немало столов,
Пригласила присесть, отдохнуть от трудов...

Почему же печальные песни поешь?
Почему же к нам с тихой грустью идешь?
И задумчиво смотришь ты в окна души?
Свои выводы делать, прошу, – не спеши...

В небе стайками кружат, летят журавли,
Свои песни прощальные шлют нам они,
И грибные дожди в лес зовут грибников,
Рыбаки вдохновились на щедрый улов...

Есть у осени странный, но милый мотив,
И не каждый поймет чудный тот креатив...

Щедро нас наградив урожаем полей,
Грустью в плен может взять – хоть жалеи, не жалеи...

Все же это приятная грусть для меня...
У камина уютно сижу, у огня
Наслаждаюсь я чаем из собранных трав,
Постигая загадочный Осени нрав.

Калифорнийские пожары

Пожары вспыхнули как будто бы в мгновение,
И огненная буря бушевала по лесам.
Бежали все, ища себе спасенье,
А кто-то отправлялся в небеса...

Горели города, поселки, люди...
Задержало все небо жуткой тьмой.
Куда бежать? Никто не знал по сути,
Но знали – не вернуться уж домой...

Как будто ад спустился в это время.
Казалось, что не будет и конца.
Стихия так обрушилась на землю!
И явно – с позволения Творца.

Слышны были молитвы и проклятья,
Кто чем наполнен – то и выдавал.
Но всем хотелось спрятаться в объятьях
Того, кто б утешал и помогал...

С тоской и болью вопрошали небо:
Помилуй, Боже, и пошли нам дождь!!!
И даже тот, кто верующим не был,
Надеялся, что может Он помочь.

Прошла неделя, вот идет другая...
Все так же глухо, капли не видать...
Полгода засухи, мольба немая
У многих стала тоже застывать...

А кто-то продолжал настойчиво молиться,
Просить прощения за тяжкие грехи.
Прости нас, Отче, перестань гневиться,
И милость над судом превознеси...

Свершилось чудо – Небо услышало!
Того, кто верен Богу всей душой.
И в милости своей нам дождь послало,
И благодарность полилась сама собой...

Осень постучала мне в окошко

Осень постучала мне в окошко:
Ну-ка, соня, побыстрее вставай,
Прихвати ты ножик и лукошко,
По грибы команду собирай...

Спорить с этой дамой бесполезно,
Очень коротки вдруг стали дни.
Логика ее звучит железно:
Ночи ведь для сна достаточно длинны.

В лес иду, вдыхая полной грудью
Свежий воздух, пахнувший дождем.
Наполняюсь чудотворной сутью,
Становясь частичкой сказки в нем...

Тишина встречает, не пугая,
Будто укрывая в свою шаль,
Тайны мироздания открывая,
Прогоня всякую печаль.

Вот деревья, мохом обрастая,
Пишут свой затейливый пейзаж.
Дуб из листьев коврик расстилает,
Нас маня в загадочный мираж.

Вот олени пробежали мимо,
Вызывая радостный восторг...

До чего же всякий раз красиво
Нам природу преподносит Бог!!!

День опять промчался как стрелюю,
А грибов мы так и не нашли.
Но довольны все же мы собою,
Что к познанию ближе подошли...

Рассмотрев прекрасное творенье,
Видим Сотворившего везде.
И душа покоится в смиренности,
Осознав Его присутствие в судьбе...

Моя молитва

Как часто молитва моя – монолог:
Спаси, помоги, все дай в срок...
А лучше сказать: Милосердный мой Бог!
Я слушаю – Ты говори...

Не важно, что в мыслях и в сердце моем...
Он знает о нас наперед.
Важнее всего – как Его мы пойдем,
А Он даже вздохи поймет...

Как часто хотим мы Его убедить,
Что наши проблемы важней.
Но главное – сердце пред Ним усмирить,
Советы принять поскорей...

Как мать и отец для дитя своего
Желают все лучшее дать, –
Господь не оставит в беде никого,
Даст все, что ты сможешь принять...

Не предавай любовь

Предать Любовь на муки и распятие –
Страшнее преступления в мире нет.
Когда, доверившись распахнутым объятьям,
Вдруг ощущаешь внутреннюю смерть...

Кровь застывает в ожидании мрака,
Что наступает после дозы лжи.
И ждешь уже лишь только с неба знака,
В себе удерживая вопль души...

И думаешь – нет смысла больше в жизни,
Убита вера, воля и мечты.
И чувствуешь себя везде ты лишним,
И кажется – все рухнули мосты...

Как в зной, на камне, жизнь вся погибает,
Так горечь в сердце разрушает мир.
Жизнь на планете зло уничтожает,
И ужасами полнится эфир...

Но вот росток, сквозь камни пробиваясь,
Вдруг оживает прямо на глазах
И, силой необычной наполняясь,
Нам ведает о Божьих чудесах...

Взошел как отпрыск из земли бесплодной...
Казалось, что напрасно и взошел
Среди сердец жестоких и негодных,
Зачем Христос, с небес ты к нам сошел?

Оставил славу, царское величье.
И на пещеру поменяв престол.
Униженное обретя обличье,
Ты с мытарями сел за бедный стол...

Больные, прикоснувшись, исцелялись,
Слепые прозревали, видя свет.

Немые, слыша Слово – ликовали!
Хромые танцевали им вослед...

Ты возвестил всем милость и прощенье,
Своим приходом в небо дверь открыл
И показал для нас пример смиренья,
Своей любовью с Богом примирил...

И хоть Её там, на кресте, распяли,
И ныне распинают вновь и вновь,
И многие за Истину страдали –
Жива вовеки верная любовь!

Она живет сегодня в простодушных,
Без вида и величия, сердцах
Отверженных, но так великодушных!
Их слава будет вечна в небесах!

Владимир Ульченков

*Бог не отвергает грешных нас
И даёт для покаянья шанс.*

Ульченков Владимир пришёл к Господу из мира в начале 90-х годов, покайсясь в центральной Московской церкви ЕХБ. Принял водное крещение по вере в центральной Харьковской церкви "Преображение" в 1997 году. Учился в ДХУ (бакалавриат) и в магистратуре МБС. Совершал служение пастора-миссионера в Тульской и Костромской областях. Владимир Николаевич является также основателем Харьковской группы христианских поэтов "Дерзновение". Издал три сборника стихов христианских авторов: "В начале", "Алмазные россыпи", "Мои новые стихи". Автор являлся номинантом, лауреатом и дипломантом международных поэтических конкурсов. Член Российского союза писателей. Финалист национальной литературной премии "Поэт года". Вошёл в сборник "200 поэтов" 2018 года. Публиковался в сборнике "Антология русской поэзии" 2020 года. Награжден четырьмя медалями РСП. В настоящее время совершает служение проповедника, проживает в Смоленской области. Женат, имеет двух дочерей.

Милость

Я вижу горы, своды небосклона,
Я вижу реки, рощи, тополя,
Хотя всего я видеть не достоин,
Но в этом милость, Господи, Твоя.

Есть место, где страдания и стоны,
Не песни в месте этом, не стихи,
Вот этого я, Господи, достоин,
За все свои смертельные грехи!

За все мои безумные гулянки,
Что я служил не людям, а вещам.
За то, что я снаружи, не с изнанки,
Себя от грешной жизни очищал.

Но Ты с небес спустился на Голгофу,
Померкнул даже солнечный овал,
Чтоб ныне поэтические строфы
О милости Твоей я рифмовал.

Я знаю, Ты придешь, Спаситель, скоро,
Лишь стоит только Ангелов послать,
И соберешь всех грешных, недостойных,
Которых оправдала благодать.

Ты подарил небесные просторы,
И мне открыл чудесные края!
Я этого, Господь мой, не достоин,
Но в этом милость, Господи, Твоя!

О горнем

К Тебе, Господь, моё прошение,
Ты моя крепость и броня,
Земля имеет притяженье,
Но сохрани, Господь, меня!

Твою, Господь, взываю милость,
Сегодня, на закате дня,
К земному чтоб не прилепилась,
Увы, земная плоть моя!

Но чтобы на дороге тесной,
Я мыслил только об одном:
О горнем, высшем, о небесном,
О горнем, но не о земном!

Чтоб не земного пьедестала
Искал сегодня под луной,
Прошёл я по земле, не стала
Она ни капельки родной!

...Земля имеет притяженье
Но Ты во все земные дни
О, не введи во искушенье,
Храни, Господь, меня, храни!

Неотвеченные молитвы

«И вот еще что вы делаете: вы заставляете обливаться слезами жертвенник Господа с рыданием и воплем, так что Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших»

(Малахия 2:13).

Жена постель слезами мочит,
А муж взывает: «Авва, Отче!»

Молись погромче иль потише—
Бог всё одно тебя не слышит!

На сердце у жены обиды—
До потолка твои молитвы!

Поток словесный, как лавины
Но нет с тобою половины!

У Бога не моли удачи—
Супруга на кровати плачет!

И всё же если Библия права...

И всё же... если Библия права,
Тогда Христу Спасителю хвала!
Потому что только Он Один
Во Вселенной этой Господин.

И всё же... если Библия права,
То жизнь людская словно бы трава.
Расцветая, опадает цвет,
Засыхает сорванный букет.

И под небом этим голубым
Человека жизнь как будто дым.
Человека жизнь как будто пар:
Появился, побыл ... и пропал.

Человек, родясь, попал в тюрьму,
Непокорный Богу своему!
Потому что множество людей
Во грехах и власти похотей!

Нам даёт Писание урок:
Над Вселенной существует Бог!
Он, когда прервётся жизни нить
Станет человечество судить.

Бог не отвергает грешных нас
И даёт для покаянья шанс.
Наш Спаситель Иисус Христос
Наказанье за людей понёс.

Иисус Христос дарует жизнь
И в поступки вкладывает смысл!
Это очень важные слова,
Потому что Библия права!

С обочины на небеса

Мне люди смерть пророчили
Готов был к смерти сам,
Однако Бог с обочины
Поднял на небеса!

Смотрите все воочию
Я устремленный ввысь.
Мне люди смерть пророчили,
Но Бог дал даром жизнь!

Бог, кроме всего прочего,
Свершает чудеса:
Студенту и рабочему
Открыты небеса!

Христос для плана Отчего
Спасения Гарант!

Вставай скорей, обочина–
Не лучший вариант!

Господь – опора прочная!
Господь спасает люд!
Теперь канава сточная
Оставленный приют.

О, где вы, полуночные
Приятели-друзья?
На небеса с обочины
Проложена стезя!

Я усвоил истины простые

Я усвоил истины простые:
Не спасает массы монастырь!
Но кругом духовная пустыня,
Кто-то должен выйти на пустырь!

Должен быть духовный провожатый,
Кто оставит временный уют.
Умоляйте Господина жатвы,
Чтобы дал работников на труд!

Чтоб послал работников на нивы,
На миссионерские поля!
Чтобы дал людей сегодня... Или...
Или... Может, это буду я...?

Аккордеон

Разверну сегодня я меха,
И прославлю Господа стихами.
Он меня избавил от греха
На кресте пронзёнными руками.

На скале меня поставил Он,
Оградив от нечистот и сажи
И про это мой аккордеон
Плавными напевами расскажет.

Ныне несказанно повезло,
Жизнь с Христом намного интересней!
И еще: дополнил я число
Тех, кто прославляет Бога песней!

Изучаю Вечности Закон,
Говорят: «Грызу гранит науки»...
А под вечер мой аккордеон
Изливает радостные звуки.

Бог принимает..

Вечер... Мороз... Румянец...
Я поклоняюсь ниц,
Бог принимает пьяниц,
Он принимал блудниц.

Юг сотворил и Север,
Так же зверей и птиц.
Бог превращает плевел
В копны, в снопы пшениц!

Было: когда-то Лота
Спас из среды огня,
Как-то Он из болота
Пьянства – извлёк меня!

Это отнюдь не сказки!
Любит Бог добрых, злых...
Ты заливаешь глазки –
Бог открывает их!

Он превращает в радость
Горе смиренных лиц,
Мне почему-то в сладость
Ему поклоняться ниц.

Ты металась, словно птица

Ты металась, словно птица,
От начала и до края.
Бесполезно всё стучится –
Дверь никто не открывает!

Ты ругать хотела матом,
Перепутав дни и сроки,
Ты стучалась к адвокатам
И к начальникам высоким.

Ты искала снова место,
Обратилась к домочадцам.
Бесполезно! Бесплезно,
Всё равно не достучаться.

Надо, может быть, смириться,
Бог над всем повелевает!
Это Он к тебе стучится,
Но никто не открывает...

Я не задираю свой нос.
Направляю взор к небесам!
Если вам не виден Христос,
То напрасны все чудеса...

А хмельной смеётся народ,
И вопрос раздаётся сквозь смех:
«Что стоишь, разинувши рот,
Поднимаешь голову вверх?»

Ты ли горделиво стоишь?
Ты ли христианский поэт?
В небесах безмолвная тишь!
Мы летали: Господа нет!»

Дорогой Спаситель принёс
Раненым целебный бальзам.
Я не задираю свой нос—
Устремляю взор к небесам!

*Пс.91:13 Праведник цветет, как пальма,
возвышается подобно кедру на Ливане.
Прит.28:1 Нечестивый бежит, когда
никто не гонится [за ним];
а праведник смел, как лев.*

Мне не грустно, не печально.
Не иду на компромисс.
Праведник цветёт как пальма,
Ввысь растёт как кипарис.

У него терпенья хватает
Укротить свой крик и гнев.
Сильный у него характер,
Смелый праведник, как лев!

Праведник обычно весел—
Он обидчика простит,
Он не может жить без песен
И обычно не грустит.

Это, в принципе, нормально,
Чтоб расти и вверх, и вниз.
Праведник цветёт, как пальма
Высотой, как кипарис!

Надежда Храпова

*Размышляя о Господней славе,
Не могу постигнуть, отчего
Получила я святое право
Называться дочерью Его?*

Родилась 11 Февраля 1957 года в городе Ташкенте, Узбекистан. Её отец, Николай Петрович Храпов – служитель Церкви, многолетний узник за Слово Божие, автор трилогии «Счастье потерянной жизни», многих стихотворений и поэм. В семье Храповых каждый день начинался с молитвы и пения. В этом доме пели всегда. С детства Надежда полюбила Церковь и Божий народ. Вступила в завет с Господом в 1972 году, в возрасте 15 лет. Её мама, Елизавета Андреевна, очень любила поэзию, имела несколько рукописных тетрадей-сборников со стихами и нередко читала их на собрании.

Сама Надежда Николаевна никогда не была особо увлечена стихами. Поэзия пришла к ней неожиданно, сравнительно недавно, в 2005-м году, видно, чувство слова по наследству от родителей передалось. Сестра Надежда сердечно благодарит Господа за этот дар, за каждую подаренную ей строчку и молит Бога, чтобы её стихи стали утешением и благословением читающим.

По милости Твоей

Когда я просыпаюсь на рассвете
В душе и на устах одни слова:
За то, что я живу ещё на свете,
Тебе, Господь мой, слава и хвала!

По милости Твоей я не исчезла,
Хоть много заболевших вновь вокруг!
Ты бережёшь меня от всех болезней,
Мой дом обходит стороной недуг.

Встречаю с радостью моё сегодня,
Оно в надёжных Божиих руках,
А благодать и милости Господни
Хранят меня на жизненных путях.

В Твоей руке неведомое завтра,
Грядущее сокрыто в темноте,
Но я усвоила, давно, когда-то,
Покой и счастье, – только во Христе.

Мне хорошо в любое время года,
В опасностях даст сил и проведёт
Сквозь бури завыванья, непогоду,
Мой Добрый Пастырь – любящий Господь.

07.27.2021

Иисус! Ты – моё сокровище!
И не сможет никто другой,
На нелёгком житейском поприще
Мир мне дать и душе покой.

Иисус! Твоё Имя любимое
Повторяю я день и ночь.

В тени крыл Твоих лишь хранима я,
Только Ты можешь мне помочь.

С Твоим Именем чудным связана
Нераздельно моя судьба.
Я Тебе бесконечно обязана
Всем, что в жизни есть у меня.

Моя песнь

Пусть фонтаном из сердца бьёт,
Поднимаясь в небес края,
Пусть отраду людям несёт
Задушевная песнь моя.

Пусть искрятся счастьем глаза,
Чтобы видели все вокруг,
Что живу на земле не зря,
Что Иисус – мой Пастырь и Друг!

Повстречалась я с Ним давно
И ничуть о том не тужу.
Крепкой, верной дружбой Его
Бесконечно я дорожу.

Пусть из песен моих, стихов,
Соберётся целый букет!
Воспеваю Христа Любовь, –
Ничего ей подобной нет!

Пока сердце моё стучит
И пока на земле живу,
Не смолкает пусть ни на миг
Гимн мой Господу моему!

Безграничную милость Господню,
Благодать Иисуса Христа
Не смогу так прославить достойно,
Но хочу воспевать без конца!

На Голгофском холме том ужасном
В муках Он умирал за меня,
Дверь открыл к бесконечному счастью,
Где теперь ожидает любя.

Хоры ангелов не умолкая
Честь возносят Страдальцу Христу,
Но меня Он услышать желает,
От меня ожидает хвалу.

Хочет слышать мои Он моления,
Мои песни приятны Ему,
Потому я в глубоком смиреньи
Преклоняюсь и благодарю.

Хоть нескладны молитвы и робки
И нестройно звучит моя песнь.
Но хваленье Тебе, Агнец Кроткий,
Никогда не устану я петь!

04.29.2005

Вьюга бушует и злится,
Песнь завывая свою.
Только её не боится
Крошка- подснежник в лесу.

О, из-под снега головку
Чуть приподнял над землёй,

Выглянул в мир этот робко,
Милый, отважный такой!

Знает, немного осталось,
Может быть – несколько дней.
Лишь подождать нужно малость
И скоро станет теплей.

Эта сердитая вьюга
В Северный край улетит.
Солнцу навстречу, как другу
Он развернёт лепестки!

Если тебе трудно очень
Иль запоздала весна,
Крошечный вспомни цветочек–
И станет легче тогда.

«Всегда радуйтесь.»

1Фес.5:16

Библия призывает
Радоваться всегда,
Но и не редко бывает,
Что постигает беда.

В сердце сразу унынье
И на душе печаль,
Веры светлые крылья
Не несут меня вдаль.

Угасает Надежда,
Остывает Любовь...
Что вернёт меня к прежней,
Чистой радости вновь?

Я иду на Голгофу
По знакомой тропе

И Распятого профиль
Ясно вижу во тьме.

Вижу страшные раны,
Кровь, что струйкой бежит...
И душа оживает,
Как, Господь, Ты велик!

Даже миг у распятия
Смог мне радость вернуть,
И позабыто проклятье,
Снова светел мой путь!

В сердце счастье разлилось
Полноводной рекой,
Вновь ко мне возвратились
Радость, мир и покой!

Так хочу, чтобы радость,
Что вернул мне Христос,
В моём сердце осталась
Среди горя и слёз.

Чтоб Христовы страдания
Пронесла сквозь года,
Чтоб Голгофа сияла
Предо мною всегда.

Помни пройденный путь!

Помнить пройденный путь призывает нас Бог!
Мы пришли в Дом Молитвы сегодня
И желаем исполнить священный наш долг—
Вспомнить дивную милость Господню.

Вспомним то, как мы шли христианским путём,
Под высокою Божьей десницей.
Как Он шёл перед нами и ночью, и днём,
Не давая с дороги нам сбиться.

Вспомним тех, кто когда-то прошли впереди,
Крови след за собой оставляя.
Тех, кто жизнь отдавал на тернистом пути,
Верность Божьим заветам являя.

Вспомним наших отцов, дедов, прадедов, – тех,
Кто принявши Святое Учение,
Вдохновляли на подвиги верности всех,
Кто донёс и до нас Весть Спасенья.

Помоги нам, Господь, эту Весть о Христе,
В мир нести, словно факел горящий,
Чтобы те, кто блуждает ещё в темноте,
Через нас Путь нашли – настоящий!

Чтобы Чудную весть о Христовой Любви
Мы бы многим ещё передали,
Чтобы души к Христу с покаянием шли,
Верный путь для себя избирая.

Вспомнить пройденный путь мы сегодня хотим
И Отцу вознести благодарность,
Чтобы только Господь возвеличен здесь был,
Чтобы Имя Его прославлялось!

Рождественский

Драгоценный подарок неба,
От Адама о Нем мечтали,
И теперь, в полумраке хлева
Этот Дар Мария встречала.

Этот чудный подарок Бога
Много лет земля ожидала,
Но рукою своей, с порога
В эту ночь Его прогоняла.

Не нашлось Иисусу места
Ни в гостинице и ни в доме,

И пришлось Дорогому Младенцу
На колючей лежать соломе.

Знала мать, в этот мир встречая,
О великой миссии Сына.
И когда Его пеленала,
Понимала – рождён Мессия.

И от самого первого вздоха
Дорогого её Сыночка,
До конца, до горы Голгофы,
Будет путь Его трудным очень!

Потому с великим волнением
Прижимала к себе Младенца,
Дорожа коротким мгновеньем,
Берегла у самого сердца.

Драгоценный подарок Бога–
В бедных яслях Младенец нежный.
Сам избрал он эту дорогу,
Чтобы нам подарить надежду.

Всегда благословляйте ближних ваших!
Как воздух нужно им благословенье,
Ведь мир сей – переполненная чаша,
Где грех царит и ужас, и смятенье.

А слово доброе так много значит!
Порою незаметное, простое,
Оно неразрешимую задачу
Нам помогает разрешить с тобою.

Благословенье наше и Господне,
Как щит от вражьих стрел оберегает.
Несёт покой и радость за собою,
Пройти нам путь нелёгкий помогает.

Нуждаются в благословеньи Вашем
Любимые – о них не забывают!
Чтоб жизнь на этом свете стала краше,
Прощайте всё им!
И благословляйте!

Когда вкушаю хлеб и пью глоток вина–
Я смерть Господню возвещаю
И мысленно переносюсь к тем страшным дням,
Его мученья вспоминаю.

Вот ясно на Голгофе вижу три креста,
Меня крест средний привлекает.
Я на Распятого смотрю издалека,
Он взглядом ближе приглашает.

О, как обезображено лицо Христа
И всё почти залито кровью...
Я вижу, как струится кровь из-под венца,
Лишь светятся глаза любовью.

Но вот зашевелились вдруг Его уста–
Сказать Он, видно, что-то хочет.
Сын Божий очень тихо произнёс с креста,
Но слышу я : «Прости им, Отче»...

Теперь ещё поближе подхожу к Нему,
Ведь виновата я во многом.
Молюсь, прошу прощенья за свою вину,
Хочу обнять Иисуса ноги.

Но их обнять мешает дерево креста,
К которому они прибиты
Гвоздями ржавыми, всё это за меня...
И вновь склоняюсь я в молитве.

Вот чувствую, как капли тёплые, из ран,
С креста на руки мне упали,
Ведь в этих ранах исцеленье для меня,
Прощение они мне дали.

И только там, в мольбе склонившись у креста,
Смысл понимаю мук Христовых –
Там получаю подкрепление для себя,
Лишь там я оживаю снова.

Я считаю Милости Господни,
В каждом новом дне их нахожу!
Только ими я жива сегодня,
Только ими до сих пор дышу!

Размышляя о Господней славе,
Не могу постигнуть, отчего
Получила я святое право
Называться дочерью Его?

Не достойна даже и частицы
Божьих многочисленных щедрот,
Мне за лепту малую – сторицей
Мой Отец небесный воздаёт!

В Новый, неизвестный год вступая,
Я хочу от сердца пожелать,
Чтоб мы никогда не забывали
Все Господни милости считать.

Осенние размышления

Дождик плачет слезинками мутными...
И в стремительном танце кружась,
Напевая мелодию грустную,
Гибнут листья, на землю ложась.

Вместе с летними днями погожими
Их коротенький век пролетел.
И на них чем-то очень похожею
Наша жизнь представляется мне.

Суеюй бесконечной, заботами
Провожаем мы годы свои.
Очень нужною, важной работою
Все заполнены ночи и дни.

Как те листья всё кружимся, кружимся
Мы в мельканьи стремительном дней,
И задуматься не удосужимся
О судьбе и о жизни своей.

Для чего она здесь нам назначена?
Что от нас ожидает Творец?
Как мы справились с нашей задачей?
И какой у нас будет конец?

Осень – самое время задуматься
И проверить итоги свои.
И ещё, может, что-то получится
Нам исправить, в последние дни.

Дни, недели и годы проносятся,
Ни на миг не замедлив свой бег.
За мгновение каждое спросится
Нами прожитое на земле.

Может стих мой печальный немножечко
Оттого, что Сентябрь на дворе?...
Но хочу я всё сделать возможное
Из того, что поручено мне.

09.26.2006

Чудеса

В чудеса до сих-пор я верю,
Хоть порою мне говорят:
«Ты, Надежда, больна наверно?»
И насмешливо вслед глядят.

Как-же мне в чудеса не верить,
Когда вижу их каждый миг?
На заре, лишь открою двери,
Я тотчас утопаю в них!

Ощущаю душой счастливой
Чудный почерк Бога-Отца,
Когда слушаю переливы
Из семьи пернатых певца.

Ну, а вот, скажите, не чудо?
Сквозь асфальт пробился росток!
Столько силы нашёл откуда
Этот крошечный стебелёк?

Вижу чудо в набухших почках,
Оживающих по весне.
Или в клейких, первых листочках,
Что так сильно нравятся мне!

Человек прошёл, равнодушно
Наступив ногой на цветок.
Это чудо ему не нужно,
От чудес совсем он далёк.

Моему Отцу имя – Чудный!
И безмерно счастлива я,
Что на небе жить вечно буду,
Где живёт Господня семья.

Пусть насмешливо смотрят люди,
Но Творец открыл мне глаза!

И теперь хочу я повсюду
Возвещать Его чудеса!

Как хорошо!

Город проснулся, умытый дождём,
Утренним солнцем согретый.
Струны заветные в сердце моём
Тронул игрок незаметный.

И ободрилась душа, ожила,
Дух мой наполнился песней,
Той, что с собою меня унесла
К светлым просторам небесным.

Где-то осталась земля позади,
Беды её и тревоги.
Благостный мир ощущаю в груди,
В вечном присутствии Бога.

Господи! Как хорошо мне с Тобой
В день выходной или будний.
Ты сохранять помогаешь покой
В гуще толпы многолюдной.

В Слове Твоём я бальзам нахожу,
Новые силы черпаю.
Как хорошо!
Потихоньку твержу,
Что я Спасителя знаю!

07.25.2008

К жатве

Нивы побелели, скоро жатва,
Ждут поля умелых наших рук.
Время коротко и ждать до завтра
Мы с тобой не можем, милый друг.

Есть опасность потерять посевы,
Над полями стаи птиц кружат.
Земледельцы, труженики, где вы?
Все за дело, урожай спасать!

Непогода наступает быстро,
С ней идут холодные дожди.
Тихо с клёнов опадают листья...
Ты погожих дней уже не жди.

Если плод созревший мы погубим
Ленью, равнодушием своим,
Сильно огорчён Хозяин будет,
Чем мы оправдаемся пред Ним?

Время жатвы, нивы побелели,
Срочно нужно урожай спасать!
Помоги, Господь, чтоб мы успели
Жатву в Твои житницы собрать.

09.18.2013

Утренние раздумья

Дождь недавно прошёл,
воздух утренний свеж,
Отражается в лужицах небо,
Я смотрю на него и представился мне
Край, в котором никто из нас не был...

Этот край приготовил Небесный Отец
Для того, кто Его ожидает,
Как диковинный, чудный,
прекрасный дворец,
Он величием славы сияет.

Вместо солнца – там светит Господне лицо,
Не бывает болезни и ночи,
Стужи зимней не будет – всегда там тепло
И, конечно, красиво там очень!

Глаз не видел такой неземной красоты,
Ухо – песен таких не слышало!
Устремляются вновь
к тем просторам мечты,
Жаль, что знаю о них я так мало...

Вереницей по небу плывут облака...
И стою, затаивши дыханье...
Помоги мне, Господь, в этом мире греха
Жить, достойно небесного званья.

09.28.2007

Капельки с неба падают
На иссохшую почву,
И земледельца радуют
Эти капельки, очень!

Капельки с неба падают
В изнемогшую душу...
Капельки с неба падают...
Просто замри и слушай.

В капельках этих милости
Я с небес получаю,

С ними мне легче вынести
Все, что в жизни встречаю.

Этих капель спасительных
Так душе не хватает,
В этой влаге целительной
Вновь она оживает.

Капельки с неба падают,
Всё вокруг наполняют,
То минуты отрадные
Нам Господь посылает.

02.19.2013

Помоги мне, Боже, успеть!
Жизни день так спешит к закату.
Помоги слезу утереть
Изнемогшим сестре иль брату.

Помоги мне, Боже, успеть!
Нанесённые мне когда-то
Огорченья забыть, стереть
И простить всё сестре иль брату.

Помоги мне, Боже, успеть!
Всех, пред кем была виновата
Отыскать, в глаза посмотреть,
Примириться с сестрой иль братом.

И когда Ты меня к Себе
В край чудесный забрать захочешь,
Помоги успеть на земле
Все дела мне, Боже, закончить.

02.12.2010

Владимир Шариков

*Твоим сынам всё так же трудно.
Да только много тяжелей
Провозглашать зарницу утра,
Когда становится темней...*

В христианском мире многие пишут стихи, и это замечательно, ведь верующие пытаются таким образом рассказать о своей любви к Господу, но среди них не так много настоящих поэтов. И я рад, дорогие читатели, представить вам Владимира Шарикова. Господь открыл для меня это имя около 15 лет тому назад на семинаре в Израиле, который Владимир Степанович проводил вместе с другими братьями из США. Мне очень понравилось его выступление, и я подарил брату диск со своими песнями. Владимир сказал «я сейчас» и удалился, а через пару минут принес мне книгу. Ценность этого подарка я ощутил уже с первых страниц, и с тех пор внимательно слежу за творчеством этого автора.

И вот вышла новая книга преданного служителя Божьего Владимира Шарикова, где представлено его творчество как последнего времени, так и тех лет, когда он делал только первые шаги в Господе. Что их объединяет? Неугасающая первая любовь ко Христу! Это не просто стихи, это поэзия, которая учит нас правильно жить в Господе, не заниматься пустыми разговорами, а быть искренними Христовыми учениками...

По несколько раз в год Владимир приезжает в Израиль, где руководит молодежными лагерями, проводит конференции, организует группы паломников. Каждая встреча с ним дарует мне радостное общение.

Желаю вам приятного и полезного чтения, а автору – Божьего вдохновения для создания стихов. Благословений в Господе!

*Леонид Банчик,
Пресвитер церкви «Голос
в пустыне», Иерусалим*

Доля из чаши

*«...и палящий ветер –
их доля из чаши...».*
Пс. 10:6

Не Ему опускаться в грязь.
Но Он поднял пороки наши
И страдал на кресте за нас...
Это – доля Его из чаши.

Трость надломленная стоит,
Лён курящийся – не погашен.
Есть надежда! И Бог не спит...
Это – доля твоя из чаши.

Не идти не могу за Ним,
Хотя крест мне порою страшен.
Но в долине скорбей храним...
Это – доля моя из чаши.

Хлеб с Божественного стола
Раздавай своим ближним чаще.
Когда мир догорит дотла, –
Будет доля тебе из чаши.

Ад зажжён вековым огнём.
Там все те, кому Бог не важен,
Все, кто жил и питался злом, –
Это – доля врагов из чаши.

Скоро серп соберёт поля.
А пока ты – у талой пашни,
Не живи кое-как и зря, –
ТВОЯ ДОЛЯ – В ГОСПОДНЕЙ ЧАШЕ!

2010

Иеремия в яме

«...и погрузился Иеремия в грязь».

Иер. 38:6

Есть мир, в котором лишь одна стезя,
Когда твой долг не выразить словами.
– За слово, неугодное князьям,
Иеремия оказался в яме...

И там, в грязи, ни пищи, ни питья –
Грязь не пристала к чистому пророку,
Он и сперва не смел сказать: «Вот я!»,
Но стал устами Божьими. Без срока.

... А за стеной – халдеев диких тьма.
Едят и пьют, и сыто веселятся.
Они – враги, но не от них война,
Она – в сердцах, что не хотят смиряться.

Пророк – один. Князья и царь, и все
Полны огня стоять за город святой.
А город пал в надежде и красе,
И не пророк был в этом виноватый...

Сидит он в яме... Грязь кругом и слизь.
Зачем он здесь в последние минуты?
И молится он в крохотную высь,
Чтоб узел жизни Бог для всех распутал...

Не молит о пощаде, не зовёт –
Свои жестоки в ревности законной...
И не один на свете крестный гнёт
Так не тяжёл, как тот, что благовонный!

... В сердцах народа поселилась грязь.
И жил народ в одной глубокой яме...
Но знал пророк Божественную власть
И дорожил её креста лучами.

2010

Рождественские звёзды

Зажглись Рождественские звёзды
Исконным светом и теплом.
Он в мире был Скитальцем поздним,
Стоящим робко за окном...

Стенали, плакали и звали,
Не видя бедствиям конца...
А Он пришёл! Они не ждали
Мессию мира без венца.

Наш мир был злым и грешным очень –
Кипели страсти, кровь лилась...
И, наконец, был крест сколочен,
Вознесший Божью ипостась...

Я слышу Ангелов поющих.
А ночь, как день, тиха, светла...
Так воплотился Вездесущий,
Чтоб дать нам новые тела.

Безмерной жалостью влекомый,
Не тратя более веков,
Он слился с жизнью незнакомой,
Освободив нас от оков.

...Горят Рождественские звезды
Пречистым светом и теплом...
Я в мир пришел ненужным гостем,
А ухожу в Отцовский Дом!

1988

Знать Христа

Господь всегда хранит остаток,
Как восхитительный кристалл!
Но мало знать Христов порядок,
Нужней гораздо – знать Христа...

Свет Слова Божьего – Обитель,
Сияет миру, как хрусталь.
Любя его, друзья, любите
Нас Возлюбившего Христа.

И если вы пошли на праздник,
То в толкотне и суете,
В потоке разговоров разных
Храните память о Христе!

Когда в твои глухие ночи
В молитве сходит благодать,
Вгляни на крест! Там Тот, Кто хочет
Тебе намного больше дать!

Хоть ты без усталости и страха
Трудился, лживых не сносил,
Но не сумел поднять из праха
Любовь к Нему. А Он любил!

...Покой, устройство и достаток –
Как дар ниспосланы с небес.
Но этот стол ещё не сладок,
Коль за столом Христу не сесть.

Ведь это Он готовит ужин,
А мы – вовек собой грешны...
Нам Он, как вдох, сегодня нужен,
А с Ним, как выдох, – все нужны!

2011

Ответ

Ты стал неотъемлемой частью
Христовой заботы и мук,
Но призрак греховного счастья
К тебе возвращается вдруг...

Молитва становится беглой
И в Слове не стало нужды...
И первое чувство поблекло
В палящих лучах суеты.

А в вере – всё шатко и зыбко,
И сердце не просит: «Держись!»
– Так, может, ты сделал ошибку,
Оставив порочную жизнь?

О, нет! Слышишь? Правда простая
Для тех, кто получит венец:
Греховный бурьян прорастает
Сквозь камни и сухость сердец...

Господнее бремя – не ноша!
Рукою одной – не снести.
Как полная чаша не может
И капли ничтожной вместить...

Ты знаешь о правде подспудно,
Меняя часы на века.
Греховное счастье доступно...
Но Вечность тогда далека!

И если на сердце тревожно,
И гаснет вчерашний твой свет –
Греховное счастье возможно,
Блаженство греховное – нет!

Склонись перед Образом светлым,
Он любит нежнее, чем мать.

И счастьем наполнит ответным
Твой образ Его благодать!

2013

Рождество. Заискрились снега.
Тишина. Только хруст под ногами.
Божья милость была велика,
И поэтому Бог теперь с нами!

Ко Христу приближался любой
И с богатым, и бедным видом...
Если хочешь, чтоб Он был с тобой –
Сердце чистым держи и открытым.

Ко Христу соберутся на пир
Те, кто выпили горькую чашу.
Рождество – это полный мир,
Это – крепкая башня наша.

Заныло сердце о России –
Чернеют избы на снегу...
Мы до конца не испросили
Покою дому твоему.

Не задержались на минутку
Проникновеньем в глубину
Твоей печали-незабудки,
Чтоб не забыть свою вину.

И воскресает в сердце снова
Картина прошлого, как месть,
Недоуслышанное слово
На недосказанную весть...

Мы уезжали, повинуюсь
Инстинкту, Богу иль уму...
И слышим: нет уж больше с улиц
Покоя дому твоему.

Твоим сынам всё так же трудно.
Да только много тяжелей
Провозглашать зарницу утра,
Когда становится темней...

Мы безнадёжно злы и слепы,
Упорно ищем новизну...
– Неужто нет пути и света,
И мира дому твоему?

... Не просто думать о России...
Пусть будет сказано сквозь тьму:
– Они по-прежнему просили
Спасенья дому твоему.

1998

Преклонись, душа моя, к Нему,
Сердцем чутким вслушайся в глаголы.
С Ним ты можешь переставить горы,
Но приди к Нему не потому.

У Него – бесчисленность планет,
Глубь небес и бездна океана.
Да, Ему числа и места нет
В окруженьи возгласа «Осанна!»

У Него – великие дела,
Начиная с мирсотворенья.
Дождь прольётся по Его хотенью,
И живём мы от Его тепла.

У Него прекрасные сыны –
С чистой мыслью и широким сердцем...
И они в Его руках, как средства,
Но нисколько тем не стеснены.

Поразмысли... Многое ещё
От него исходит в наши будни.
Он – незримый постоянный Спутник
Каждого, кто на земле живёт...

Но приди, душа моя, к Нему,
Потому что Он – единый в мире,
Кто способен с незабвенной силой
Полюбить, не посмотрев на тьму.

Полюбить, не глядя на усмешки,
Просто и безмерно полюбить.
... Вот с каким Христом дано мне жить
В наше время суеты и спешки.

1985

«Помилуй сына моего...»

Он подошёл к Нему с нуждою –
Не мог отец открыть всего...
А лишь сказал, объят бедою:
«Помилуй сына моего!»
В огонь и в воду дух бросает,
Нет сил смотреть. Нет сил рыдать.
И жизнь в нём быстро угасает...
– О, Боже, что Ты можешь дать?!
Когда беснуется мой мальчик,
Вокруг стыдятся все, бегут.
И всё во мне болит и плачет,
Как будто это мой недуг.
Невыносимы птичьи трели...
Они – как похоронный бой!

Ученики уже смотрели,
Но не был я перед Тобой!
Здесь речи книжников народных.
Не знаю, что они хотят...
Насытят ли они голодных?
Помилуй моего дитя!
Спаситель мира! Как Ты дорог,
Что не прошёл мою беду!
Зачем мне жизнь, когда мой отрок
Влачит несчастную судьбу?!
Отец взволнованный, смущённый
Остался с Ним наедине...
– О, род лукавый, развращённый...
Ведите отрока ко Мне!
Нет невозможного для Бога!
Отец не сводит глаз с Христа:
– Ты можешь верить, хоть немного?
Без веры не снести креста!
И что-то в сердце заискрилось...
– Я свет от тьмы не отделию...
– Я верю, Боже, но на милость
Твою надеюсь и молю!

2008

Леонид Шатохин

*Господь, мой Бог, Тобой все в мире держится,
В Тебе разгадки тайны бытия:
Не сирота несчастный и отверженный,
Но я – Твое счастливое дитя!*

Родился в 1952 году в Донецке, Украина.
С 2017 года проживает в столице Калифорнии Сакраменто. Стихи начал писать с юности, отражая в них свои духовные поиски, радости и переживания. Некоторые из них стали песнями: «Я любви недостойн Твоей», «Юные силы» и другие. В дальнейшем новые песни, в основном, получались в сотрудничестве с музыкальной группой «Ковчег» из Донецка. Часто писал стихи, посвящая их своим друзьям по поводу разных знаменательных событий: крещения, брака, проводов в армию... «Я многим обязан друзьям христианской юности, – говорит Леонид. – Они поистине обогатили мою жизнь своим духовным опытом, сопереживанием в часы искушений и сорадостью в добрые дни. Вот почему свой сборник стихотворений я посвятил им. Я благодарен Богу за мою Людмилу, ставшую мне не только любящей женой и матерью наших 9 детей, но и преданной подругой. Немало стихов посвящено ей».

Спасающая Красота

«Красота спасет мир».

Ф.Достоевский

«Одна есть в мире красота:

Любви, печали, отреченья

И добровольного мученья

За нас распятого Христа».

К.Бальмонт

Мир в своем неверье погибает,
Зло кипит, бушует тут и там.
Словно заклинанье повторяют:
Мир спасет одна лишь красота.

«Красота» – обманчивое слово,
Кто-то видит в нем не дух, а плоть.
Можно быть прославленным героем,
А в себе раба не побороть.

Верю я, что грешников погибших
Может воскрешать любовь Христа, –
Красота из пробы наивысшей,
Красота Голгофского креста.

И когда пронзали руки насквозь,
Он молил за грешников Отца.
Только Тот, кто за людей был распят,
Мир спасает жертвою креста.

Душа

Нежная, красивая, ранимая,
Ты живешь, чуть трепетно дыша,
Тайна, до конца необъяснимая,
Ты – моя бессмертная душа.

В спешке, в суете по жизни кружимся,
Погружаясь постепенно в мрак,
Вдруг душой своей, от сна пробужденной,
Чувствуем, что мы живем не так.

Ты жила в тревоге сиротливою,
Да и я был в мире одинок.
Ожила и сделалась счастливою,
Лишь узнав, отец твой – вечный Бог!

Знаю, ты земным не успокоишься.
Чтобы подарить небесный дом,
За тебя – бесценное сокровище –
Счет оплачен на кресте Христом.

Нежная, красивая, ранимая,
Ты живешь, чуть трепетно дыша,
Тайна, до конца необъяснимая,
Ты моя бессмертная душа.

Я без Тебя – как та свеча, без пламени,
Бессильная рассеять мрак вокруг.
Я без Тебя – холодный, мертвый памятник:
Ни сердца, ни ума, лишь холод рук.

Я без Тебя, как сад, поросший тернием,
Погасшая, холодная звезда,
Дитя без матери, листок без дерева,
Без грусти и без радости слеза.

Я без Тебя – без роду и без племени,
Как путник, заблудившийся в лесу,
Как колосок, что скошен преждевременно,
И как цветок, утративший красу.

Господь, мой Бог, Тобой все в мире держится,
В Тебе разгадки тайны бытия:
Не сирота несчастный и отверженный,
Но я – Твое счастливое дитя!

Тобой воскресший дух мой утоляется,
Слова Твои, как воду жизни пьет,
И, возрастая, пред Тобой склоняется:
Пусть имя вечно святится Твое!

Земную ось с небесной сочетая,
Голгофский крест – как в небо верный мост.
Там в тяжких муках и от жажды тая,
Спасенье совершал для нас Христос.

В мученьях жутких умирало тело
Под тяжестью всемирного греха.
И небо с состраданием смотрело,
Сокрыло солнце траурная мгла.

То мы с тобой – виновники распятья,
То мой и твой грех Вечного убил.
А Он, воскресший, подарил нам счастье,
Любовью безусловной возлюбил.

Пусть говорят: «Прошли уже столетья,
Забвенью предан крестный скорбный путь».
Но только крест – и нет на свете места,
Где грешников еще с любовью ждут.

Мироносицы

Шли они, почти убиты горем,
Их влекла любовь, не интерес.
Знали, что привален камень к гробу,
Но не знали, что Христос воскрес!

И несли с собою ароматы –
Дань признанья и святой любви.
Сестры шли, а где же Петр и братья?
В страхе прятались они, увы.

Сестры шли, влекло их чувство долга,
Им никто не обещал награды.
Путь казался им ужасно долгим,
И не таял страх, хоть таял мрак.

Шли они, чтобы помазать тело
И оплакать, не стесняясь слез.
Вскоре сердце каждой, без предела,
Вдруг наполнит радость: Он воскрес!

Этот опыт постигаем снова:
Даже если нет на небе звезд,
Он велит, и мы идти готовы,
И тогда – навстречу нам Христос!

Две стороны

Две стороны у каждой есть медали,
Как в сутках: чередую день и ночь.
Мы радости всю прелесть не узнали б,
Когда бы горе мыкать не пришлось.

Есть в жизни то, что мы не выбираем:
Родителей, цвет кожи и цвет глаз,
И край, где пеленала мать родная,
Растила и от бед нас берегла.

Любовью создан мир, не просто случай.
Мы сами избираем свет иль тьму,
Хоть сознаем: готовит жребий лучший
Спаситель тем, кто верует Ему.

Есть люди, что любовью к ближним дышат,
А есть такие, что живут во зле.
Одни всегда глас совести услышат,
Другие – с целым миром на войне.

Есть два пути, есть выбор непременно:
Избрать Христа – найти дорогу в рай,
Безбожный путь закончится гиеной.
Что хочешь, друг, то сам и выбирай.

Две стороны у каждой есть медали.
Один вопрос стоит всегда ребром:
Чтоб вечность вы свою не проиграли,
Свяжите свою будущность с Христом!

Девочка-пленница

Об одной девчужке безымянной
Лаконичен в Библии рассказ.
Взяли в плен малышку сирияне,
И никто не защитил, не спас.

Все обычно помнят Неемана,
Как страдал проказой этот князь,
Окунувшись в водах Иордана,
Вышел чистым, будто вновь родясь.

У малышки той больнее рана –
Не вернется никогда домой.
По ночам ей только снится мама
И отец, и братья, край родной.

Почему в войну страдают дети?
Взрослым счет предъявлен, их вина.

Жизнь без Бога сами захотели,
Вот и обманул их сатана.

Можно долго обвинять другого,
Кто-то в бедах Господа винит.
Кто всем сердцем доверяет Богу,
Тот детей от мира сохранит.

Сохраняйте и оберегайте
Словом Божиим, крыльями молитв,
Наставляйте и приготовляйте
Для побед среди духовных битв.

Девочку-малышку сирияне
Взяли в плен, никто ее не спас...
Это ведь для нас напоминанье,
Предостережение для нас.

Когда является Иисус

*«Иисус велел ученикам сесть в лодку
и переправиться на другую сторону озера,
а Сам Он оставался, пока не отпустил народ».*

Мф. 14:22

Крепчает шторм, свирепость волн
Грозит рыбацкой утлой лодке,
Уже готов сорваться стон:
«О, Иисус, где Ты? Мы тонем!

Ты нас отправил в этот путь,
И здесь не по своей мы воле,
О, неужели утонуть
В пучине яростной позволишь?»

А ураган сильней ревет,
Как будто бьет прямой наводкой.
Вдруг, видят: к ним сквозь шторм идет
Иисус уверенной походкой...

И нам знаком такой искус,
Когда душа от страха стонет.
Вдруг появляется Иисус,
А с ним и мир душе приходит.

И засияет вновь лазурь
Сквозь наши горестные тучи...
Там в небесах не будет бурь,
Там со Христом нам будет лучше!

Смирение

*«...Бог гордым противится, а
смирением дает благодать».
1Петра 5:5*

Смирения без веры не бывает,
А гордость – недоверья горький плод.
Лишь тот, кто верит, тот и побеждает
Свою, грехом испорченную, плоть.

Смирение – совсем не мягкотелость,
Не поддавки, не слабости прием.
Смиренье – это мужество и смелость
Послушным быть Создателю во всем!

Сам Иисус – пример для подражанья
Во все века и для народов всех.
Смирив Себя, на крестные страданья,
Он шел за наш расплачиваться грех.

Смиренье, послушание и милость –
Вот три подруги истинной любви;
О, как бы нашу жизнь обогатили,
Когда бы с ними мы дружить могли б.

А гордость мира сердцу не приносит,
Падений громких всех она исток.

Она, увы, прощения не просит,
А потому противник гордых – Бог!

Смирренным благодать Свою даруя,
Простив, Бог говорит душе: живи!
Господь достоин славы – Аллилуйя!–
Ответного признанья и любви!

Это Он

Ночь прошла, но не идет улов.
Волны ветерок едва колышет.
С берега раздался чей-то зов:
«Дети, есть у вас какая пища?»
«Бросьте сеть», – совет им добрый дан.
Кинули... откуда брались силы?
Невод полн – в восторге Иоанн:
«Это Он, Господь, ты слышишь, Симон?!

Это Он не раз нас находил
В бедствии на море и на суше.
Это Он спасенье подарил,
Душу положив за наши души.
Это Он – пасхальный слышим звон!
Это Он – и нет прекрасней вести!
Окружает нас со всех сторон,
Духом Он живет в смиренном сердце».

Но у нас бывают времена
Кризисов тревожных и бессилья,
На глазах сомненья пелена,
Будто мы одни в безбожном мире.
И порой Христа теряем лик
Средь руин традиций и обрядов...
«Не ищи Живого среди могил», –
Слышим чей-то голос совсем рядом.

Это Он не раз нас находил
В бедствии на море и на суше.
Это Он спасенье подарил,
Душу положив за наши души.
Это Он – пасхальный слышим звон!
Это Он – и нет прекрасней вести!
Окружает нас со всех сторон,
Духом Он живет в смиренном сердце.

Давайте оторвемся от экранов
И за чайком беседу поведем.
Общаемся все чаще, как ни странно,
Друг с другом мы, отгородясь стеклом.

Увлечены, как маленькие дети
Игрушками и играми подчас.
И с головою погрузились в сети,
Иль интернет набросил сеть на нас.

Как хорошо, когда поем мы вместе,
Когда библейский вдохновляет слог,
И делимся евангельскою вестью,
И верим, что в общении с нами Бог!

Давайте оторвемся от экранов,
Пусть суета на задний план уйдет
С надеждой, что Христос сегодня с нами
Сердечную беседу поведет.

Об отце

У каждого есть родина своя,
Недаром мы зовем ее Отчиной.
Там дом родной, отец и мать – семья,
Истоки и рассветы нашей жизни.
Ты многому, отец, меня учил,

Чтоб в море жизни не тонул, а плывал.
Но редко я тебя благодарил,
А часто грубым словом ранил, папа.

Папа, дорогой мой человек,
Проводник и жизни моей лоцман,
Для меня вы с мамой – лучше всех,
Для меня вы – в темном небе звезды.

Ты с детских лет меня оберегал
От разных ран, болезненных ушибов,
Хотел, чтоб моей жизни берега
Не размывала пагуба ошибок.

Я вырос, в жизни многое постиг,
Познал любовь, а также боль отцовства,
И не забыл хороших слов твоих –
Как важного для сердца руководства.

Твоя любовь, неброская порой,
И наставлений мудрые советы
Входили в мою душу глубоко
И освещали путь небесным светом.

Смотрю я на подросших сыновей:
Чтоб не пришлось им в жизни горько плакать,
Весь опыт веры Господу твоей
Хочу в наследство передать им, папа.

Эпохальное событие

Событие свершилось эпохальное,
Нас вдохновляет радостная весть:
Распятый в дни далекие, пасхальные,
Смерть победив, Спаситель наш воскрес!

Воскрес Он. И Фоме, как доказательство,
След от гвоздей на дланях предъявил.

О, эти раны нам – как обязательство
Спасающей божественной любви.

Воскресший, славой царской коронованный,
За нас пред Богом в небе предстоит.
И там, мы знаем, место приготовлено
Всем, кто Христову веру сохранит.

И пусть за нами смерть еще охотится,
Но если мы Христу принадлежим,
То верим, вскоре беды все закончатся–
В небесной славе вечно будем с Ним!

Христос ищет не нашего, а нас

Не нашего Он ищет, ищет нас –
Вот краткий смысл Божественного слова,
Бесхитростный апостолов рассказ,
Доступен он для разума простого.

Но многим непонятна мудрецам
Была божественность в обычном теле,
Что Он являл Небесного Отца,
Что Он с Отцом – одно на самом деле.

Он непонятен был, что не стяжал,
Хотя и мог, уюта и богатства,
И от толпы Он вовсе не желал,
Принять корону на земное царство.

Отвергли, на распяты обрekli
За то, что не исполнил их желаний,
Что властью их сполна не наделил,
Что не от мира был, казался странным.

За то, что неформален был и прост,
Отверженных другими не отринул.
И тем, к любви кто братской не дорос,
Он с нежностью, склонившись, ноги вымыл.

Прошли века, но Иисус сейчас
Готов прийти на помощь к нам с любовью...
Не нашего Он ищет, ищет нас –
Мы дорогой Ему достались кровью.

Поиски

Мы ищем, Господь, постоянно мы что-нибудь ищем.
И в поисках тех голова наша ходит кругом:
Одежду получше, а также здоровую пищу,
Повыше, уютней, побольше соседского дом.

Мы ищем порою руки Твоей, Господи, щедрой,
Но редко мы ищем, о Боже, святого лица.
И жизни хотим мы красивой, комфортной, безбедной,
Забыв, что дороже всего нам – общенье Отца.

О, если б искали мы прежде, о Господи, Царства,
Где правда и радость, и мир, и Твоя благодать,
Могли б дорожить мы Христовым искупленным братством,
Стремилась не взять, а кому-то помочь и отдать.

Давайте же помнить, в душе не теряя из виду,
Нас ищет Христос и зовет, слышишь голос любви?
И если мы ищем Его, Он навстречу к нам выйдет,
Обитель в нас Духом Святым и Отцом сотворит.

Отче наш

С детства нас учили: «Отче наш...»
Знали, что Господь есть Добрый Пастырь.
Сохраняли это про запас,
Чтобы приложить к душе, как пластырь.

Вера прорастала нелегко.
И когда мы становились старше,
Небо нам казалось далеко,
Мир, что рядом, нам казался краше.

Вера у родителей была,
Генами она не передалась.
Мы учились, видя их дела.
Этого нам все же было мало.

Лишь когда пришлось нам испытать,
Яд греха, а после сердца муки,
Грешника в себе самом узнать,
За спасеньем протянули руки.

И теперь мы молим: «Отче наш,
Не отринь, спаси, не дай пропасть нам.
Верим, что прощение подашь,
И с любовью примешь, Добрый Пастырь»!

Мне сказать, что Иисуса я сильно люблю,
Очень просто и в тот же час сложно.
Просто – если губами я лишь шевелю,
Если сердцем – почти невозможно.

Разве это любовь? Утром, встав, помолюсь
Перед пищей и трудной дорогой,
А потом целый день позабыт Иисус,
Он не рядом, а где-то в сторонке.

Я такой бы любви не хотел для себя:
«Не забудь, помоги, поспособствуй...»
Это можно всегда говорить не любя
Или с долей изрядной притворства.

Я хотел бы всем сердцем Иисуса любить,
Восхищаться Им, петь от восторга,
И во имя Его с ближним долю делить
Бескорыстно, по-братски, без торга.

Я хотел бы во всем лишь Ему подражать,
Даже, если придется мне больно,

И любовь неземную Его отражать,
В этом мире быть светом и солью.

Ответ на поздравление

Единственная, милая, любимая,
Дарованная Богом на всю жизнь!
Слова твои – как песня соловьиная,
Читаю вслух, и голос мой дрожит.

Пусть между нами сотни километров,
Но для любви преград, по сути, нет.
И знаю я, послание ответное
К тебе доставит быстрый интернет.

Большое – зримей лишь на расстоянии,
Оценим в расставании любовь.
Проходим мы с тобою испытание,
У разных пребывая берегов.

Считаем дни, когда пройдет разлука,
Как «дембель» свой солдат на службе ждет.
Все в ожиданьи: дети, я и внуки–
Когда же Люда, наконец, придет?!

Их ожиданье, в общем-то, понятно:
Ты всем, как воздух, как вода, нужна.
А мне всего дороже и приятней
Созвучье слов: «любимая жена»!

«Любимая жена» – как это мило
Писать и говорить, и повторять.
Целуем, обнимаем мы, Людмила.
Жаль, интернетом то не передать!

*Донецк – Сакраменто
23 – 25 февраля 2012*

Людмиле

Я давно не писал, заржавело перо?
Или в буднях суетных заkis я?
Или, может не так уж пульсирует кровь,
Не тревожит ни сердце, ни мысли?

Но ведь даты такие: нам 41
Вместе выпало строить и мерить;
60 – юбилейных твоих именин
Не могу я в стихах не отметить.

Дорогая, я все вспоминаю, как сон:
Молодая, вся в белом невеста...
А жених, это я, и смущен, и польщен,
И волненье, и радости песни...

Много счастья с тобой пережили с тех пор,
Бед не много, но было, встречали...
Бог помог верно нам сохранить договор,
Тот, что в день сочтанья давали.

И сейчас, как и 40 лет с лишним назад,
Я тебя лишь одну выбираю,
И хочу, чтоб любовью светились глаза,
А в душе было счастье без края.

Август 13, 2019

Елена Шустрякова

*Ты словом Божьим мысли увлеку.
И если будут в жизни испытанья,
Ты обойди зыбучие пески,
Которые таят одни страданья...*

В христианском мире, и особенно в ее родном городе Санкт-Петербурге, Елена хорошо известна как автор множества проникновенных стихов, опубликованных в сборниках «Не загни в себе свечу», «Это я, а не кто-то другая», «Душа без Бога сирота». Она является главным редактором существующего с 2011 года межконфессионального христианского журнала «От сердца к сердцу» и автором многих материалов этого издания. Принимает активное участие в тюремном служении миссии «Открытые двери», с поэтическими выступлениями бывает в различных церквях Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Издательство «Библия для всех» выпустило уже три сборника рассказов этого автора для детей. К этому можно добавить, что она родилась 28 марта 1959 года в Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге. Стихи начала писать в самое не подходящее с человеческой точки зрения время – когда в её семье появился третий ребенок. «Но именно тогда Господь коснулся моего сердца, – говорит Елена. – Я благодарна Господу за благословения и испытания, которых было в моей жизни не мало, ибо в трудные минуты Господь был всегда рядом».

День обернется суетой,
Подступит к сердцу маета,
Но вспомню я совет простой –
Укроюсь в имени Христа.

Возьму надежный веры щит,
Он свяжет замысел врагу,
От всех напастей защитит,
И силы я приберегу.

И шлем спасения – на мне,
И праведность Христа – броня.
Не просто будет сатане
Стрелой своей пронзить меня.

На чреслах истина и меч
Духовный – битвой закален.
Он в состоянии отсесть
Нападку с четырех сторон.

Я ноги тороплюсь обуть
В готовность миру возвестить:
Христос есть истина и путь,
Он каждого готов простить!

В защите Божьей всех времен
Не одолеть святую рать.
И тех, кто так вооружен,
Господь научит побеждать!

Размышления над притчей о сеятеле

«...вот, вышел сеятель сеять»

Мф. 13:3

Не зная ничего о Боге,
Жила, как из последних сил.
Была я пылью при дороге,
Где мой Спаситель проходил.

Пригоршню щедрую пшеницы
Он с грустью бросил мне тогда,
Но... в тот же миг слетелись птицы
И все склевали без следа...

Шагали дни походкой быстрой,
Прости, Господь, давным-давно
Я стала почвой каменистой,
Где проросло Твое зерно,

Но солнце задышало жаром,
И влаги не хватило дню –
Как от незримого пожара
Посев иссох Твой на корню...

Но Ты, Господь, в трудах упорен!
Когда опять пришла весна,
Ты не жалел отборных зерен,
Для сева дал еще зерна.

Как грустно вспоминать бывшее
Упорство немощной души!
Взошло на поле семя злое,
Пшеницы всходы заглушив...

Но острый плуг опять трудился,
Одолевая целину.

Наверно, кто-то помолился,
Чтоб доброму взрасти зерну.

Дождь поливал благое семя,
Земля ему давала сил...
Спасения настало время –
Никто посев не загубил.

Пусть щедро нива колосится,
Я не хочу другой судьбы.
В день жатвы и мою пшеницу
Жнец соберет в свои снопы!

В начале начал двадцать первого века
Так хочется крикнуть среди каменных стен:
«Ищу человека! Ищу человека!»
Так к людям когда-то взывал Диоген.

Века пронеслись. Как давно это было!
В руках его факел горел среди дня.
Его одиночество так возопило,
Что через столетья коснулось меня.

Он жил рядом с морем в бочонке дощатом,
Где ветер гостил от зари до зари.
Однажды явился к нему император,
Желая богатством своим одарить.

«Проси чего хочешь!» Растрескалось донце,
Не дом – наказание – в косые дожди...
«Ты мне заслоняешь сияние солнца! –
Ответил философ. – Прошу, отойди!»

Он слыл чудаком и неправ был во многом.
Такой аскетизм – неприемлемый груз.
К тому ж он не знал всемогущего Бога –
Еще на земле не родился Иисус...

И все же, мир помнит философа-грека.
И в наш 21-й безумнейший век
В толпе кто-то ищет опять человека...
Откликнись! Дай знать о себе, человек!

Мир сегодняшних дней сатаной развращен,
Приближается страшное время.
Хорошо, если ты Иисусом прощен
И омыт Им от пятки по темя.

Церковь будет восхищена. Выйдет Жених
И заявит Отцу громогласно:
«На Голгофском кресте Я распят был за них,
Я отдал Свою жизнь не напрасно...»

Если ж к Господу ты до сих пор не пришел,
Заплутал, задержался в дороге,
Помни, Бог для того Свой покинул престол,
Чтобы ты мог утешиться в Боге.

Я не знаю тебя, беден ты иль богат,
Как воспитан: свободно иль строго,
Но к семье христианской прибавится брат,
Если сердцем уверуешь в Бога.

Съеден день суетой, чья-то воля, как пресс,
Неудача в чертоги вселилась...
Для того Бог оставил высоты Небес,
Чтобы жизнь твоя Им осветилась.

Я не знаю, о чем ты мечтала вчера,
Мало лет тебе или же много,
Но в семье христианской родится сестра,
Если сердцем уверуешь в Бога!

Мир сегодняшних дней сатаной развращен,
Он воюет, открывши забрало.

Хорошо, если ты Иисусом прощен.
Чаша наполнится... времени мало...

Желания – зыбучие пески...
Ступив ногой, так трудно удержаться!
Мы поступаем сердцу вопреки:
Не устоять... намного легче сдаться...

Купилась Ева, пойман был Давид.
И рядом с нами множество примеров.
Нас не всегда удерживает стыд,
Нас не всегда удерживает вера.

И если все же одолеет грех,
Поймают в сети порванные связи,
Ты обречен с Иисусом на успех,
Он будет рад достать тебя из грязи!

Он заплатил за грешников сполна!
Взирайте на крест! Поныне кровь струится.
А ржавый гвоздь на Нем – твоя вина
Вколочена безжалостно в десницы.

Ты словом Божьим мысли увлеку.
И если будут в жизни испытанья,
Ты обойди зыбучие пески,
Которые таят одни страданья...

Мы вместе с Иисусом, а не врозь!
Не даст отпасть Голгофский ржавый гвоздь!

С опереньем цвета южной ночи
Залетела птица в мой покой.
На свободу выпорхнуть не хочет.
«Что ж, – сказала ей, – сиди и пой!»

Если по стеклу гвоздем царапать,
Будет звук приятней и нежней...
А она скребет когтистой лапой,
И перо топорщится на ней.

Вижу: сила эта не от Бога.
Говорю, и голос мой дрожит:
«Как зовут тебя?» В ответ: «Тревога.
Я теперь с тобою буду жить...»

«Для чего? Не будь незваной гостьей!
Улетай, пока горит рассвет!»
А она печаль мне сыплет горстью
И шипит, как змей ползучий: «Н-е-е-е-т».

Но другая птица рвется в битву,
Наполняя светом мой предел!
Лучезарны крылья у молитвы.
Вижу: дом мой ожил, просветлел.

Не темно в нем больше, не убого,
Где-то в небе кружит воронье.
Если в сердце вьет гнездо тревога –
Ты молитвой прогони ее!

Оставив мягкую постель
И все, что было так надежно,
Пешком, за тридевять земель
Шел человек в пыли дорожной.

И часто под шатром небес
Встречал рассветы и закаты.
Христос, что был распят – воскрес,
И он теперь Его глашатай.

Повсюду церкви насаждать
Имел он Божье порученье.
Так важно людям рассказать:
Через Голгофу – путь к спасенью.

Недавно было все не так.
Его в той жизни Савлом звали.
Он был всем христианам враг,
А их в ту пору убивали.

Но видит Бог сердца людей.
Пред Ним – души открыты недра.
Он знал, что этот фарисей
Ему до смерти будет предан.

Что станет Господу служить
Вениаминово колено.
Что через Павла веры нить
Спасет язычников из плена

Коринф, Галатия, Ефес,
Большие города, селенья.
Он нес апостольский свой крест
И весть благу о спасеньи.

Не мог всю жизнь прожить в тени,
Был обезглавлен при Нероне.

Но все ж, как римский гражданин,
Властями в Риме похоронен.

Мы христиане – я и ты
Трудов апостольских плоды...

Душа без Бога – сирота...

Ты с Господом имеешь сходство,
Искуплен кровию Христа.
Не соглашайся на сиротство:
Душа без Бога – сирота.

Ты от начала – Божье чадо,
Принять спасенье не готов...
Лишь Пастырь сохраняет стадо
От пасти рыкающих львов.

Смотри, их сколько наготове
Исходят пеной и слюной.
Они стоят и жаждут крови...
Душа, опасно быть одной!

Запутаться и заблудиться
Средь миражей – не мудрено,
Но за тебя Бог будет биться,
Коль с Ним ты будешь заодно.

Ворвется радость ниоткуда,
Надежда птицей воспарит,
В тебе покается Иуда
И воспоеет псалмы Давид.

Воскреснет Лазарь, хлынут реки
Живой воды средь буйства трав,
Оставят костыли калеки,
И будет погран Голиаф...

Ты с Господом имеешь сходство,
Искуplen кровию Христа.
Не соглашайся на сиротство:
Душа без Бога – сирота.

Перед картиной Поленова «Христос и грешница»

Это я, а не кто-то другая
В обрамленье багетном холста,
Средь толпы все смотрю, не мигая,
На сидящего рядом Христа...

И меня, не кого-то другого,
Дождается смерть и позор,
А Христос, не промолвив ни слова,
Только чертит рукою узор.

...Вой толпы, разъяренные лица,
Кипарисы и солнечный свет...
Это я, в пыльном платье блудницы,
Ожидаю Иисуса ответ.

Буду жертвой в законченной драме
И останусь строкою стиха...
Скажет Бог: «Бросит тот в нее камень,
Кто в душе не имеет греха...»

Обвинители все разойдутся,
И останусь лишь я да Иисус.
Слезы горьким потоком польются,
Обретая раскаянья вкус.

А мгновенья несутся без счета,
В черных косах прибудет седин...
«Где толпа? Осудил тебя кто-то?»
«Нет, – отвечу. – Никто, Господин!»

«Вот и я не сужу тебя тоже,
Только впредь никогда не греши!..»
И слова эти – дрожью по коже
Проникают в глубины души.

Это я, а не кто-то другая,
В обрамленье багетном холста,
Все стою и смотрю, не мигая,
На сидящего рядом Христа...

*«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь
зла, потому что Ты со мною...»*

Псалом 22:4

Взгляни под ноги: рядом бездна...
Обвалами пугает путь.
Стоять на месте бесполезно,
Назад уже не повернуть.

Вперед – и только... дрожь в коленях,
И неустойчива стопа.
Внизу долина смертной тени,
Туда влечет меня тропа.

Ты скажешь: «Я красив и молод,
Я полон жизни и огня.
Не для меня могильный холод,
Тлен и покой – не для меня...»

Увы – такие рассужденья
Не устранят твоих проблем.
Пройти долиной смертной тени
Когда-нибудь придется всем –

Чуть раньше... позже... В том ли дело?
Смерть не отложишь на потом.
Но легче расставаться с телом
Душе, оправданной Христом!

Тем, кто Его искуплен кровью,
Кто веру не считал за бред,
Кто на Христа взирал с любовью
Отмеренный отрезок лет.

Как много тех, кто был моложе
Затерянных в пыли времен!..
Пусть каждый день так будет прожит,
Как будто бы последний он...

Оглавление

Любовь Бледных (Володенко)	5
Ольга Велиган	23
Надежда Гаркуша	45
Любовь Данчева	67
Галина Джежула	83
Виктор Иотко	105
Светлана Иотко	147
Ирина Кархут	163
Михаил Козубовский	185
Владимир Мысин	199
Андрей Нейфельд	221
Павел Озерков	235
Александр Полищук	253
Вера Савченко	269
Вера Сухумская	291
Владимир Ульченков	307
Надежда Храпова	319
Владимир Шариков	337
Леонид Шатохин	349
Елена Шустрякова	367

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Альманах духовной лирики

Редактор-координатор Петр Панасенко
Благотворительный проект The Russian Library & Cultural Center
Сакраменто, Калифорния

© Коллектив авторов, 2021

5537 Hemlock Street, Sacramento, CA 95841
e-mail: russaclibrary@gmail.com

